

Георгий Георгиевич Батура

**Мистерии
янтарного края**

Георгий Георгиевич Батура

Мистерии янтарного края

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70070011

SelfPub; 2023

Аннотация

Что такое женщина и мужчина и для чего они пришли в этот мир? Рожать детей или для чего-то иного? В чем их принципиальное внутреннее отличие? Как ответить на эти вопросы, если рассуждать обо всем этом не с точки зрения сегодняшнего демократического государства, а того глубинного знания, которое накопило человечество в течение тысячелетий? Для чего мужчине и женщине дан любовь, и какая бывает любовь, если ее "разложить по полочкам"? Ведь в нашем русском языке понятие любовь необозримо широкое по своему использованию. Какова роль любви в осуществлении предназначения человека на земле? И в чем заключается это предназначение? Существует ли принципиальное отличие между русскоязычными и англоязычными, и почему мы не всегда понимаем друг друга? Связана ли духовность с языком? И вообще, существует ли духовность в действительности или ее придумали не совсем адекватные люди? Рассматривая древние тексты с несколько иной точки зрения можно ответить на все эти вопросы.

Содержание

Предисловие	5
Что-то из жизни автора	7
Агапы новой России	16
О любви и ее терминологии	23
Мистерии (начало)	44
Мистерии (продолжение I)	73
Мистерии (продолжение II)	109
Мистерии (продолжение III)	140
Мистерии (продолжение IV)	177
О традиционном христианстве	220
Мужское и женское	225
Брачная тема в проповеди Иешуа	235
Супружеские отношения в	261
Истина и правда, совесть	278
Загадка синоптического текста	338
О различии в путях спасения	386
Заключение	397

Георгий Батура

Мистерии янтарного края

Моей Алёне в годовщину 55-летия свадьбы

Ей, россияне!
Ловцы вселенной,
Неводом зари зачерпнувшие небо, —
Трубите в трубы.

Новый сеятель
Бредет по полям,
Новые зерна
Бросает в борозды.

С.Есенин 1917

Предисловие

Мне хочется верить, что есть на земле люди, такие как я. Но они никогда не поймут, что с ними происходит, потому что на это надо положить всю свою жизнь. И даже если приложат все свои усилия, для них вряд ли так благоприятно сойдутся обстоятельства жизни, как у меня.

Для всех других – это развлечение. Услышать об этом – это посмотреть в музее на диковинную восковую фигуру и воочию убедиться, что у нее «во лбу звезда горит», и тоже два уха, и не растет хвост. Эти другие заняты делами. Они, как дети, иногда мечтают о том, чтобы добро победило зло или рассуждают о каком-то Царстве Небесном, о котором не имеют никакого представления. И все подобные разговоры для них – это минутное отвлечение от настоящей жизни, которая их всецело поглощает. Так есть и так было тысячелетия. И когда кто-то из них добирается до хорошей «кормушки», сразу же забывает о «добре» и о «Царстве», и начинает жить полной жизнью.

Эта книга для человека, который *не от мира сего*. Это – человек-невидимка, и все окружающие люди уверены в том, что он не существует, и что все вокруг такие же, как они. Если ориентироваться на тех, для кого я пишу, достаточно издать два экземпляра этой книги и положить их на Северном и Южном полушарии Земли. И пусть они ждут своего

читателя.

Я прекрасно понимаю, что таким предисловием будоражу умы тех, кто принадлежит ко всем, и на мед этих слов слетятся осы, но не пчелы. И вдруг окажется, что мои записи где-то востребованы, и книгу станут читать. Но кто из моих читателей не прелюбодей?

Что-то из жизни автора

В этой книге я буду говорить о *стандартных мистериях* в различных религиях, и о том, что они означают для получившего их человека. И вообще, что это такое, *мистерия*? Ведь сегодня уже никто не может дать ответ на этот вопрос. Хотя евангельский Иисус говорил когда-то своим апостолам, что им «дано познать *мистирию Царства*». Как понимать эти его слова? Или, может быть, он это не говорил?.. Но еще задолго до него, а также прямо во время его проповеди в древнегреческом мире существовали *Элевсинские мистерии*. А значит... *мистерии* все-таки существовали.

Это не будет книга, подобная многим другим, которые описывают условия зарождения, развития и утверждения канона традиционных религий человечества. Я хочу взглянуть на эти проблемы исключительно с точки зрения своего *особого личного опыта*, который, как мне казалось первоначально, не имеет никакого отношения к религии, потому что начало этой истории восходит к временам СССР, и никакого интереса к религии я в то время не испытывал.

Во всем остальном, кроме этого *непонятого опыта*, мои жизненные обстоятельства ничем не отличались от таковых для большинства граждан Советского Союза. Школа, Калининградский Технический Институт Рыбной Промышленности (КТИ), женитьба на девушке, с которой познакомил-

ся в студенческом строительном отряде; работа по распределению молодым специалистом в конструкторской организации города Калининграда, рождение сына, получение бесплатной квартиры от государства, периодические длительные командировки на научно-исследовательских судах в составе научной группы и бесплатные шесть соток земли для огорода (а сейчас уже двенадцать).

И, наконец, вожденный автомобиль «Запорожец», полученный по очереди на предприятии, – для того, чтобы беспрепятственно добираться до своего садового участка, который расположен на расстоянии шестнадцати километров от города. И так – до самой пенсии. Но и после этого рубежа – уже другая работа, суточное дежурство, так как постперестроечная российская пенсия это жалкое нищенское существование. После этого гораздо больше внимания и времени уделялось вопросам исследования *непонятного опыта*. И так – вплоть до настоящего времени, когда я продолжаю трудиться в свои 76 лет.

Следует особо отметить, безо всякой ложной скромности, что на какой бы работе автор ни побывал за время своей долгой жизни – вплоть до призыва на военные сборы, – его всегда старались там оставить. И за профессиональные качества, и за ответственное отношение к своему делу, и за покладистый характер, и во многом по той причине, что его присутствие в коллективе всегда этот коллектив как-то сплачивало: сглаживались острые углы отдельных его предста-

вителей, и воцарялась атмосфера дружелюбия и оптимизма. Это особенно проявилось во время морских командировок, когда рейсы продолжались по шесть месяцев без захода в родной порт, когда психика претерпевала изменения, и человек становился неуравновешенным.

Для чего я все это так подробно и откровенно описываю? С единственной целью: чтобы мой виртуальный читатель понимал, что автор не является (и никогда им не был) пациентом психоневрологического диспансера. Потому что тот *особый опыт*, о котором я говорю, и который буду описывать в этой книге, был далеко не совсем обычным для здравого сознания.

Для врача психиатра скажу, что ни разу в жизни не слышал каких-то «внутренних голосов». Никогда в моей жизни не было «психических срывов» или эпилептических припадков, как у прекрасного Эхнатона. Я никогда не принимал какие-либо «успокоительные» таблетки. Во мне до настоящего времени не произошла «деградация личности», и я до сих пор, как и прежде, с интересом общаюсь с людьми.

Для того чтобы разгадать, что же все-таки со мной происходило, и как это должно было повлиять на всю мою дальнейшую жизнь и судьбу, мне пришлось в какой-то степени отвлечься от вопросов карьерного роста и обратить пристальное внимание на эти непонятные обстоятельства.

Уже в ранний период такой новой жизни для меня стало ясно, что ответ на вопросы следует искать не в медицинских

справочниках, а в той области человеческого знания, которое у эллинов называлось словом «мистерия». Читатель, наверное, помнит название «Элевсинские мистерии», если ему приходилось знакомиться с миром Древней Греции.

Всё это каким-то чудесным образом совпало со временем горбачевской перестройки. Почему чудесным? По той причине, что в стране появился интернет, причем, безбрежно свободный, безо всяких авторских прав и ограничений. Из сети можно было черпать любую интересующую тебя информацию. Ведь до этого в СССР под запретом была даже Библия. Того моряка, у которого ее находили (в иностранном порту миссионеры предлагали нашим морякам миниатюрное издание Библии на русском в качестве подарка), могли списать с судна и закрыть визу, если это было в рейсе. А тут – все что угодно по интересующим тебя вопросам.

Здесь же упомяну, что впервые познакомился с текстом *Евангелия* на Украине, у моего деда по отцу, Максима Демьяновича. Это произошло еще во времена СССР, когда отдыхал в Белой Церкви летом. К тому времени эта старенькая дореволюционная книжка лежала в одноэтажном соломенном украинском домике, что на Заречье, на маленьком подоконнике безо всякой надобности. Мне было интересно ее читать. Сейчас она у меня. В то время я даже хорошенько не осознавал, чем отличается церковнославянский текст от того синодального перевода с «ятями», который читал у деда.

«Ты, Жора, как наш бывший ксендз», – говорил с уваже-

нием мне дед, когда я отвечал на его вопросы и объяснял ему смысл и содержание евангельского текста. В то далекое время мне самому казалось, что я этот текст хорошо понимаю. Ведь до этого я уже успел успешно проштудировать *Бхагавад Гиту*, которую считал гораздо более мудрой и духовной, чем этот «простенький» нравоучительный христианский текст. Судьба послала мне необыкновенно мудрого и прекрасного деда.

В мае 2002 года я стал брать уроки древнегреческого языка у одного из старейших и лучших преподавателей Калининградского высшего учебного заведения, переименованного впоследствии в БФУ им. Канта, – у Виталия Алексеевича Сычинского. И это только для того, чтобы читать *Евангелие* в подлиннике. Потому что не находил ответ на свои вопросы ни в тексте синодального перевода Библии, ни в церковнославянском переводе (как бы прекрасен он ни был), ни в англоязычных вариантах *Нового Завета*, ни даже в католическом переводе Священного Писания на польский язык, который я немного знал, так как в молодости любил смотреть польское телевидение.

Позднее у меня появилась активная переписка с отечественным коптологом, который опубликовал в сети новый перевод *Евангелия от Фомы* из библиотеки Наг-Хаммади, а затем – переписка с известным египтологом из Новосибирска, М.В.Пановым. Все мои изыскания были направлены исключительно на то, чтобы постараться читать исходные ре-

лигиозные тексты – те, в которых можно было что-то почерпнуть о *мистериях*, – в подлиннике или хотя бы понимать главную духовную терминологию текста, который был интересен в конкретный период времени. С этим принципом я подходил к вопросу изучения текстов *Бхагавад Гиты* (уже по-новому) и классических *Упанишад* Индии, *Дао Дэ цзин* и *Лунь юя* Китая, *Авесты* зороастрийцев, *Торы* иудеев, египетской «Книги мертвых» и других. Понятно, что все эти исследования не были подобны академическому штудированию наук в университете. При этом все то, что невозможно было прочитать на языке русском (если не существовало перевода на русский), я читал на английском, который тоже немного знал.

Все эти мои занятия нельзя было назвать тотальным изучением древних текстов «по списку». Конечно, нет. Всё это исследовалось не для отчета, а исключительно для себя. Ни о ком другом, кроме *себя самого*, я тогда не думал. В то далекое время у меня даже мысли не было, что я когда-то все это стану описывать для постороннего человека. Более того, верит читатель тому или нет, но эта книга родилась совершенно неожиданно для меня самого: взял почему-то автоматический карандаш и пишущую бумагу и стал припоминать свою краткую «биографию». Костяк книги написал за каких-то пару месяцев, нисколько себя не утруждая. Как будто свою далекую жизнь вспомнил...

Итак, когда исчерпывался интерес к очередному тексту

или религии и в голове складывалось определенное мнение по какому-то древнему направлению, всегда приходили не зависящие от меня обстоятельства, которые поневоле обращали внимание на другой текст, уже совсем иного учения или религии. Это явление неоднократно отмечал мой школьный товарищ, который регулярно приезжал в отпуск к своим родителям из Риги. Подходил к книжным полкам и с недоверием ворчал: «Послушай, у тебя каждый раз совершенно другие книги!». Он не понимал этих моих исканий, проявляющихся в резкой смене «увлечений» и полагал, что всё это наносное.

Так было у меня, например, с древнекитайским направлением, которым я до этого никогда не интересовался и не считал подобное занятие заслуживающим внимания. Какие-то иероглифы, не имеющие к моим поискам никакого отношения! Однажды, как обычно, я спустился в магазин «Книги и книжечки», что располагался на центральной площади Калининграда, и увидел на полке тоненькую книжку небольшого формата, прекрасно изданную нашим «Янтарным сказом»: в твердой обложке, на глянцева́й бумаге и с прекрасными репродукциями. Это был *Дао Дэ цзин* в советском переводе Ян Хин шуна. Любой интеллигент того времени трепетно относился к книге (такого увлечения книгой, самой по себе, в стране давно уже нет), и тем более прекрасно изданной. И конечно, я ее купил. И как это было всегда, полностью забыл все свои прошлые изыскания и с головой погрузился

в мир Древнего Китая.

И опять, наверное, везение: как раз именно в это время в продаже стало появляться много переводов и других книг прекрасных китаеведов советской школы, которые наперебой издавали исследования по *Дао Дэ цзину*, и *Лунь юю*. В то время я купил в интернет-магазине замечательный «Большой китайско-русский словарь» под редакцией профессора И.М.Ошанина (четыре увесистых тома!), приобрёл все эти тексты на древнекитайском и занялся их пристальным изучением.

Читатель пусть не удивляется подобной мнимой эрудиции автора: древнекитайский текст это, в первую очередь, рисунчатый рассказ, – это сами иероглифы, их древний смысловой рисунок. В тексте они следуют один за другим, как картинки комиксов или кадры кино, а грамматика почти отсутствует. Это не иероглифы Древнего Египта, которые являются составной частью сложного в грамматическом отношении языка, изменяющегося на протяжении тысячелетий.

И должен сказать, что именно Конфуций, а не Лао цзы, меня очень многому научил. Он объяснил мне то, что происходило во мне самом, и чего я до этого времени не понимал, и о чем невозможно прочитать ни в какой другой книге. Но не тот Конфуций, который известен всему миру по стандартным переводам *Лунь юя*, а подлинный проповедник учения о *мин синь* («просветление сердца»), который заново открыл для себя и для всего Китая древнее духовное учение

аристократов династий *Шан* и Раннего *Чжоу*. К сожалению, Китай этого открытия не понял, – в то время его занимали уже совершенно другие вопросы.

При этом все те откровения или *мистерии*, которые получал автор настоящей книги, являлись его сугубой тайной даже для домашних. Да и какая это тайна? Ведь если говорить объективно, это никому не было интересно, да и незачем было знать. И как об этом говорить? Какими словами? Кого интересуют какие-то потусторонние «видения», необычные сны или состояния у другого человека, если этот человек продолжает функционировать в семье и обществе без каких-либо изменений? Все это не имело никакого отношения к текущей жизни. Домашние обратили внимание только на то, что автор стал писать какие-то «книжки» на евангельские и другие темы. Благо, что в то время нашелся заинтересованный товарищ на работе (ныне покойный), который по собственной инициативе занялся публикацией этих книг в библиотеках Сети. Но если помнит читатель, в то время очень многие принялись публиковать в интернете свои «откровения». И где они сейчас? Так что особого удивления это ни у кого не вызывало.

Агапы новой России

«Пей воду из своего источника»

Ну и теперь настало время сообщить читателю о тех «мистериях», которые получал автор в продолжение всей своей жизни и которые являются базой или основанием для всех последующих выводов в этой книге. Читатель должен при этом понимать, что книга вовсе не для того написана, чтобы подробно разбирать эти «мистерии»: их перечисление дается только в качестве преамбулы к главной теме. Главная же тема заключается в том, чтобы показать читателю, что традиционное понимание всех религий не является верным, потому что не связывает их в единый процесс развития внутреннего мира человека. Подобное раздельное понимание религий было вполне объяснимым в прошлом, когда народы жили автономно друг от друга, но такое традиционное восприятие лишало религии настоящей базы, и было основано исключительно на *вере* в проповедь основателя религии, но не на подлинном *знании*. А подлинной базой всех религий является *одинаковость* внутреннего мира человека у всех народов земли.

За ушедшие тысячелетия европейский человек разительно изменился: он повзрослел в *рациональном* отношении, во многом обеспечил себя средствами к существованию, стал

менее зависим от сил природы и как результат – утратил ту подлинную *веру*, которая одухотворяла существование всех прежних народов. Это не катастрофа, это естественный процесс роста человеческого сознания, которое выбрало для себя техногенный путь развития. Но из этой *пропасти*, в которой оказалось человечество, надо как-то выбираться, потому что человек по своей духовной природе – *не скотина*, и потому что его существование имеет смысл.

Скажите, во что превратилось сегодняшнее христианство? И разве можно его сравнить с тем, которое существовало на заре новой эры? Где та *жертвенность*, которая одухотворяла эту религию в самые первые века ее существования? Где подлинны *агапы* ранних собраний христиан? Но то же самое происходит и на другом конце земли. Куда канули духовные практики династий *Шан* и Раннего *Чжоу*, которые выродились в социальное учение под названием «конфуцианство»? Или где сегодня знаменитые *Элевсинские мистерии* древних эллинов? Или римские мистерии *Митры* Непобедимого Солнца, которые практиковались всем воинским сословием Империи в III в. н.э.? И как расценивать путь иудаизма от *Торы* к *Каббале* и далее к *хасидизму*?

В духовном отношении менее всех других изменился ислам, – он еще достаточно молод. Но развитие всех без исключения религий имеет тенденцию к постепенному угасанию, как особой силы в обществе, к раздроблению на секты, к полной утрате истинной духовности или к вырождению в

какие-то национально-расистские формы. И все эти процессы идут рука об руку с тотальным исчезновением понятия «духовность» в человечестве.

Но вместе с тем все живущие на земле *человеки* – это люди, одинаковые по своему физическому составу, по способности мыслить, любить и ненавидеть. И надо иметь извращенное мышление, чтобы предположить, что предназначение человека и достижение им смысла своего существования разнится в зависимости от крови или цвета кожи. Подлинное название такому убеждению – религиозный расизм. Духовное падение современного человека заключается в том, что большинство из нас прекрасно осознаёт, что те процессы, которые развиваются, в первую очередь, в западном мире, – это, в действительности, *сатанизм*, но никто из нас не видит в этом особой катастрофы: «Меня это не касается». Да и сам Сатана – это пустая выдумка примитивных предков.

Назначение настоящей книги заключается в том, чтобы показать читателю, что же придет на смену главным религиям в будущем, или, если говорить точнее, чем отдельные религии будут *коронованы*. Это светлое новое будет основано не на собственных измышлениях автора, а на несколько прочтении древних текстов, в которых будущее человечества очерчено абсолютно ясно и безо всяких кривотолков. Но в силу тогдашней незрелости человеческого духа это ясное и откровенное не могло быть понято правильно.

В этой книге мы постараемся показать читателю, что глав-

ное в нашем человеческом бытие – это существование на земле двух *совершенно разных*, и даже противоположных существ, наделенных сознанием, – мужчин и женщин. Они как будто с разных планет на Землю свалились. И от того, как будут построены взаимоотношения этих двух автономных и даже *антагонистических* единиц, зависит вся их будущая судьба, включая то посмертное бытие, в которое в нашем цивилизованном мире уже давно никто не верит. Но от этих взаимоотношений зависят также и судьбы всего мира, потому что наша планета – это что-то наподобие искусственного инкубатора для выращивания совершенно особого «продукта». Причем, в этом замечательном «инкубаторе» есть свои враги – «лисы» и «крысы», которые поедают не проклюнувшиеся яйца или вылупившихся цыплят. Но есть и защита. И если я, безо всяких восторгов, назову слово *любовь* (а оно в нашем русском языке такое же широкое, как и русская душа), то многим читателям это будет непонятно.

Тема разговора не совсем обычна, нова и даже маргинальна для читателя. Так всегда бывает и это естественно для нашего человеческого мира. Но, несмотря ни на что, будущее за этим. Человечество вплотную подошло к решению этого вопроса, пусть и через катастрофу. Но оно должно будет сделать для себя выбор: или небытие, полная зачистка и зарождение новой ветви человечества, которая окажется в состоянии решить задачу, поставленную перед Землей какими-то Высшими Силами или не открытыми наукой Зако-

нами. Или – тот путь, который описан в этой книге и который был предначертан человеку *an'архэс*. Как увидит в дальнейшем читатель, этот путь не придуман самим автором. Он описан в древних книгах и как бы совершенно случайно, без особого плана и намерения, апробирован на его жизни. Так сложилось, так получилось «само собой», и в конце жизни сформировалось в удивительно отчетливую и ясную картину в сознании.

Книга не простая. Она плотно заполнена незнакомой для читателя информацией и многочисленными цитатами из авторитетных источников. Она не для всех, и ее не считаешь для развлечения. Более того, она не для традиционных христиан, которых я искренне люблю, потому что сам когда-то горел этим же самым святым духовным огнем. Эта книга больше для мужчин, чем для женщин, впрочем, точно так же, как и *Евангелия Христа*. И это притом, что исторический Христос больше любил женщин.

В книге много говорится о Древнем Египте, о верованиях мандеев и текстах *Упаншиад* Древней Индии. Потому что без всей этой «подкладки» *Евангелия* не понять. В традиционной богословской трактовке евангельские тексты уже давно оторваны от своих родных «языческих» корней, – этого уже никто не помнит, и евангельское повествование, вынутое из своего древнего окружения, висит на тонюсенькой ниточке под названием «Христос». Сегодняшнее человечество, как и тысячу лет назад, не сомневается в том, что сам Хри-

стос – это продукт и рождение иудаизма.

По этой причине, когда в начале прошлого столетия англичанка Эсель Стефана Дровер опубликовала древние религиозные тексты мандеев – они были открыты этой энтузиасткой впервые в мире и свалились на человечество, «как снег на голову», – это не произвело того впечатления, которое они должны были вызвать в христианской душе. А в них одним из важных персонажей является Христос, а еще – Иоанн Креститель.

Еще одно важное событие произошло в середине прошлого столетия, когда в Египте были обнаружены древние тексты с неизвестными науке *Евангелиями* на коптском языке. Один из этих текстов – это самое раннее известное науке *Евангелие*, в котором повествование ведется от имени Иисуса. В нем дублируются многие высказывания Христа канонических *Евангелий*. Но и на этот раз богословы данное событие оставили без внимания.

И, наконец, уже совсем недавно в Египте был обнаружен клочок папируса, в котором содержится обрывок фразы: «*Иисус сказал: Моя жена...*». Тишина. Мертвая тишина.

Я хотел бы верить, что русский человек – даже в современной потребительской России – в состоянии осмыслить содержание этой книги. А кто-то – увидеть новую цель в своей жизни. Ведь мы, русские, по своей исконной природе никогда не были индивидуалистами. Мы никогда не были особо меркантильными. Нас втолкнул в это прокрустово ложе

«враг человека» (Мф. 13:28). Как злой египетский *Сет* – доброго *Осириса*.

О любви и ее терминологии

Пусть мой читатель не волнуется, я не забыл о том, что обещал ему рассказать о мистериях. Но перед этим – еще одна важная тема. Можно задать вполне естественный вопрос: у кого из нас больше шансов познакомиться с этими мистериями? Попробую на него ответить.

Во-первых, это, конечно, молодой человек, совсем еще юноша. Начинается все именно в этом возрасте. Такой должен обладать двумя принципиальными особенностями. Первая. Он по природе своей и безо всяких внутренних усилий с любовью и сочувствием относится ко всему окружающему миру, включая даже деревья, которые для него *живые*. Он внутри себя, *от сердца своего* чувствует их радости и печали и сочувствует им, как меньшим братьям по бытию. Для него внутренне трудно причинить живому боль. Это дружелюбный, а порой и ласковый человек, который имеет открытое сердце и не знает о той подлости, на которую способны люди.

Такая ласковость сродни особой ласковости украинского языка, которая особенно ярко проявляется в лирических песнях этого народа. Этой лиричности и ласковости нет ни в нашем русском, ни тем более в польском языках, которые являются самыми близкими к украинскому, и она – та прекрасная черта украинской *мовы*, аналога которой нет, наверное, ни в одном языке мира. Но при этом он, этот юноша,

имеет долю отваги и обладает силой воли. Это как бы одна сторона «разновесов» его души.

Вторая – более болезненная и противоречивая, хотя и очень часто встречающаяся у наших русских мальчиков. «Для чего я живу? Для чего меня родили в этот мир? Все смертно, и я умру. Но в таком случае и жизнь бессмысленна». Вот такие вопросы терзают его душу.

«Да, конечно, все мы знаем, что, возможно, есть Бог, который нас создал, но это означает только одно: именно он ответственен за всё. Именно он *виноват* в том, что все так хорошо и одновременно – так плохо». Отметим, забегая немного вперед, что в таком заключении юноши присутствует изрядная доля истины: «виноват» именно Бог.

И в груди этого молодого человека рождается вопрос к этому Богу: «Зачем? Ответь мне, если ты в состоянии». Вопрос дерзкий и, понятно, – «в никуда». И более того, этот юноша далеко не уверен в том, что такой Бог действительно существует. Но вот это постоянное внутреннее усилие в груди, – как будто человек уперся руками в стену и все время ее удерживает, чтобы она не опрокинулась, – такое часто подсознательное и не контролируемое сознанием направление воли является второй главной особенностью нашего молодого человека. Во всем остальном он незаметен для окружающих и почти паинька. И, наверное, необходимо добавить самое последнее. У него рано пробуждается эрос, и, возможно, именно от этого такая *любовь* ко всему живому.

И вот тут мы скажем несколько слов о его, и не только его, *любви*, в том числе ко всему живому. Правду говоря, «любовь» – это прекрасное русское слово, оно даже и звучит как-то благозвучно. Но когда приходится говорить о *любви*, как в нашем, например, случае, порой приходишь в неразрешимое недоумение.

Например, кто-то доверительно сообщает тебе под большим секретом, что он *любит* Бога. И такие люди действительно есть, и говорят они искренне. А какая-то девочка-одуванчик, например, весело прощечбечет: «Я так *люблю* моего попугайчика Антошку!». И это чудесно! А кто-то из взрослых крикнет и, отвернувшись, хмуро ответит: «Что ты пристал, я занимался *любовью*». – Что... что... ты мне... сказал?

О, ужас! Физическое сношение в публичном доме и высшее чувство к Создателю мира характеризуется в нашем русском языке одним и тем же прекрасным словом «любовь».

Почему так произошло? Ведь упрекнуть наш богатый русский язык в лексической недоразвитости было бы несправедливым. И это правда. Но в то же самое время в чрезвычайно важных для нас и предельно интимных отношениях мы – немые. Для этого в русском лексиконе существуют только *матерные* слова.

Объясняется это недоразумение тем, что, несмотря на проявляемую порой разухабистость (ненормативная лексика, судя по всему, именно отсюда), русский человек по сво-

ей природе очень стыдлив. Почему стыдлив? Наверное, потому, что, сколько себя помнит, всегда жил на необъятных просторах нашей Родины, – не так, как европейцы, «друг на друге», – а также потому, что «это» всегда было для него чем-то «не от мира сего», – тайным, глубоко интимным и даже божественным. Он не понимал этого *чуда* и старательно обходил эту тему молчанием. И на такую исходную природную стыдливость русского человека легло тысячелетнее отношение к *сексу* нашей православной Церкви.

Представьте себе обычную картину для любой дореволюционной деревни, которая в воскресный солнечный день собирается на заутреню. Отдельно выстраивается опрятная очередь стесняющихся молодых людей – парней и девок, – которые должны исповедаться перед батюшкой в том, что не удержались и «согрешили» накануне Воскресенья. А мимо идут взрослые односельчане и посмеиваются.

Что это? И неужели трудно было понять, что подобные интимные и глубоко ранимые чувства молодой семьи нельзя предавать огласке и выставлять напоказ? Или Церковь, которая владеет *Евангелием* с удивительно сердечными словами Христа, этого не понимала? «Окаменело сердце их, слушают и не слышат, смотрят и не видят». (Мк. 4:12; 8:17).

Но ведь факт остается фактом. И неужели мы в этой книге будем использовать холодно-отталкивающее английское слово *sex* в том случае, когда нам придется говорить об «этом»? А говорить надо, потому что для человека *это* –

почти «главный инструмент» для исполнения заповеди Христа, а значит, и для того, что в Церкви принято называть «спасением». Мне кажется, для любого нравственно здорового русского человека слово *sex* звучит *мерзко*. Что это за слово такое, если его можно применить одновременно к действиям новобрачных и проститутки? Это слово из какого-то inferнального мира.

«Научным эквивалентом» этого слова в русском языке является слово «пол»: пол мужской и пол женский, причем, безо всяких намеков на непозволительные действия. И ведь далеко не всякий россиянин осознаёт, что «пол» – это в данном случае не та крашенная дощатая поверхность комнаты, по которой люди ходят, и на которой, в случае чрезвычайной необходимости, можно совершить «эти» действия за неимением кровати. Русское слово «пол» – это сокращенное от слова «половина». Мужчина – это только «половина», но и женщина – тоже «половина», а вместе они – муж и жена – это единое целое, которое изначально существовало при создании нашего мира. Это уже «полный» Человек, *ант^hропос* по терминологии Христа. И именно о таком Человеке – важные слова Иисуса Христа в девятнадцатой главе *Евангелия от Матфея*. И именно об этом мы будем говорить.

Утратив правильное представление о «поле», человек лишается возможности получения *мистерий* и осознания истинного смысла своего существования. А эрос в решении этого чрезвычайно важного «полового» вопроса имеет ис-

ключительное значение. Сегодня человек живет, как животное: занимается *сексом*, рождает и умирает. Мы будем использовать слово «секс» для конкретизации дела в публичном доме, и нигде больше. У животных это, конечно, не секс, а случка.

А как же быть со всей остальной нормальной «любовью», и кто нам в этом поможет? Ведь если говорить по-человечески, то настоящая *любовь* в молодом возрасте, особенно первая, – это нечто такое, что невозможно описать никакими словами. Человек – как живая букашка, наколотая на иголку в коллекции у ботаника. Шевелит ножками, а с булавки слезть не может. И это знает каждый, кто пережил мучительное и прекрасное чувство любви. И для чего оно дано нам, мужчинам и женщинам?

Поможет в вопросе классификации *любви* тот греческий язык, на котором написаны *Евангелия*. Древнегреческий язык вобрал в себя несметную мудрость древних. Эллина были такими же людьми, как и мы, сегодняшние. Человек ни в чем не изменился, – изменились окружающие его обстоятельства. Боги и религия значили для эллина гораздо больше, чем для нас с вами. И этот эллин прекрасно понимал, что его любовь к Богу совершенно другая, чем, например, похожее чувство к сыну или чувство к своему городу-*полису*, или – к любимой женщине. И совершенно естественно, что для каждого из этих чувств у эллина, в его языке, было свое отдельное слово.

Для русского слова «любить» наиболее близким греческим эквивалентом является слово *φιλεο* – «любить», «испытывать глубокое чувство дружбы», «ощущать привязанность, влечение», «нравиться» (словарные значения). Отсюда – слово «друг», *φιλος*. Возвышенное чувство к богам, почитание и любовь к ним выражались глаголом *αγαπαο* – тоже «любить», но уже по-другому.

Следует напомнить, что в первоначальной христианской Церкви (правильнее сказать, если переводить это с греческого, – не в «церкви», а в «народной сходке») практиковались вечерние собрания единоверцев, которые заканчивались взаимными поцелуями – всех со всеми. Такие «вечери любви» назывались *αγαпами*. И мы теперь понимаем, что эти «поцелуи» были совсем не такими, которые в греческом языке именуется уже известным нам словом *φιλεο*, второе значение которого – «целовать». Мы чаще всего целуем своих любимых поцелуем *φιλεο*, но не *αγαπαο*.

Далее, от имени греческого бога *Эрота* – крылатого мальчика с луком и стрелами любви – берет начало еще одно «любовное» слово, *ερωταο* – любить страстно, и даже похотливо. Это и есть физическая, плотская любовь. Это *эрос*. Греки не видели в этом ничего гадкого. Любовь к Отчизне и к родителям – это уже совершенно другое греческое слово, которое мы использовать не будем, потому что речь не об этом.

Приведем небольшой, но показательный пример из канонического *Евангелия от Иоанна*. Пусть наш читатель не пу-

гается: мы будем говорить обо всем этом безо всякого богословского «занудства» и назиданий. Причем, мы вовсе не требуем от нашего читателя, чтобы он знал евангельский текст. Для него вполне достаточно той информации, которой обладает любой грамотный европеец.

Итак, в последней главе ученики ловят в лодке рыбу и видят на берегу человека. Они узнают, что это их Учитель Иисус, который воскрес. И когда они сидят вместе с ним у костра и едят печеную рыбу, Иисус спрашивает Петра: «*Любишь* ли ты Меня больше, нежели они?» (Ин. 21:15). Петр отвечает: «Да, господин, Ты знаешь, я *люблю* Тебя». Повторно его спрашивает Иисус: «*Любишь* ли ты Меня?». Опять, то же самое отвечает ему Петр. И в третий раз спрашивает его Иисус: «*Любишь* ли ты Меня?». Опечалился Петр, что в третий раз спросил его Иисус: «*Любишь* ли ты Меня?».

Откуда возник такой вопрос у Иисуса? Дело в том, что Петр трижды предал Христа отказавшись от него словесно, когда Иисуса судили иудеи (сказал, с клятвой и божбой: «Не знаю сего человека»; Мф. 26:74). И по логике, Иисус тоже должен был задать ему этот вопрос трижды, чтобы «отмыть» три Петровы «проказы». Но в таком случае Петру, если он действительно любит Христа, обижаться было не на что. А в *Евангелии* сказано, что после третьего вопроса он «был опечален». Русскому читателю здесь ничего не понятно, и это естественно.

А все дело в рассмотренной нами особенности греческого

языка, на котором написаны канонические *Евангелия*. Первый раз Иисус в этом троекратном вопросе использует слово *αγαπαο*, причем, спрашивает, является ли *αγαπα* Петра больше, чем у других апостолов. Петр, зная свое предательство и свое истинное отношение к Христу, не может дать ответ Иисусу с этим же самым словом. Поэтому он как бы становится «на ступеньку ниже» (и даже – на две) и использует слово *φιλεο* – «люблю». Второй вопрос Иисуса, но уже без слов «нежели они», потому что эти слова Петр проигнорировал, и ответ Петра повторяют первый. Но в третьем своем вопрошании Иисус использует уже глагол *φιλεο* вместо своего первоначального *αγαπαο*, и именно поэтому Петр пал духом.

То есть их разговор был таким. «Ты меня любишь возвышенной любовью больше, чем другие ученики?» – спрашивает Иисус. «Я тебя люблю по-человечески, *как друга*» – отвечает ему Петр. А что он мог еще сказать? Он бы явно солгал, если бы использовал слово *αγαπαο* или сказал, что любит Христа больше других. Но в третий раз Иисус спрашивает уже иначе: «Ты, Петр, любишь ли меня [хотя бы] *как друга?*». Такой вопрос свидетельствует о том, что, если выразаться нашим земным языком, Иисус не верит в искренность слов Петра. Он, таким образом, заявляет Петру, что тот его *не любит* даже как друга. Фактически, в жизни Петра получилось так, что он, думая свои думы о прошедших событиях, вдруг увидел Христа *воскресшего*, чего никак не

ожидал, и отсюда такой разговор его с Христом.

Иисус упрекает Петра в неискренности. Ведь до этого Петр при всех учениках заявлял, что готов умереть за Христа («*хотя бы надлежало мне умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя*»; Мф. 26:35). Да, Петр останется апостолом Христа и будет проповедовать «благую весть» (*евангелие*) так и не поняв ее сути, но он никогда не сможет изжить в своей душе это черное для него событие. О том, почему именно Петру Иисус вручил «ключи от Царства Небесного», мы поговорим немного позднее. И тогда читатель поймет, что это никаким образом не связано с личными заслугами Петра.

Если немного продолжить тему греческого языка (а он нам еще очень пригодится), то характерной особенностью евангельской речи Христа является ее некая странность, которая исчезает во всех европейских переводах, включая наш, русский. Она заключается в том, что Иисус в качестве слова «говорю» использует два разных греческих глагола: *лего* и *лалео*. *Лего* является стандартным эквивалентом нашего «говорить» и, рассуждая объективно, его вполне достаточно для выражения этого понятия в человеческой речи. Но индивидуальной особенностью разговора Иисуса является как раз то, что он порой заменяет стандартное слово «говорю» словом *лалео*, которое, с точки зрения здравого смысла, не совсем подходит для нормальной беседы. И для обычного слушателя, если говорить объективно, лучше было бы услышать привычное *лего*.

Еще раз повторим, что оба этих слова в *Евангелиях* на русском, и не только, переданы одним и тем же глаголом «говорить». И это делается, в том числе, для того, чтобы не представлять «великого» Христа в несколько жалком виде. В чем тут дело? Дело в том, что глагол *лалео* используется для передачи бессвязной речи младенца, его лепета, – он ее фонетически копирует. Отсюда значения: «лепетать», «гукать», «болтать», «молоть языком», «говорить зря», «мычать», «говорить нечленораздельно» и даже «заикаться». Греческое *лалэ* – это «болтовня».

Но вот, например, греческий писатель Плутарх (40-120 гг. н. э.) говорит, что «поэзия есть говорящая (*лалуца*) живопись», то есть он использует именно этот глагол для того, чтобы образно сказать, что поэзия – это «лепечущая живопись». А философ Аристотель использует это слово в значении «издавать музыкальные звуки», «играть (на свирели)». Но эти исключительно поэтические термины никакими богословами, и тем более простым народом, в расчет не принимались. Причем, человек, читающий *Евангелие* на греческом, прекрасно видит, что Иисус (не в пример евангелисту Марку) хорошо владеет греческим лексиконом, хотя знает и арамейский язык, который является его родным: вспомним *талифа кум* (Мк. 5:41) – «девица встань» или *еффафа* (Мк. 7:34) – «откройся».

В чем тут дело? А объясняется это, скорее всего, двумя причинами. Первая, очевидная и исходная, заключается в

том, что реальный проповедник Иисус скорее всего немного заикался (этот же намек присутствует и в мандейской «Книге Иоанна»), и таким образом он как бы пытался «снять» эффект от погрешности своей речи. Но главная причина в другом, и она скрыта под его якобы отсылками слушателей к своему заиканию. Когда он говорит *лалео*, он часто затрагивает такие духовные категории, которые, фактически, невыразимы в полной мере на нашем человеческом языке, и которые, по своей исконной сути, всегда интимны. Эта особенность речи Иисуса никогда не была понятна толкователям, переписчикам и богословам, которые, как уже было сказано, старались как-то сгладить этот «промах» Иисуса в выборе не совсем подходящего глагола. И поэтому в *Евангелиях* данная особенность проявляется не всегда последовательно: наверное, эти слова переписчики иногда подправляли, заменяя *лалео* на *лего* и наоборот.

Слово *лалео* встречается также в греческом тексте *Септуагинты* («Перевод семидесяти») – Священном Писании евреев, переведенном ими же самими со своего языка на греческий. В Книге *Бытие* это слово используется там, где Бог *Яхве* обращается к патриархам Израиля или к своему народу. А следовательно, можно предположить, что Иисус в какой-то степени присваивает себе божественное достоинство. Но более вероятен другой вариант: в первоначальном тексте *Септуагинты* присутствовало только греческое *лего*, а уже после появления *Евангелий* христианские богословы (*Септу-*

агннта вошла в Библию христиан в качестве *Ветхого Завета*), или сами иудеи, заменили это слово в отдельных местах на *лалео*.

И еще один важный момент. В мандейском Писании само Слово, как пишет Э.С.Дровер, или акт его произнесения был *актом творения*. То же самое мы видим в египетских гимнах Сотворения мира и в первых стихах книги *Бытие* (Шестоднев). В мандейском языке это *mimra* или *malalta*, что означает «изреченное слово» (Мандеи: История, литература, религия. СПб.: «Летний сад; Журнал “Нева”»; 2002, с. 269). И если мы прислушаемся к звучанию греческого слова *лалео* и сравним его с мандейским *малалта*, то заметим, что их фонетическая база подобна, и это «корень» *лал*.

Вообще, у любого искреннего читателя евангельского текста, да и у любого европейца, часто возникает вопрос: «Каков был внешний облик Христа?». Ведь в самом тексте об этом не сказано ни единого слова. И почему не сказано? Не сказано только по одной причине: те, кто о нем писал, его никогда не видели и даже не слышали от других, как он выглядел. И, тем не менее, мы можем попытаться воссоздать в общих чертах внешний облик этого реального великого проповедника. Как? Сейчас увидим.

То, что Иисус был *назареем*, а не евреем, – в этом читатель убедится позднее. А как писала в свое время леди Дровер, в том народе, из которого вышел Иисус, существовала такая странная особенность: простой народ, *мандеи*, и их высшая

каста – священнослужители или *назарей* – разительно отличались по своему внешнему облику. Если простые мандеи – это характерный для того региона тип человека: темноволосяй, смуглый, невысокого роста, то назарей – в прямом смысле слова красавцы. Высокие, статные, светлокожие или с золотистой кожей и почти светловолосые и голубоглазые. Мандеи и назарей – это как будто два совершенно разных народа. Возможно, я немного приукрасил подробности, но ясно одно: это стройные, высокие, светлокожие, светловолосые и красивые люди.

Сколько назарей Иисусу было лет, когда он стал проповедовать у евреев? В *Евангелиях* существует две разные версии: у *Луки* – ему тридцать лет (Лк. 3:23), а у *Иоанна* – около пятидесяти (Ин. 8:57). Кто из них прав? Наверное, оба. Тридцать лет – это возраст того придуманного художественного персонажа, еврейского Мессии, который выведен в этом тексте в качестве «главного героя». Пятьдесят лет – это тот реальный возраст, который поставил ему Иоанн, – евангелист, который тоже не знал этого проповедника лично, и который о нем ничего не слышал. Но он читал появившиеся к этому времени *Евангелия*. Этот Иоанн имел личный опыт тех *мистерий*, которые описаны в этих *Евангелиях*. И исходя из своего собственного опыта, он прекрасно знал, что в тридцать лет мистерию «раскрывшегося Неба», о которой говорится в синоптических *Евангелиях*, не получишь. Точно так же, как невозможно шестилетнему ребенку зачать новую жизнь.

Итак, назарей Иешуа (по-гречески Иисус) – это красивый светлокожий и светловолосый (но не блондин) мужчина лет пятидесяти, высокий и стройный, с тронутыми серединой длинными волосами, удлинённым овалом лица, прямым носом (но не «греческим»), голубыми или серыми глазами, с мягкой манерой поведения, дружелюбный, улыбочивый, немного стесняющийся и немного заикающийся. Это и есть истинный портрет того выходца из мандейского племени, который во время оно пришел к евреям с проповедью о своем таинственном *Царстве Небесном*.

И, наконец, вернемся к нашему русскому языку и к слову «любовь» в приложении к настоящей книге.

Агана – это особое неземное, возвышенное чувство любви и почитания богов. Русским языком это можно как-то передать, написав слово *Любовь* с большой буквы.

Филиа – то, что русский человек обычно понимает под словом «любовь», хотя наше слово «любовь» по своей эмоциональности и одухотворенности выше *филиа*: это нечто промежуточное между *агана* и *филиа*. Мы можем добавить к этому, что если *агана* идет исключительно от человеческого сердца, то *филиа* – это уже и мыслящая голова.

Эрос – страстное земное чувство мужчины, который неравнодушен к какой-то женщине (и, наоборот); в пределе это то, что в христианстве именуется словом «похоть» (от древнерусского «похотеть»), но только без оттенка средневе-

кового христианского омерзения к физическому единению противоположных полов. Чувство *эроса* рождается в человеке «ниже» уровня сердца.

Любовная близость, единение – это физическое единение мужа и жены, – слова, имеющие преимущественно нейтральную окраску.

Секс – случка в публичном доме или со шлюхой.

И попробуем теперь описать стандартные чувства нормального юноши к своей любимой девушке, невесте, а затем жене, и, наконец, к спутнице жизни уже после многих совместно прожитых лет. Первая любовь к девушке – это всегда *агапа*. Об *эросе* даже нет мысли. Она, его девушка, – это «недотрога», неземное существо, какая-то *богиня*, совершенство, идеал и предмет восторга, удивления, и поклонения. Все его мысли в это время – только о ней. Причем, она «богиня» только для него одного; его друзья могут счесть ее не совсем красивой, например, с чрезмерно большими ушами или немного кривоногой. Но те девушки, которых действительно любят, пусть не комплексуют из-за своих «недостатков». Для любящего юноши их не существует.

После поцелуев, сначала робких *агапао*, а затем и *филео*, свадьбы и брачной ночи, – это по-прежнему та же самая *агапа*, но уже как бы полнее; и это чувство становится всеобъемлющим в его новой жизни. У него появилось свое «солнышко» в небе, к которому он стремится всей своей душой.

Но это «солнце» постепенно начинает включать в себя все больше и больше осознанного чувства *эроса*. По прошествии некоторого времени, *агана* плавно переходит в *филиа* (человеческую любовь), и в их отношениях *эрос* занимает все большее и большее значение. Эти *эрос* и *филиа* со временем теряют свою первоначальную яркость, но остаются таковыми до преклонных лет, – до гробовой доски.

Следует ли огорчаться подобному угасанию первых ярких чувств? Нисколько. Эти чувства переходят в другое внутреннее состояние этой пары. Если в их жизни все идет правильно, значит, они поневоле будут «слепляться» в какого-то нового единого человека. Она становится им, а он – ей. У них и одинаковые мысли в голове вдруг одновременно рождаются, и одни и те же любимые песни в душе неожиданно звучат. А для единого *Адама*, в идеале, уже излишни и *эрос*, и *филиа*, и тем более, *агана*. Он и она становятся одним целым, – *уа уот*, как говорит коптский текст *Евангелия от Фомы*.

В нашей светлой и бушующей молодости всего этого понять невозможно. Вот как представлял себе старческий возраст шестнадцатилетний Лермонтов («Опасение», 1830):

Страшись любви: она пройдет,
Она мечтой твой ум встревожит,
Тоска по ней тебя убьет,
Ничто воскреснуть не поможет.

Краса, любимая тобой,

Тебе отдаст, положим, руку...
Года мелькнут... летун седой
Укажет вечную разлуку...

И беден, жалок будешь ты,
Глядящий с кресел иль подушки
На безобразные черты
Твоей докучливой старушки,

Коль мысли о былых годах
В твой ум закрадутся порою,
И вспомнишь, как на сих щеках
Играло жизнью молодою...

Без друга лучше дни влачить
И к смерти радостней клониться,
Чем два удара выносить
И сердцем о двоих крушиться!..

Для молодого Лермонтова – это «*крушиться о двоих...*».

Но ведь в преклонных годах они уже не двое, а *ya yot*, а значит, и сердце на двоих одно, как бы в это *неземное* не вплеталась наша неизбежная житейская суета.

Когда я был еще в своем *акмэ*, моя матушка часто говорила мне: «Голубчик, душа человека остается молодой, она не стареет. Это я снаружи такая безобразная. Тебе этого сей-

час не понять». Сегодня и я это уже понимаю. Наша душа действительно не стареет, – потому что бессмертна. И это не пугливые уговоры самих себя, а *истина*. Все мы это подсознательно чувствуем, и именно поэтому не боимся того, что когда-то умрем. Мы считаем себя *вечными*, и не ошибаемся в таком своем внутреннем убеждении. А значит, *ya yom* – и после гроба.

И раз уж мы принялись читать стихи, как это было в нашей молодости, приведу читателю один куплет из прекрасной польской песни. Поет ее – и поет удивительно сердечно – Северин Краевский, тот самый Краевский, который должен быть известен даже молодому поколению по некогда нашуемшей «*Ние спочнемы*».

Гди е ж в хотэл о вьм корыт а жу кр у тка хв ы ля,
Сплечёны р е нце гди е ж на пл я жьы, о чши бл ы ск.
Высл а ны в би е гу кр у тки л и ст,
Стокр о тка снн е гу, д о бра м ы сль,
То вць о нж за м а ло, мое с е рдце, ж е бы ж ы чь...

Уць е кай, ск о ро св и т,
Бо п о тэм б э ньд же вст ы д,
И нь е выб а чн и кт
Хл о ду у ст, бр а ку слов...

.....
И н о ва зл у да, н о ван и ть...

Беги! Скоро светает,
Потому что потом будет стыдно,
И никто не простит
Холода губ, отсутствия слов...

.....
И новый обман, новая нить...

И *«этого все-таки мало, моё сердце, чтобы жить...»*.
Братья славяне понимают друг друга без перевода. Замечательный Северин Краевский не читал настоящей книги. Но насколько точно он (и поэтесса, написавшая эти стихи) обрисовал реальное положение обычного молодого человека, *живого* и смотрящего в будущее. Его сердце ищет чего-то неземного, ищет любви к прекрасной девушке, с которой можно было бы навеки «обняться» и так пройти всю свою жизнь рука об руку. И как правило, – почему-то не получается, что-то не сходится. И опять – очередная разлука. И еще одна попытка, и тоже напрасная. *«И новый обман, и новая нить...»*, связывающая уже с другой избранницей, которая, может быть, подойдет для вечного «обнимания».

Это – наш *земной* мир. Он весь в этом. Это не райские обитатели, где всё прекрасно и все любят друг друга. Все мы совершенно разные, и *никогда* девочки *не будут в состоянии понять* мальчиков *до конца*. И наоборот. С этим надо мириться. Иначе не бывает. Все остальное – рассказы других

про вечную идеальную «любовь-морковь» – это прекрасные сказки или бессовестная болтовня. Это – *земля*. Мы – оба в меру наших сил – после первого *головокружительного* чувства *любви* должны *сознательно* идти навстречу друг другу и прощать своему другу непонимание, как нам кажется, элементарных вещей.

И тогда все получится. И тогда ты никогда не назовешь свою юношескую любовь «старушкой». Такой она будет для других, но не для тебя самого. И ведь ты себя не станешь обманывать: она действительно *не старушка*. Ты не видишь ее такой своими глазами. Но ведь и сам ты – *не старик*. Для нее, твоей единственной. И что тебе до всех остальных... Перед вами – *вечность*.

Мистерии (начало)

Во-первых, давайте определимся, чем подлинная *мистерия* отличается от какого-то, даже тайного, религиозного обряда; или символических сцен с участием богов или воссозданием мифов; или какого-то «видения», – то есть от всего того, что кому-то померещилось; или от такого состояния, когда допившийся до белой горячки алкоголик, видит повсюду чертей. Кстати, этих же «чертей» может увидеть, например, человек, заболевший тифом.

Для решения стоящей перед нами задачи мы, в нашем разговоре, будем часто обращаться к евангельскому тексту, где слово *мистериион* присутствует. Почему такая привилегия именно *Евангелиям*? Только по той причине, что никакой другой текст – а все известные науке тексты, включая *Бхагавад Гиту* и *Упанишады*, автор старательно изучал, – не содержат такой богатый и последовательный материал, имеющий отношение к развитию духовного мира человека. Причем, это не ставшие уже привычными в некоторых христианских кругах «охи» и «ахи» о «прекрасном мире духа!», а прямые указания и буквальные «инструкции» для прохождения того духовного пути, который этот текст предлагает. Об этом *пути* никакой другой информации, зафиксированной текстуально, в мире не существует. Только *Евангелия*. У Конфуция этот путь обрисован для одного этапа – «просвет-

ления сердца».

По мере прочтения настоящей книги читатель сможет лично убедиться, что повсеместное «атеистическое» мнение о том, что *Евангелия* являются неким «простеньким текстом» со стандартными нравоучениями, дублирующими заповеди иудейского Писания, не имеет ничего общего с *истинной*. Фактически, до настоящего времени *Евангелия* остаются для всего человечества загадкой, несмотря на их тысячелетнюю историю. Ведь доходит до такого непонимания, что Церковь уверена в том – и это отражено в ее богословии и пасхальных песнопениях, – что Рай и то Царство Небесное, которое проповедовал Иисус, это одно и то же! Но это абсурд. Сегодня мы эту загадку разгадаем. Причем, через наши рассуждения о *мистериях*.

Что означало слово «мистерия» у эллинов? – Какие-то религиозные действия, наподобие праздничных почитаний разных богов? Конечно, нет. Главной сути этих мистерий человечество не знало, и не знает сегодня. Что происходило в храме *Телестерион*, когда там проводились *Элевсинские мистерии*? – Это до сих пор никому не известно. И всё это несмотря на то, что через *Элевсин* за два тысячелетия его существования прошли десятки тысяч *мистов*. Все они хранили *молчание*.

Научное мнение таково, что это были какие-то религиозные обряды, – что-то наподобие театрализованных представлений, – имитация чего-то, происходящего в древности у ми-

фических богов. Очевидным примером таких «представлений» или богословских сцен являются наши христианские *обряды* – *крещение* и *причастие*, – которые после появления Церкви стали именоваться греческим словом *μυστήριον*. Так они объясняются в современных греческих словарях – «мистерии», а в нашем русском языке при переводе *Евангелий* слово «мистерия» превратилось в «тайну», а обряд причастия – в «таинство». С той целью, чтобы избавиться от языческого прошлого этого слова. Ведь слово «мистерия» также присутствует в нашем богатом языке.

Слово «мистерия» вошло в христианский лексикон только по той причине, что его когда-то произнес сам Христос, – сказал именно *та μυστήρια* (греческое «мистерия» с артиклем), а не «тайна», – греческое *та κρυπτα*, которое Христос тоже хорошо знает и неоднократно использует в своей проповеди. И сказал об этом как о каком-то *очень важном* условии, без которого ни один из его последователей не достигнет желаемой цели. Потому что это слово имеет прямое отношение к тому Царству Небесному, которое является главным содержанием всей его проповеди. Для того чтобы опровергнуть богословское представление о том, чем в самом деле является *евангельская мистерия*, достаточно привести эти слова Христа, обращенные к апостолам.

Мф. 13:11. «Вам дано познать *μυστήρια* Царства Небесного, тем же не дано».

Мк. 4:11. «Вам дана *мистерия* Царства Бога, тем же, которые вне, в притчах все дается».

Лк. 8:10. «Вам дано познать *мистерии* Царства Бога, остальным же в притчах...».

То есть он не сказал, что «вам дано *увидеть*», или «вам дано *участвовать* в мистериях», или «вам дано *получить*...», а сказал «данно *познать*». В другом варианте мистерия просто «*дана*». И если логически проанализировать эти слова, они полностью опровергнут имеющееся в науке представление о содержании мистерии. Ясно, что это не является неким «театральным представлением» в стенах храма или каким-то доступным и понятным для любого человека действием. И христианские «тайинства» в виде *крещения* или *причастия* этим приведенным выше словам Христа не соответствуют, тем более, если принять во внимание его слова, сказанные обо всех «остальных» или тех, которые «вне». Мы покажем читателю, что *подлинные* мистерии действительно не имеют никакого отношения ни к религиозному обряду, ни к каким-либо рукотворным действиям священников. Но это утверждение будет справедливо только для мистерий евангельских, а не для тех мистерий Бога *Осириса*, которые проводились в храмах египетскими жрецами, и не для мистерий Элевсинских.

Итак, в чем отличие подлинной евангельской *мистерии*? Первое отличие: получение мистерии не связано с земны-

ми событиями (участием в богослужении или в каком-либо другом «мистическом» обряде, отдыхом, занятием каким-то особым делом и так далее). Оно также не связано с приемом каких-либо препаратов или с приемом какой-либо пищи, или напитка. И тем более, это никак не связано с действиями какого-нибудь гипнотизера или иного воздействия другого человека (как это было, например, у великого индийского святого Рамакришны и его ученика Вивекананды). Это не имеет никакого отношения к медицинским диагнозам типа «шизофрения», «сумасшествие», «психопатия» и т.д. И евангельская мистерия никогда не бывает одновременным событием сразу для нескольких человек, как это могло иметь место в мистериях Элевсинских.

Второе отличие, и оно главное: базовые мистерии (а что это такое мы скажем отдельно) имеют для *каждого* человека некий *стандартный набор откровений*, – своего рода строго последовательную во времени цепочку событий, которые, с некоторыми отличиями, но без изменения своей принципиальной сути, повторяются от человека к человеку, через века и тысячелетия. Одна из этих мистерий описана в синоптических *Евангелиях*. В такой «цепочке откровений» есть свое место, причем место выдающееся, уже другой мистерии, – как раз той «*мистерии Царства Небесного (или Бога)*», о которой говорит Иисус апостолам. Все это мы будем подробно рассматривать в настоящей книге.

И, наконец, третья характерная особенность мистерий:

они имеют абсолютную убедительность для визионера. Получив ту или иную мистерию, человек в это не просто *верит*, он это уже *знает*, и переубедить его невозможно. Это – *истина*. Почему? Потому что полученное им *знание* и то *знание*, которым обладает обычный человек – иного рода. Этим обычным *знанием* он сам обладал раньше, и обладает им сейчас. Он знает все то, чем будет убеждать его посторонний человек, но при этом он не сомневается в том, что разговаривать на эту тему можно только с тем, кто получил подобное ему *знание*, то есть *мистерию*. И именно о таком принципиальном различии между христианами – большинство из которых *верует*, но есть некоторые христиане, которые *знают*, – писал в своей известной книге *Строматы* («Лоскутный ковер») ранний «полу-языческий» апологет христианства Клемент Александрийский.

А теперь об истинной природе мистерий, – той, которую можно, пусть и виртуально, «пощупать». Благодаря тысячелетним усилиям индийских йогов нам известно, что у каждого из нас на линии позвоночника располагаются какие-то неизвестные науке невидимые энергетические центры (*чакры* или «колёса-вихри»). Вся практика йога – это неустанная работа с этими конкретными центрами. Поэтому отмахиваться от подобной информации и заявлять, что «это не доказано», – это, по меньшей мере, не серьезно.

Обычный человек живет всю свою жизнь, не замечая наличия этих центров, потому что они после рождения *не ак-*

тивны. Но когда они становятся *активными* – последовательно снизу вверх, что происходит при прохождении через них особой силы-*шакти*, *Кундалини* (в европейском понимании – *либидо* или «эротической энергии»), – йог получает особый для каждой *чакры* опыт, сопровождаемый определенными световыми видениями, звуками или специфическим знанием. Для достижения необходимого результата йог практикует особые позы тела, *асаны*, при которых позвоночник расположен строго вертикально, и, во-вторых, он бережет свою «эротическую энергию» и полностью исключает контакт с женщинами. Пробуждение *Кундалини* и поднятие ее вверх с «пронзанием» этих «вихревых центров» – это тщательно продуманные и веками отшлифованные сложные практики, в какой-то степени тайные, и которые невозможно сочетать с обычным пребыванием человека в обществе. Древние йоги, занимаясь поисками *Брахмана* (о том, что это такое, – позже), нашли «золотую жилу», но стали эксплуатировать ее незаконно.

То есть в нашем человеческом мире существует как бы *искусственное* «духовное оплодотворение» – это практика йогов, и «оплодотворение» *естественное*, тоже духовное, – совместная жизнь мужа и жены. То, что делают йоги, – это искусственный прием, который, как это понимает автор настоящей книги, имеет эффект и значение только в земной жизни человека: долголетие, физическое неувядание и необычные способности, так называемые *сикхи*. Потому что

у йога это происходит *без участия женщины* (не говорим сейчас о *тантре* «левой руки», хотя это сути не меняет). При этом бесспорно то, что никакой йог атеистом не является. При естественном функционировании человеческого организма, который развивается в паре муж-жена, у мужчины происходит неосознанная активация *тех же самых* скрытых центров, но главный результат *для обоих супругов* проявляется уже в пакибытие.

При этом *стандартные мистерии* мужа, которые являются своего рода вехами правильного духовного развития, – это проявление «раскрытия» тех же самых духовных центров человека (*чакр*), с которыми имеет дело йог. И именно отсюда – закономерность в последовательном прохождении одних и тех же мистерий для того или иного мирского человека. Каждая *базовая* мистерия соответствует раскрытию своей конкретной *чакры*. Но при этом следует отметить, что ощущаемый эффект от раскрытия тех же самых духовных центров – какие-то видения, получаемое особое *знание* – у йога и у семейного человека будет принципиально различным. Огородники и садоводы хорошо знают тот факт, что на растении бывают пустоцветы и цветы, несущие в себе будущий плод.

Мы можем спросить себя: почему все древние люди говорили о потустороннем мире, как о чем-то само собой разумеющемся? Ведь они, как правило, никогда не задавали себе вопрос: существует *тот* мир или нет? Они относились к существованию иного мира точно так же, как к существованию

мира физического. Для всех них это был процесс *последовательного* развития человеческого организма в других условиях. Вопрос «Веришь ли ты в потусторонний мир?» – это уже реалии более позднего времени.

Случилось так, что человечество стало развиваться эволюционно только «вовне», но не «внутри себя». И призыв Сократа «познай самого себя» сегодня уже никому не понятен. Древние не просто *верили* с чьих-то слов, а *знали*, потому что имели развитый внутренний мир, мир души. И у них были *Элевсинские мистерии*, которые по своему *духовному импульсу* намного превосходили таинства христианской Церкви. А мы этого мира уже не имеем, и поэтому в состоянии только «верить» или «не верить».

Ведь и все наши атеисты, они, как и обычные верующие, тоже *верят*, но в противоположное, – *верят* в то, что Бога нет. И этим гордятся. А иные из них даже считают это достоинством и несколько свысока смотрят на обычных верующих. Но при этом не обладают *никакими* доказательствами *своей* веры. А если бы действительно имелись какие-то *реальные* доказательства, в таком случае все бы, как и они, тоже перестали верить в Бога. Потому что дураков на планете нет.

Это как если бы человек, проживший в пустыне всю свою жизнь, стал яростно заявлять, что «большой воды» (океана) не существует. И ведь он будет искренен в своем убеждении. В нашем случае – то же самое: атеисты просто не виде-

ли «океана». Атеизм – это нечто психологически подобное. Современный европейски образованный человек – это «камбала», имеющая в своем воображении единственную «плоскость» с глазами на одном боку. И при этом такая камбала абсолютно уверена в том, что она – правильная, а ее приятель – морской окунь или судак из нашего Куршского залива, – который видит мир «объемно», – нет. Беда современной цивилизации заключается в том, что сегодня подавляющее большинство всех жителей земли – это «камбалы», а не «судаки».

И ведь никакая всемирная наука, со всем ее техническим прогрессом, до сих пор не сумела доказать, что существует только наш земной мир. И это притом, что потрачены невероятные усилия для получения такого доказательства. Все то, что существует в памяти человечества в качестве необъяснимых явлений, замалчивается и отводится на второй план. Религию эта наука серьезно не воспринимает, – она ее просто не в состоянии понять, потому что не доросла до нее своим духовным возрастом. Можно быть убежденным сединой профессором многих университетов, но при этом *духовно* ходить в памперсах под столом, не имея даже необходимости наклонять свою головушку, чтобы не стукнуться ею о край столешницы. Мы превратились в «животное человечество», и даже бравлируем таким состоянием своей науки и образом жизни. И это несмотря на то, что то тут, то там слышится «писк» какого-то научного деятеля самого уважаемого ран-

га, который вдруг заявляет, потирая свой вспотевший от напряжения лоб, что в соответствии с его чисто научными выкладками иной мир, кроме нашего физического, может существовать.

И ведь никто не требует, что «давайте-ка будем *верить*». Главное для любого разумного человека – это *истина*, *aletheia*, то заветное слово, которого не имеет в своем лексиконе английский язык и весь англоязычный мир. Так уж получилось исторически, что слово “*sex*” в этом языке имеется, а слово «истина» отсутствует. А у нас, русских, наоборот: слово «истина» есть, а слова “*sex*” нет. И думается, мы здесь в выигрыше.

В сентябре 2012 года (19.09.12) на сайте *Би-би-си* было опубликовано сенсационное научное открытие. Преподаватель богословия Гарвардского университета Карен Кинг, исследуя коптский папирус, датируемый IV в. н. э., заявила, что «ученые сумели распознать фразу: “Иисус сказал им: Моя жена...”». По мнению Кинг, возможно, речь идет о Марии Магдалине. Подлинность документа подтверждена несколькими экспертами».

И какова же была официальная реакция традиционных богословов на это известие, исходящее от их же «научных собратьев»? Эти «богословы» сделали все для того, чтобы скомпрометировать это сенсационное для всего мира открытие, – так, чтобы любое упоминание о нем было опущено в «вечный покой». Как следует из того же источника: «Неко-

которые богословы восприняли документ со скепсисом. “Слова на куске папируса ничего не доказывают. Это не что иное, как фраза, произнесенная в пустоту, без определенного контекста”, – заявил профессор и баптистский пастор из американского штата Теннесси Джим Вест».

Боже мой! Что там случилось, в этом «научном» мире! Всеобщий переполох. И неизвестно, где она сейчас, эта бедная женщина, и жива ли она вообще? Или уже поменяла свой пол и стала «мужчиной», чтобы спокойно продолжать научную работу. А ведь она своей находкой только подтвердила ту очевидную *истину*, которая явственно проступает сквозь весь канонический евангельский текст и выпукло прослеживается во всем мандейском Писании.

Да, но как в таком случае поступить с монашеством? Вопрос, и не малый. Проблема монашества в качестве идеала человека, ищущего *истину*, полностью отрицает все то, о чем мы планируем рассказать читателю. И судьей для нас в этом споре будет всё то же *Евангелие* с его «мистериями». Мы остановимся, причем, очень понятно, популярно и безо всякого занудства, на его греческом тексте.

Читающие эти слова богословы задумаются и глубоко-мысленно изрекут: «Да, но ведь Христос проповедовал на арамейском, а не на греческом». Я с этим готов полностью согласиться, но как в таком случае поступить с троекратным вопрошанием Иисуса из *Евангелия от Иоанна*, о котором мы недавно вели речь? Ведь в арамейском языке, как и в рус-

ском, для понятия «любить» существует только один единственный глагол. Или все эти «разные» слова Христа придумали какие-то «сочинители», а не он сам, или не Иоанн, который вроде бы написал это *Евангелие*?

А как нам поступить со словами *лего* и *лалео*? Или упаковать оба эти слова в привычное для всех народов мира «говорить»? А на каком языке разговаривал Пилат с иудеями и с самим Христом? Или Пилат, сидя в Риме, специально изучал арамейский язык перед своим назначением? Но никакой знатный римлянин не стал бы опускаться до того, чтобы изучать язык подчиненных ему «рабов». Именно рабы будут изучать язык знати. Что и случилось, например, с русским дворянством, «родным» языком которого был французский. Ведь в поэме «Евгений Онегин» знаменитое признание в любви Татьяны, ее письмо к Онегину, как это сказано там же, было написано по-французски, а Пушкин его для читателя только «перевел».

Но может быть к «великому» Христу был приставлен специальный переводчик, который не показан в тексте? Слишком много чести, – мы не в сегодняшнем «демократическом» мире пребываем, когда читаем *Евангелие*. При таком почтительном отношении его бы ни за что не распяли, как раба: на *столбе* и без набедренной повязки.

У меня есть «тысяча» подобных доказательств, взятых из евангельского текста, которые прямо свидетельствуют о том, что греческую речь Иисуса передать арамейским язы-

ком *невозможно*. Точнее, конечно, это возможно, но с утратой смысла сказанного, что и происходит при переводе на все европейские, и не только, языки. Но и разговор самих иудеев, наблюдающих казнь и услышавших возглас Христа на кресте «*Элои, Элои! ламма савахвани?*» (Мк. 15:34; см. также Мф. 27:46: «*Или, Или! лама савахвани?*»), свидетельствует о том, что они арамейского языка не знают. «Илию зовут» (Мк. 15:35) – рассуждают они, путая имя пророка Илии (*Илияху, Элияху*) с именем Бога *Элохима* (*Эль, Эли, Элои*) и не понимая смысла сказанного Иисусом на арамейском языке. При этом сослаться на то, что они что-то не расслышали, было бы необъективно: они стояли рядом с крестом, и только женщины – «на отдалении», потому что осужденных казнили безо всяких «набедренных повязок». Реальный назарей Иешуа проповедовал у евреев на греческом языке, который был повсеместным языком общения во всем восточном средиземноморье. Точно так же, как русский язык знали все народы великого СССР. Хотя через 100 лет этого уже помнить никто не будет, и подобное утверждение будет казаться фантастическим.

Да, действительно, родным языком Иисуса был арамейский язык. Потому что Иисус был назареем у мандеев. У этого народа существовала строгая духовная иерархия. Иудей мог принять веру мандеев и стать членом этого народа, но при этом он не мог стать назареем, чей ранг был потомственным. То есть иерархия этого народа была такой: иудей, став-

ший мандеем, далее – просто мандей по своему рождению, и, наконец, на недостижимой для иудея и простого мандея высоте – назарей, посвященный в тайны *назируты*.

Иисуса изгнали из мандейской общины, считая его «извертившим веру». Его вина состояла в том, что он, во-первых, *разгласил* евреям, пусть и частично, назарейское учение (это наглядно видно из евангельского текста, если сравнивать проповедь Христа с основами *назируты*). Далее, он фактически *упразднил* очень сложный мандейский обряд *масикта* (богослужение для «вознесения» души умершего мандея в «миры Света»), заявив, что спасение человека не в этом искусственном обряде, а в том, чтобы, проживая на земле, привести свой внутренний мир в гармонию с изначальной божественной природой человека. Но при этом саму суть или главную идею назарейского обряда *масикта* он не исказил.

И в-третьих, именно Иисус впервые заявил, что тот *Дух* (по-мандейски *руха*), который мандеи ненавидели как прислужницу и главное действующее лицо иудейского Бога *Адона* (именно так именовали иудейского Бога мандеи; он же, по их представлениям, – «Солнце»), может стать *Святым* и принести человеку спасение. И только поэтому евангельский Иисус говорит следующие слова: «*Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человекам; а хула на Духа не простится человекам. Если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Свя-*

того, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем» (Мф. 12:31, 32).

Все мандеи этот *Дух* хулили и ненавидели. Назарей же Иисус заявляет, что можно хулить его самого, Сына Человеческого (это стандартное мандейское словосочетание, фигурирующее в их Писании), но хула на *Дух Святой* закрывает для любого человека путь к *Мирам Света*, то есть единственный путь к спасению. И это не просто громкие слова: без участия «мандейской» *рухи* (или иудейской *руах*, что является тем же самым; этот «дух» существует в каждом народе мира, ибо духовная природа человека везде одинакова) в принципе невозможно то спасение, о котором вся евангельская проповедь Иешуа.

Дух – это *Руха*, это «Женщина» (мы это скоро покажем читателю), а без непосредственного участия женщины мужчине спастись невозможно. Для любого верующего иудея новозаветного времени выражение *Дух Святой* или, что то же самое, Святая *Руах* – это нечто вызывающее многие вопросы. Для иудея Дух не мог иметь приставку «Святой», точно так же как абсурдно выражение «Святой Бог». Разве может существовать «не святой Бог»? Бесспорно то, что Бог всегда свят, несмотря на то, что порой делает, как нам кажется, когда мы читаем *Ветхий Завет*, не совсем святые дела.

По иудейской книге *Бытие Руах*, является божественным со-Творцом не только мира земного и райского, но и того, который ему предшествовал. Но если мы заявляем, что суще-

ствует *Дух Святой*, то это автоматически означает, что также есть и какой-то другой дух – уже не Святой (это наглядно видно в евангельском тексте). Для иудея такой дилеммы существовать в принципе не могло. Конечно, после появления проповеди этого назарея и позднее – евангельского текста, многие представления изменились и в самом иудаизме.

Для мандеев иудейская *Руха* – мать «Семи (планет)» – вместе с еврейским Богом *Адона* (так мандеи его именуют) – это такие же их враги, как, например, у зороастрийцев *Анхра Майнью* (Дух Зла) это злейший враг их Бога *Ахура Мазды* (Господь Мудрый, иначе, Духа Добра, *Спента Майнью*). По представлениям мандеев именно эта общая для всего мира людей «двоица», которой поклоняются иудеи – *Адона* и *Руха*, – является главным препятствием для достижения человеком *Миров Света*.

По иудейскому Писанию Богом, сотворившим *первоначальный Свет*, является *Элохим*. При этом читатель должен понимать, что только после этого были созданы дневное и ночное светило – солнце, луна и звезды. Так утверждает текст Книги *Бытие*. Для лучшего понимания этого момента объясним, что это равносильно тому, что, например, у нас на земле уже существует дневной свет, а потом создается электрическая лампочка, которая тоже светит. Именно такое соотношение в Писании между первоначальным *Светом* и светом солнца и луны, если понимать текст буквально. Но и по мандейским представлениям Свет их *Миров Света*, и свет

солнца – это разные «светы», а следовательно, по представлениям мандеев, иудейский Бог *Адона* («Солнце») – это, если выразаться образно, только «лампочка».

И именно создавшего первоначальный *Свет* (по Писанию иудеев) Бога *Элохима*, чтобы быть хоть как-то понятным иудеями и чтобы не противоречить их Писанию, назарей Иешуа проповедовал в качестве «Бога Отца». А «полезный» для человека иудейский «дух» – именно для того, чтобы отличить ее от «обычной» отрицательной *рухи* мандеев и *руах* иудеев, – он называл Духом *Святым* (то есть, «отделённым»). Потому что именно этот Дух, ее высшая «отделённая» составляющая, в отличие от «отрезанной» нижней части, которая поглощена земными заботами, страстями и развлечениями жизни, – должен (должна) стать неотъемлемым элементом спасения муже-женского единства, воплощенного в реальность уже на земле. Задача любого назарей – его главная духовная внутренняя задача – в том, чтобы искоренить в себе эту изначальную, низшую «Мать» (*руха*) и утвердить исключительно «Отца», который представлен в каждом мужчине в виде его души-*нишимты* («частицы света»).

Дорогой мой читатель, если после таких наших предварительных рассуждений у тебя что-то пока «не сложилось в голове», тебе не следует беспокоиться: по мере прочтения книги всё встанет на свои места.

Пусть читатель почитает мандейские тексты, опубликованные леди Дровер в первой половине прошлого века, и

сравнит их с евангельскими речами Христа, его поведением, манерой речи, оборотами, художественными сравнениями, каноническими мандейскими речевыми штампами: Иисус – это стопроцентный *назарей*, пересаженный в художественный текст *Евангелия от Матфея* талантливым иудеем, дополнившим многие слова этого проповедника выписками из иудейского Писания и превратившим этого великого представителя мандейского народа в образ иудейского *Машиаха*. Все эти цитаты или выписки находятся как будто «на своих местах» по той причине, что и сам назарей Иисус старался проповедовать, оставаясь в рамках иудейского Закона.

Для чего мы все это говорим? Для того чтобы читатель понял, что Иисус – это не «миф» и не собирательный образ, облеченный в божественную Ипостась. Он когда-то жил на земле, как реальный человек, который хотел донести до своих слушателей открывшуюся ему *Истину* (жаль, что этого слова нет в англоязычном мире!). И именно так следует понимать слова этого проповедника всем тем, кто читает настоящую книгу.

Хочу и здесь сделать примечание. Сочинитель иудей в своем художественном *Евангелии от Матфея* уготовал Иисусу смерть через Распятие, представив его в виде еврейского *Машиаха-Мессии*. Опять-таки скажем, что в соответствии с текстом недавно найденного в Египте *Евангелия от Фомы* однозначный вывод о том, что исторический Иисус был распят, сделать нельзя. Этот текст – самое древнее из-

вестное нам *Евангелие*, в котором около 40% всех высказываний Иисуса дублируется в каноническом тексте. И для исследователя важно то, что этот текст не правился Церковью, как все другие.

Так вот, в этом *Евангелии* нет ни одной ссылки на то, что Иисус был распят и уже воскресший беседует со своими учениками. Точно так же, как он ни разу не назван Христом или Мессией, потому что реальный назарей Иешуа на роль Мессии никогда не претендовал, а проповедовал у иудеев свое открывшееся ему знание о Царстве Небесном. Более того, если бы он действительно был распят, об этом бы обязательно упоминалось в мандейском Писании. Мандеи в своих текстах сообщают, что Иерусалим был разрушен римлянами в наказание иудеям за то, что они изгнали из этого города всех мандеев, поубивав их многих священнослужителей. И в таком случае обязательно присутствовало бы добавление, что *лже-Мессия* (*Мишха* по-мандейски) понес справедливое наказание за свое отступничество от веры и переход к иудеям.

Давайте подробнее остановимся на вопросе «креста». В *Евангелии от Фомы*, *логий* 60 (55), перевод М.К.Трофимовой, Иисус заявляет: «И тот, кто... не понес свой крест, как я, не станет достойным меня». Других упоминаний «креста» и «распятия» здесь нет. Это высказывание понимается современным читателем превратно, и нам следует обратиться к истории этого стандартного средиземноморского крыла-

того выражения. Русским словом «крест» переводится греческое слово *ставрос*, а это, по-гречески, – просто «столб» в виде обструганного ствола дерева или (мн. число) «часток-кол» в виде изгороди из таких столбов. В греческом языке не существует слова «крест» в качестве какого-то «перекрестья» (из двух бревен, досок или чего-то еще), потому что такая конструкция из дерева никогда не использовалась в чистом виде.

Римская казнь в виде распятия человека на таком столбе-*ставросе* («кресте») предназначалась только для рабов. Римского гражданина запрещалось казнить таким изуверским способом. По краям дороги вкапывались столбы с висящими на них голыми людьми. Никаких «набедренных повязок»! Во время казни руки поднимались наверх и запястья прибивались к верхушке столба, ступни тоже прибивались. Прибитый человек висел на своих руках, пока не задохнулся. Если ему удавалось как-то продлить свою жизнь, удерживаясь телом на вбитый в ноги гвоздь, ему через какое-то время перебивали колени, и он повисал, задыхаясь, на своих руках. Всё – исключительно просто и без лишних затрат. Все «по-римски». В особых случаях в середину столба вбивался поперечный клин, – так, чтобы распятый человек как бы «сел» на нем. Это делалось для того, чтобы приговоренный к смерти умер не сразу – не сразу задохнулся, – а дольше мучился. Для приговоренных к смерти не предусматривалось такого «излишества», как дополнительная поперечная балка

для рук.

Итак, *ставрос* – это не крест, а простой столб. Такой столб обычно нес на своей спине к месту казни приговоренный человек. Он нес «свой столб», или, в традиционном переводе на русский язык, – «свой крест». Именно это несение тяжелого бревна к месту своего окончания жизни и стало своего рода прообразом тягот и лишений в жизни любого человека, – стало притчей. «У каждого свой крест» – говорим мы. «У каждого свое бревно на спине», если точнее понимать это древнее выражение. И это вовсе не означает, что каждый из нас будет распят на этом бревне. «И кто не понес свое бревно» – так буквально говорит Иисус в *Евангелии от Фомы*, имея в виду именно это. А следовательно, праздный и богатый человек никогда не достигнет той цели, которую ставит перед человеком Иисус.

Мы можем сделать некоторые предположения, анализируя эти слова Иисуса. Нет сомнения в том, что авторы канонических *Евангелий* при создании своих текстов использовали, в том числе, текст *Евангелия от Фомы*. И по своей форме, и по содержанию, и при сравнении подобных высказываний Иисуса, – по всему видно, что это *Евангелие*, появившееся раньше канонических, стало для них одним из важных источников. И возможно именно эта фраза Иисуса о «кресте» натолкнула евангелиста-иудея на мысль, что подобное «художественное произведение» лучше всего завершить смертной казнью Мессии.

Как увидит читатель позднее, в такой концовке был свой, причем очевидный, резон. Потому что эти тексты (но не *Евангелие от Иоанна*) были написаны с той целью, чтобы заново сплотить еврейский народ после окончательного разгрома Иерусалима и утраты многими иудеями веры в своего небесного защитника – Бога *Яхве*. История посмеялась над авторами синоптических *Евангелий*: эти тексты действительно способствовали сплочению иудеев, но уже исходя из идеи яростного отторжения этих текстов от всего того, что имело отношение к иудаизму. *Евангелия* привели к появлению идейного противника в виде христиан. А наличие противника всегда сплачивает.

Но вернемся к словам Иисуса о кресте и о нашем понимании этого выражения. Ведь это сказано не в канонических *Евангелиях*, а в *Евангелии от Фомы*, которое не редактировалось Церковью. Какие же у этого проповедника были «страдания» и в чем заключался его собственный «крест»? Отвечаем. Назареи изгнали его из своего сообщества, – он стал изгоем в своем народе. Ему запретили проповедовать то, что открылось, как «божественное знание». Только поэтому он пошел проповедовать к иудеям, которые в то время жили в Иерусалиме «вперемешку» с мандеями. Но даже из евангельского текста видно, что и среди иудеев ему жилось не сладко: приходилось изворачиваться, чтобы не нарушать иудейский Закон. Но даже в этом случае иудеи часто хватались за камни, чтобы его убить.

Иудеи и мандеи первоначально были такими же родственными народами, как русские и украинцы. И при этом все они очень толерантно относились к верованиям родственного им народа. Принципиальное различие в их мировоззрении заключалось в том, что если евреи всегда мыслили свое существование преимущественно в рамках земных категорий: благополучие, богатая жизнь, много сыновей, которые являются опорой отца, спокойное существование, то мандеи – это люди *духа*. Так сказали бы мы, если бы этот «дух» мандеями не ненавиделся. Мандеи – это народ, всю жизнь алчущий спасения из земного «мира *Тьмы*» (мира Бога *Адона*) в *Мирах Света* инобытия. Другого такого духовного народа – чистого, светлого и даже по-детски наивного (это нашло отражение в облике евангельского Христа) – человечество, наверное, никогда не знало. И поверх этой «детскости» – глубочайшая мудрость, не отрицающая нашего земного бытия.

Итак, в чем заключался собственный «крест» Иисуса? Ученики Христа были бездарны и абсолютно не понимали духовной сути его бесед и того духовного пути, который он всем предлагал. Просвещенный иудейский «начальник», который выведен в евангельском тексте *Иоанна* под именем Никодим и который благоволил к Иисусу, – он тоже ничего не понимал. Не понял даже в общем-то не такое уж сложное разъяснение Иисуса о том обязательном условии, которое необходимо иудею для получения Царства Небесного, – «родиться свыше». Об этом скажем позже.

Но при этом все без исключения евреи, включая его учеников, были уверены в том, что Иисус – это «революционер», который возглавил борьбу иудеев за свободу от римского владычества и который собирается установить земное «Царство Небесное» в Иерусалиме. Поэтому и поругались на пути к Иерусалиму его лучшие ученики, Иаков и Иоанн, братья Зеведеевы, «сыны громовы» (Мк. 3:17), за то, кому из них сидеть от «царя» Иисуса «по правую сторону», а кому «по левую сторону» в этом земном «Царствии» (Мф. 20:21). По этой же причине и Петр его предал: ведь он был абсолютно уверен в том, что Иисуса не возьмут в Гефсимании, – что вдруг появится ниоткуда взявшийся «полк ангелов» и спасет его. И когда он увидел, что Иисуса взяли как обычного преступника, – что он не Мессия, тогда... стоит ли отдавать за *такого* свою жизнь? Но и все его ученики, напившись вина, захмелели и уснули в саду. А когда протерли глаза и увидели стражу, – все разбежались, как «овцы» (Мф. 26:56). И чего уж тут ссылаться на Писание?!

Но и «знаменитый» Иуда, который указал страже на Иисуса при его аресте, – он тоже раскаялся только по той причине, что ошибся в Христе. Сначала он думал, что Иисус – это трус и лжец, который побоялся возглавить борьбу евреев за независимость, – и только поэтому указал на него страже. А потом сообразил, что это всего-навсего слабый невинный «мечтатель», у которого и в мыслях-то не было «спасть» Израиль. Поэтому и сказал иудеям в Храме: «Согрешил

я, предав кровь невинную» (Мф. 27:4). Поэтому и бросил им под ноги те «сребреники», которые от них получил. Поэтому и повесился как человек, знающий, что такое *совесть* и что такое *честь*. И надо отметить, что при всей своей «революционности», он повел себя гораздо более достойно, чем все другие ученики Христа, вместе взятые. Иуда – это самый благородный ученик из всей этой «когорты» рыбаков. Когда он увидел, что Родину спасти уже нельзя, – ему и жизнь на земле стала постылой. Возможно, что такое описание событий придумал сам евангелист, но скорее всего это явилось отражением какого-то реального поведения иудейских учеников назаря Иешуа. От этого суть дела не меняется.

Но и с родителями Иисуса тоже далеко не все ясно, если продолжить разговор о его «кресте». Об этом свидетельствует и текст канонических *Евангелий* (начальные главы *Евангелия от Луки* дописаны иерархами Церкви позднее), и текст *Евангелия от Фомы*, и даже иудейский пасквиль *Тольдом Иешу*. У Иисуса не было *ни одного* близкого человека на всей земле, к которому он мог бы «*приклонить свою голову*» (Мф. 8:20). Даже его родные братья и сестры тоже были в стороне от него. И приходится признать, что если и существовал кто-нибудь, кто ему искренне сочувствовал и его искренне жалел, так это близкие к нему женщины. А мы спрашиваем, в чем его «крест»?

Вопрос крестной смерти назаря Иешуа («Христа») – это предмет искренней веры любого христианина. Без этого со-

бытия все евангельское повествование рассыпается, и теряет свое *истинное* зерно. И если не было Креста, как в таком случае говорить о *Воскресении из мертвых*? Как праздновать Пасху? Несомненно, следует признать, что это великое для верующих событие сохранила в истории человеческая память, и что вряд ли могло произойти такое, чтобы оно было выдуманно «писателем» Матфеем на пустом месте. Конечно, он придумал, что Христос – это иудей и Мессия, а не назарей, как это было на самом деле. Но следует признать, что, скорее всего, этот назарей был распят как виновник волнений в иудейском обществе. Скорее, даже не распят, а казнен как-то по-другому. Возможно, побит камнями. И уже отсюда – его *Воскресение*.

Но даже если и распят, то не на кресте, а на столбе. Само понятие «крест» родилось в христианстве позднее. В первое время среди христиан в качестве символа смерти Христа был популярен древнеегипетский знак *жизни* – иероглиф *анх*. Понималось это так, что Христос был убит, но не умер, а обрел жизнь, как «новый» египетский *Осирис*. *Анх* – это один из самых почитаемых и узнаваемых иероглифов цивилизации Древнего Египта. Он представляет собой русскую заглавную букву «Т» (то есть, почти крест), к верхней перекладине которой, прямо по центру, присоединено небольшое кольцо (или вытянутая вверх петля, или вертикальный овал), которое и является той «ручкой», за которую этот символ жизни держат боги Древнего Египта на барельефах и

древних рисунках. И только после этого периода у христиан – по мере отмирания языческого прошлого – появился сначала «Т-образный» крест, а затем уже тот общепринятый «крест», который мы знаем. Вообще же, сам крест, как *символ жизни*, был издавна распространен во всех частях света, и берет он свое начало чуть ли не от той Атлантиды, которую описал Платон.

И поскольку мы уже прикоснулись к тексту *Евангелия от Фомы*, немного продолжим тему *мистерии*, которая присутствует в этом тексте. В *Евангелии от Фомы*, как и в синоптических, слово «мистерия» упоминается только один раз, причем, в достаточно поврежденном *логии* 66 (62). Но при этом сама суть мистерии *предельно ясно* раскрыта в *логии* 1 (2):

Иисус сказал: Пусть тот, кто ищет, не перестает искать до тех пор, пока не найдет, и когда он найдет, он будет потрясен, и если он потрясен, он будет удивлен, и он будет царствовать над всем (перевод М.К.Трофимовой).

Иисус требует от человека: «*Пусть человек не перестает искать*» то, для чего он живет на земле, для чего он призван на эту землю.

О евангельской мистерии Царства Небесного, в которой принимает участие уже сам Иисус, и содержание которой мы будем разбирать позже, сказано в *логии* 18 (17):

Иисус сказал: Я дам вам то, что не видел глаз, и чего не слышало ухо, и то, чего не коснулась рука, и то, что не вошло в сердце человека (перевод М.К.Трофимовой).

Именно «Я дам», а не кто-то другой, – так говорит Иисус. Читатель сможет понять эти слова Христа после того, как прочитает всю книгу. Подлинная мистерия – это «потрясение» и «удивление». И это в полной мере понимает тот человек, который пережил такое событие в своей жизни.

Мистерии (продолжение I)

Начинается у человека всё с его *сердца*. Именно с того самого *своего* сердца, о котором все мы знаем. В Библии прямое указание на «мистерию сердца» содержится в псалме Давида (118. 32): «Потеку путем заповедей Твоих, когда Ты *расширишь сердце мое*». Давид, естественно, обращается к Богу Израиля, к *Яхве*. Понятно, что такое состояние человеческого сердца словом «мистерия» в древних текстах не называется. Выражение «расширение сердца» можно встретить и в древних египетских папирусах – это *ав иб*, что буквально переводится как «расширение сердца», а трактуется как «состояние счастья». И это не далеко от истины. У Давида, который пишет о своем «расширении» уже после египтян, это отнюдь не плагиат, как не является плагиатом, например, чувство любви, которое можно встретить у всех народов мира.

«Мистерия сердца» – это уровень подлинной религии Ада. Христиане совершенно необоснованно полагают, что Ад – это «сплошной ужас». В Древнем Египте это место потусторонней жизни называлось иначе – «Поля *Иару*» («Поля тростника»), и каждый египтянин мечтал о том, чтобы после своей смерти оказаться в этих благих местах, очень напоминающих земную жизнь. Христианского *Рая* египтяне не знали. Получив мистирию «расширения сердца», человек авто-

матически вступает на стезю Духа.

В Древнем Китае эта же самая мистерия словесно формулировалась несколько иначе: *мин синь*, «просветление сердца». Пестованию этой мистерии, созданию благоприятных условий для ее реализации, были посвящены духовные практики династий *Шан-Инь* и того Раннего *Чжоу*, аристократы которого научились этому искусству у побежденных ими *иньцев*. Практические учебные тексты-стихи до настоящего времени сохранились в знаменитой китайской *Книге Песен* (*Ши цзин*), но они уже давно понимаются и переводятся совершенно неправильно по причине отсутствия этого опыта у переводчиков и толкователей. Читателю следует понимать, что перевод этих древних китайских текстов на современный китайский язык по своей сложности ничем не отличается от перевода на язык европейский. Древние китайские иероглифы это такая странная вещь, что очень многое зависит от правильного понимания смысла рисунка. А в таком искусстве никакое знание современного китайского языка не помогает. В первую очередь необходимо иметь аналогичный духовный опыт.

После заката Раннего *Чжоу* в Китае нашелся один человек – *Кун фу цзы*, который сумел понять эту духовную практику древних. Конфуций ее реализовал собственным опытом и попытался этот чудесный опыт возродить в обществе. Правильнее сказать так, что сначала Конфуций этот опыт *просветления сердца* неожиданно для себя самого получил,

и только после этого он смог отождествить свой личный опыт с описанием в тех древних текстах (нанесенных на внутренних стенках ритуальных бронзовых сосудов), которые он изучал, посещая различные храмы. Порядок осознания этого опыта в его время мог быть именно таким, но не обратным.

У Конфуция, как и у Христа, были свои ученики. Он подробно объяснял им эту практику, как и Иисус, который говорил ученикам о Царстве Небесном. Причем, Конфуций, как и Христос, не говорил все открыто, а учил как бы притчами, «вокруг да около». Но при этом делал упор на сами древние иероглифы, рисунок которых должен был все объяснить тому человеку, который находился рядом с таким знанием. И Конфуций, и Иисус, прекрасно понимали, что нельзя положить духовное знание «на ложечку» и дать его ученику: это не в человеческих силах. Ученик должен дойти до этого знания правильным развитием своего внутреннего мира.

К сожалению, ученики Конфуция оказались такими же бездарными в духовном отношении, как и ученики Христа. К этому времени народ Китая принципиально изменился. Именно в это время в Китае произошла невидимая социальная революция, связанная со стремительным переходом к новому жизненному укладу, к прогрессивным орудиям труда и иному производству. Новые условия жизни выдвинули на передний план уже другой тип человека, – такой народец, который был ловок в торговле и денежных сделках и для ко-

того были безразличны подобные «отвлечения от жизни». Ученики Конфуция, как они сами себе это представляли, учились у него искусству занимать важные государственные должности, а не каким-то отвлеченным духовным наукам, которые не имеют никакого отношения к карьере. Конфуций такому пониманию учебы не противился, тем более что в таких рассуждениях тоже была доля истины. И иногда задумываешься о том, что практика *мин синь* была достижением совершенно другого этноса, которого в Китае уже давно нет. Тот читатель, который действительно интересуется этим вопросом, может ознакомиться с книгой автора «Конфуций и *Вэнь*», которая находится в открытом доступе в интернете.

Что же это такое, египетское «расширение сердца» или китайское «просветление сердца»? Это одно из самых светлых, радостных и очаровательных состояний, которое может испытать живущий на земле человек. В каком-то отношении это – очаровательная фантазия прекрасной молодости, еще не отягощенной земными проблемами. И она в чем-то немного детская. Это подлинная заря *духовной* любви, и не удивительно, что она сродни нашей прекрасной первой любви в жизни земной. Это чувство – «свое», оно исключительно личное, оно замкнуто на человека и касается только его одного. Эта мистерия приходит неожиданно и внезапно – вдруг! – но при полном осознании и контроле своего поведения, эмоций и направления внимания.

Это – «мистерия сердца», *живого* сердца. Оно вдруг *просыпается*, начинает ощущаться как бы «отдельным» от человека, но живущим внутри него. Как будто кто-то другой поселился в моей груди. И одновременно этот «другой» – мой, это тоже я *сам*. Мое сердце как будто начинает жить своей автономной жизнью. Его пробуждение всегда неожиданно и несет необъяснимую радость и даже состояние счастья для этого человека. Жизнь наполняется каким-то новым смыслом, становятся видны совершенно новые горизонты, о которых раньше даже не догадывался. Мир становится объемным. Человек начинает постоянно прислушиваться к «этому месту» внутри себя – к появившемуся сознательному «другому я». Для такого человека родился и стал явным другой мир.

Живое «другое я» – это сердце с *совестью*. С той *совестью*, которая спала и пробудилась окончательно. Мир вокруг такого человека мгновенно преобразуется и становится прекрасным и радостным. Все люди вокруг него – добрые и счастливые. Человек как будто неожиданно осознаёт, что вокруг него – точно такие же люди, как он сам, их внутренний мир становится для него впервые открытым. *Совесть* не рождается *вдруг*, как это происходит с осознанием *расширившегося сердца*: она является естественным следствием неожиданного *осознания* своего «родственного единства» со всеми остальными людьми. Человек начинает воспринимать любого другого, как такую же бесконечную «вселен-

ную», как и он сам. Воспринимать бережно, как себя самого.

Безошибочный указатель на получение такой мистерии – это горящие, как звезды, счастливые глаза этого человека. В первые дни он очень похож на «влюбленного по уши» безумца. Скрыть от окружающих это невозможно. И главное внутреннее состояние – это чувство широко расширившейся груди: широко, легко дышать всем воздухом земли! Как будто стоишь на берегу Балтики в районе пустынного пляжа поселка Лесной и вдыхаешь всей своей расширившейся грудью живительный воздух Куршской косы! И внутри *горит*, светит это прекрасное *мое-чужое* сердце, которым я уже не повелеваю, как своей рукой, но с которым счастливо живу вместе. Это – горящее «сердце Данко» из рассказа Алексея Горького. Возможно, это тот самый *атман*, о котором говорят классические *Упанишады* Древней Индии. Человек впервые узнаёт самого себя *изнутри*.

Эта мистерия не является «мистерией Рая», но она – предтеча, указывающая на становление человека на путь к райским обителям. Это мистерия Хозяина Земли и Рая, – «второго Бога», если исчислять порядок Богов по иудейской Книге *Бытие*, и «третьего Бога», если считать богов-творцов по космогоническим Гимнам Древнего Египта или по тексту мандейского Писания. Именно этот «второй» Бог иудейского Писания, которого евреи знают как *Яхве*, создал мир земной и мир райский – мир души *ка*, как сказали бы древние египтяне, но не мир души *ба*, который выше по духовной

иерархии.

Обычно под понятием «духовный мир» все религии понимают то же самое: это египетский мир «Полей тростника», то есть мир души *ка*, или зороастрийский мир *меног*, астральный мир теософов, мир китайских духов *шень*, мир *Мишунья Кушта* назареев-мандеев, прекрасные сады *Элизия* древних греков, мир «тонкого тела» индусов, – в каждой религии свое название одного и того же «нижнего» потустороннего мира. Большинство народов земли, (кроме зороастрийцев и мандеев) другого духовного мира, – такого, который пребывает выше «астрального», не знают. Потому что это, все-таки, еще не те *Миры Света*, о которых говорит *Евангелие от Иоанна* и тексты мандейского Писания. Всеё это миры Ада и Рая.

У евреев *Торы* в тексте их Писания такого «тонкого мира» не существует. Они просто верят в то, что их Бог поместит душу каждого еврея в «райские обители» после смерти, если этот еврей во время своей жизни будет пребывать в «ограде *Торы*». Причем, вера в посмертный рай появилась у евреев только после того, как стал популярен евангельский текст или, возможно, после их знакомства с зороастрийской религией. Постоянная скитальческая и беспокойная жизнь этого племени не предоставляла древним евреям благоприятных условий и времени для того, чтобы задуматься над этим важным вопросом своего бытия. Уровень знакомства до-евангельских евреев с посмертным бытием зафиксирован стандартным выражением в их Писании: «И скончался он, и

умер, и *приложился к народу своему*» (Быт. 25:8, 17; 35:29; 49:33). Еврейские мудрецы никогда не задумывались о том, что ожидает человека после смерти. Главным для любого верующего еврея – и это строго в соответствии с их Писанием – всегда было то, что их Бог обеспечит своему народу изобилие и власть в *земной* жизни.

Лично я получил мистерию «расширения сердца» на заре перестройки, в один из солнечных дней, когда сидел дома в кресле и безмятежно читал книгу «Сердце», входящую в *Агни-Йогу* Елены Рерих. И не скажу, чтобы я так уж «зачитался» этой книгой. Но состояние – совершенно невероятное и незабываемое. После такого «взрывного воздействия» уже никакая книга на ум не идет. Ты не понимаешь, что с тобой произошло, – что это, и сколько времени *это* будет продолжаться?

О чем все это свидетельствует? О том, что Учение *Агни-Йоги* тоже истинное и по-настоящему духовное, потому что оно имеет «силу» раскрыть человеческое сердце. Я не знаю, возможно, это была только «последняя капля», но даже это ничего принципиально не меняет. Учение *Агни-Йоги* принадлежит к религиям Ада, и поднять человека на более высокую духовную ступень не в состоянии.

Может ли получить мистерию «расширения сердца» женщина? Вопрос не является неожиданным для того человека, который хорошо понимает, что мужчина и женщина – это «обитатели разных планет». Да, может. Для доказатель-

ства достаточно посмотреть на фотографии ближайшей со- трудницы индийского философа Ауробиндо Гхоша, – фран- цуженки Мирры Альфассы (Ришар), «Матери». Следует об- ратить внимание на ее глаза, когда она уже не девочка один- надцати-тринадцати лет, а значительно старше. И все станет ясно. Но при этом напомним читателю, что у Мирры Ришар было два мужа и ее фамилия Ришар – по второму мужу.

И еще одно маленькое примечание к моему личному опы- ту. За какое-то время до этой мистерии – возможно, за год, а скорее всего меньше (точно не помню), – я был в очередном научном рейсе. Мы совершали переход в район промысла, шли близко к экватору, было жарко и много свободного вре- мени. Вся научная группа загорала на баке на самодельных «циновках», изготовленных из картонной тары для рыбы. Во время одного из таких загаров я почувствовал прямо посе- редине груди сильное жжение. Придя в каюту, я обнаружил, что на этом месте у меня образовалось яркое красное пятно. Я подумал, что это какая-то экзема от воздействия солнца. К врачам не обращался и ничем не лечил, а просто мыл с мылом, когда умывался по утрам. Это пятно не пропадало многие годы.

Когда я интересовался индийской тематикой и читал био- графию Рабиндраната Тагора, обратил внимание на то, что у индусов есть характерный признак, свидетельствующий о том, что человек поднялся на достаточно высокий духовный уровень, – у такого «горит сердце». Рабиндранат Тагор рас-

стегивал рубаху и показывал грудь: она была красная. И не только у него одного. Этим даже чуть ли не похвалялись. То есть читатель должен понимать, что подобное явление может свидетельствовать о том, что его сердечная *чакра хридая* стала активной. А следовательно, не стоит рассматривать подобные вещи, как болезнь. Обязательно ли такое бывает перед мистерией «расширения сердца»? Думаю, что вряд ли кто-то в состоянии ответить на этот вопрос.

Еще два слова относительно *Агни-Йоги*. Не надо всплескивать руками и печалиться всем приверженцам этого духовного направления по той причине, что я причислил *Агни-Йогу* к религиям Ада. Подобная констатация факта ставит это Учение на близкий духовный уровень со знаменитыми *Элевсинскими мистериями* Древнего мира. А Элевсин давал своим последователям такие духовные блага, которых не достаивались даже иудеи, религия которых безоговорочно принадлежит к древнейшим религиям Ада.

Религия иудеев – это совершенно особый феномен в нашем человеческом мире. Это религия племени, которое избрал Хозяин Ада и Рая, и которому было обещано земное процветание, изобилие, и становление многочисленным народом. Но только в том случае, если этот народ до конца останется воином Бога *Яхве*. Если приверженец другой традиционной религии, проявив определенные усилия, может увидеть и узнать Рай, еще пребывая на земле (а никакой другой человек после смерти удостоен Рая не будет), то иудеи

такого Рая не знают, но верят обещанию своего Бога, что они всегда будут Его избранным племенем. По этой причине – потому что это *избранное* воинство хозяина Ада и Рая – религия иудеев по своей исходной сути закрытая: иудей не вправе нарушить заповедь Бога и принять в свое сообщество всех желающих.

Имя еврейского Бога, которое зафиксировано в Пятикнижии Моисея, – *Яхве*. На иврите это *тетраграмматон* – «четырёхбуквенное» *йод-хей-вау-хей*. Считается, что правильное произнесение этого имени обладает магической силой, и оно было известно только первосвященнику Израиля. Такое утверждение имеет под собой основание, потому что в библейском иврите, как и в египетском языке, отсутствует фиксация гласных, то есть при создании какого-либо текста записывались только согласные. Это не вызывало особого неудобства у читающего человека, родным языком которого был иврит: при такой записи гласные легко восстанавливались мысленно и слово прочитывалось так, как оно произносилось в живой речи. Но если это слово было чужеземным или не использовалось в повседневной практике, его произношение было неясным. И все это в полной мере относится к произнесению имени еврейского Бога.

Но вот что интересно. У любого любопытного исследователя может возникнуть естественный вопрос: каковы подлинные корни этого реального имени? Ведь большинство известных науке имен Богов имеет, как правило, кон-

кретную этимологию. Причем, основатель иудаизма Моисей был вполне нормальным человеком, обладающим присущей всем нам психикой и способностью мыслить. Это, бесспорно, глубоко верующий человек, в принятии решений которого, как и у всех нас, активную роль играет подсознание. И он просто не мог «расслышать» в имени этого Неземного Существа какую-то бессмысленную абракадабру. Более того, сам Бог, обращающийся к человеку, если этот Бог действительно является сознательным Существом (а в данном случае это именно так), не может сообщить этому человеку такое свое имя, которое бы не показывало его бесконечное превосходство над человеком. Также ясно, что это тайное имя впервые открылось именно Моисею, хотя в эпизоде с несгорающим кустом терновника (Исх. 3:14) Бог *Яхве* называет себя «Сущим» («Я есмь Тот, Кто Я есмь»; перевод И.Ш.Шифмана).

Рассуждая логически, это имя должно было отразиться в сознании Моисея в каком-то известном ему понятии. Второй обязательный момент наших рассуждений следующий. Моисей *с младенчества* воспитывался в семье египетского фараона. Высказывались даже предположения, что он был египтянином, а не евреем. Родным языком Моисея был египетский. Более того, иудеи, как полноценная нация, сформировались только после своего Исхода, причем, из разных национальностей, принявших в нем участие. А следовательно, истоки имени иудейского Бога логичнее всего искать в египетском языке, который был не только родным для само-

го Моисея, но который являлся языком самой передовой цивилизации всего человечества. И нет ничего удивительного или унижающего достоинство какой бы то ни было нации в том, что все окружающие народы смотрели в сторону Египта с восхищением и учились у него уму разуму. И мы в данном случае имеем в виду не какие-то «передовые технологии» Египта или его сильную армию, а абсолютное превосходство в духовных науках, о чем свидетельствуют мистерии *Осириса*.

Перейдем к следующему звену цепочки наших рассуждений. Да, действительно, в Египте было много разных богов, причем, часто даже диковинных и отвратительных для чужеземца. Но при этом всегда существовал их главный Бог, который с любовью воспринимался не только самими египтянами, но и многими окружающими народами. Это был Бог *Ра* или «Солнце», – Бог Солнца. Причем, если *Ра* был, в какой-то степени, абстрактным понятием, то, например, тот Бог *Атон*, всеобщее поклонение которому пытался ввести в Египте фараон Эхнатон, впервые установивший на земле единобожие (пусть и на короткий период), – это уже реальный «солнечный диск» (таков перевод этого египетского слова), который протягивает к человеку свои теплые лучи-«ладошки». Так мы видим это на барельефах времен правления Эхнатона. Иногда этот Бог в своих лучах, протянутых к Эхнатону и членам его семьи, держит «руками» символы жизни – «кресты» *анх*. Любой живущий на земле человек с

положительными эмоциями воспринимает теплые лучи царящего в небе Светила.

При этом вспомним, что мандеи считали – и это зафиксировано в их Писании, – что иудеи поклоняются Богу *Адона* (в переводе «господин», «Господь»), который иначе трактовался мандеями как «Бог Солнца» или просто «Солнце». А «напарница» этого Бога – *Руах* («Дух») – именовалась ими «матерью Семи», то есть семи видимых на небе планет, включая Луну. Следовательно, по мнению мандеев иудеи поклонялись именно *небесным светилам*. И ведь не из головы же своей выдумал такое понимание очень близкий к иудеям народ. А значит, для этого были какие-то веские основания.

В египетском языке существует слово, которое очень напоминает имя еврейского Бога. Это *иаху*. Возможно, *йахв*, потому что сегодня уже никто не знает, как правильно читались слова египетского языка, в которых не было обозначения гласных. Это египетское слово не следовало бы вообще упоминать в наших рассуждениях, если бы не одно важное обстоятельство: оно переводится как «солнечный свет». И в таком случае наша логическая цепочка оказывается замкнутой, то есть верной, даже исходя из той информации, которая дошла до нашего времени в Писаниях разных народов. Мы уже не говорим о том, что Бог «солнечного света» (*Иахв*) – это, фактически, тот же самый египетский Бог *Ра* или *Атон*, который протягивает к людям свои согревающие лучи на египетских барельефах.

Добавим к этому, что египетское слово *йахв* фигурирует в *Текстах пирамид* в качестве *Могущественнейшего* Существа потустороннего мира, пребывающего не небе. По представлениям египтян все небесные светила, включая звезды, – это боги. А.О.Большаков в своей книге «Человек и его двойник» (СПб.: Алетейя, 2001, с. 106) о богах Египта в Старом царстве пишет следующее:

Старшим богом называют преимущественно *Ра*. Старший бог мог иногда иметь эпитет «владыка Запада», присущий обычно *Осирису* (хозяину мира мертвых, – Г.Б.). Из этого следует, что тем самым *Осирис* приравнивался к Старшему богу, к солнцу.

А Бог мертвых – это и есть Бог Ада и Рая. Думается, что в наших рассуждениях мы близки к истине. Бог *Яхве* – это владыка Земли, Ада и Рая. Случай поклонения евреями «золотому Тельцу» (Исх. 32:4) фактически является их поклонением египетскому Богу *Апису* (священному Быку). Как пишет английский египтолог У.Бадж, в Гелиополе быку поклонялись как «живущему богу солнца», а южнее Фив он был «живой душой *Ра*». И это явилось бы естественным продолжением поклонения евреями Богу Солнца, переосмысленного ими на свой лад. Такой вывод можно сделать, если рассуждать логически. Но при этом следует понимать, что Моисей получил подлинную *мистерию*, которая открыла ему *нового*

Бога. Но ведь и Эхнатон тоже получил истинную *мистерию*, которая открыла ему нового Бога – *Амона*. И это несмотря на то, что до этого в Египте уже существовал всеми признанный Бог Солнца – *Ра*.

Возвращаясь уже к «нашим» мистериям, мы должны сделать особый акцент вот на чем. Принадлежность той или иной религии к Аду вовсе не означает, что это религия плохая, религия «ущербная» или недостойная. Подавляющее большинство всех мировых религий – это религии Ада. И это – самые древние религии мира. Этот древний мир стоял по уровню своего духовного развития на голову выше, чем все современное человечество, включая христиан. Потому что любая древняя религия всегда «открывает» человеческое сердце. И это всецело относится к религии Древнего Египта, – одной из самых развитых и великих религий человечества. Иудеи много у египтян позаимствовали, в том числе обряд обрезания и письменность без фиксации гласных.

И вообще, неужели в исполнении призыва Сократа «познай самого себя» присутствует что-то недостойное или ущербное? А это и есть опыт «расширения сердца». И кто из представителей современного человечества может похвастаться тем, что у него «просветлилось» или «расширилось» сердце? Так что смотреть на языческий Египет или иудаизм «сверху вниз» для христианина было бы ребяческим высокомерием.

Ислам – это уже, по своему потенциалу, религия Рая, и

вход в эту религию доступен всем, верующим в *Аллаха* и его посланника, пророка Мухаммада. Если попытаться как-то соотнести «Богов» авраамических религий с текстом Книги *Бытие* (в русском переводе), то Богом иудеев будет Господь (*Яхве* в версии библейского иврита), а Богом мусульман – Господь Бог (*Яхве Элохим*, который создал Рай/*Эдем*). Ну а у мандеев и у Христа-назаря – это Бог *Света* или Бог Шестоднева (*Элохим*). По греческой версии *Септуагинты* это, соответственно: *Кюриос*, *Кюриос-Т^hеос* и просто *Т^hеос*. Еще раз обратим внимание читателя, что такой перевод имен своих Богов на греческий язык сделали сами иудейские богословы для того, чтобы неконфликтно вписаться в средиземноморский пантеон богов.

Начиная свой разговор о мистериях, мы все-таки должны оговориться и отметить, что все эти мистерии, и даже первая из них – «расширение сердца», – не сваливаются на голову человека безо всяких предварительных «звоночков». Любая мистерия – это дверь, открытая в другой мир, который чаще называют «потусторонним». Все они имеют отношение именно к этому незнакомому для человека миру. Этот мир тоже неоднороден, как и земной: Ад и Рай – это самые известные области одного и того же потустороннего мира. И поскольку человек, с самого своего рождения «одной ногой» уже стоит в этом мире, путь и неосознанно, этот мир не может быть абсолютно враждебным к человеку. Если, как утверждают древние египтяне, у человека существует даже

специальное духовное тело *ка*, которое и предназначено для того, чтобы пребывать в этом мире после смерти тела физического, значит, этот мир не может открыться земному человеку совершенно неожиданно – свалиться на него, «как снег на голову».

Скажу о своем опыте первого знакомства с этим миром. Мы с моим сыном-школьником сидели дома на диване (случилось это уже на Мариупольской), и в очередной раз слушали пластинку с классической музыкой – прекрасной симфонией №40 Моцарта в исполнении Московского камерного оркестра под управлением дирижера Рудольфа Баршая. Я никогда не был особым меломаном, но музыку, включая народные и советские песни, любил с детства. Симфония №40 в этом исполнении мне нравилась больше всех других. Все было как обычно, как всегда. Исполнялась первая часть (*Allegro molto*).

И вдруг, в какой-то неожиданный для меня момент, – именно во время звучания музыкальной фразы, имеющей «неистовую расщепленность», – что-то «треснуло» там, в стороне где была музыка, и... «зашуршало». Стена, необъятная белесая стена между мирами, которая вдруг стала явной для зрения (физического, но может быть духовного?) вдруг медленно проступила, как из миража, в своей бесконечной высоте. Этот неприятный звук расщепления, – стена треснула как-то «зигзагом» и проявилась прямо передо мной, отделяя от меня «музыку», а точнее, ее источник. Послышал-

ся звук, как будто осыпающихся крошек песка или мелкого гравия. В этот момент музыку я уже не слышал.

Стена была на расстоянии двух-трех метров. Образовалась какая-то неровная вертикальная «щель» или «трещина» и из нее дохнуло непередаваемым ужасом. Я явственно осознал, что за этой стеной – совершенно иная, незнакомая мне жизнь. Жизнь абсолютно реальная, но более «титаническая» и напряженная, чем весь здешний мир. Этот ужас невозможно описать человеческим языком. Как будто «осыпалась штукатурка» на месте этой трещины. Я внутренне испугался того, что вот сейчас трещина вдруг разойдется и откроется что-то невообразимо ужасное... Все это произошло очень быстро. И все также мгновенно исчезло.

Я тут же обернулся и спросил своего сына: «Ты что-нибудь сейчас слышал? Тебе ничего не показалось в музыке?». «Ничего особенного» – ответил он, – «все, как обычно». После этого я несколько раз слушал эту симфонию, и каждый раз четко фиксировал эту «ужасную» музыкальную фразу, – то мгновение, во время которого мне открылся «потусторонний мир». Я не сомневался, что именно музыка явилась триггером такого явления. Через какой-то промежуток времени – меньше месяца – эта музыкальная фраза уже не отзывалась особым резонансом в моей душе, а скоро она вообще растворилась в окружающей мелодии. Это странно, но я перестал ее узнавать, как ни старался, и сейчас не знаю точно этого места, хотя по-прежнему люблю слушать симфонию.

Но сама эта противоестественная белесая «стена в мареве» до сих пор стоит у меня перед глазами.

И уже значительно позже, осознав и узнав многое из того, что в то время было для меня загадкой, я понял, почему я так испугался, что «трещина» начнет расширяться, и я что-то увижу или нечто вышедшее оттуда вдруг меня ужаснёт. Там был «Он», тот самый *Он*, – Хозяин Земли.

Я сейчас вспомнил еще об одном случае из этой же области, который, наверное, будет более полезен для читателя, следующего моей дорогой. Если только что описанный – это мой уникальный опыт, то тот, о котором хочу рассказать, скорее стандартный.

Я спал у себя дома в постели вместе с женой. В середине ночи я неожиданно проснулся. Сон сразу улетучился. Жена спокойно спала рядом. В комнате темно. Я чувствую что-то необычное. Что-то не так, как всегда, – там, в коридоре, который находится против моего взгляда. Там тихо, но там кто-то есть, как будто притаился.

Я сел в кровати, опираясь спиной на ее спинку и стену, к которой она была придвинута. Не отводя взгляда от двери в комнату. Тревожное ожидание, потому что я знаю: сейчас что-то должно произойти. И вдруг, в совершенной тишине и абсолютной темноте я вижу, что из коридора начинает исходить какой-то слабый зловещий красноватый свет, который увеличивается в своей мрачной интенсивности. Я прекрасно понимаю, что кто-то медленно «плывет» по коридору в сто-

рону комнаты. Беззвучно. И этот мертвенно-красный свет, его усиливающаяся яркость, отражает это движение.

В таких случаях человек на подсознательном уровне отдаст себе отчет в том, что это – не земное: это не какой-то вор, тайно пробравшийся в квартиру. Это что-то чуждое, не из нашего мира. И это «Оно» безумно сильное, страшное и безжалостное. Его тусклый кровавый свет сейчас открыто выйдет из-за дверного проема. Удивительно, но не было никакого отчаяния или попытки как-то уклониться от неминуемой встречи: включить свет, разбудить жену. Я вдруг ясно понял и ощутил всем своим существом, что я в этот момент умираю и через мгновение умру. Знание абсолютное. И этот приближающийся рубиновый свет – это *Смерть*.

Такого бесстрастного и абсолютно убедительного знания *смерти* я никогда не испытывал. И это знание не было обычным земным, физическим, – оно было совершенно иным, и это невозможно передать словами. Я мысленно попросился с жизнью. Помню, у меня промелькнула мысль о том, что плохо, что я не простился с женой, и как она выдержит, когда найдет меня мертвым. В это мгновение свет вдруг исчез и все пропало... Всё то же самое, но я – живой, и ничего нет. Обычная обстановка в спальне. Я лег и заснул.

Не сомневаюсь, что в то время я пережил то, что в тайных посвящениях неопитов называется «ритуальной смертью». Какой-то мой внутренний человек действительно умер, хотя весь остальной продолжил свое существование на земле. И

опять я думаю, что в этот раз ко мне приходил «Он». Почему *Он* не закончил свое дело? – я не знаю. Возможно, я находился под защитой каких-то Высших сил?

В моей жизни было несколько странных случаев, когда я спасался, как мне казалось, чудом. Как будто какие-то невидимые силы подхватывали меня и тем самым отвращали неминуемую гибель. По крайней мере, дважды в жизни я *физически* ощутил эти «руки». Первый раз, – когда последним из команды прыгал ночью – в шторм и под качку из поднятой на тросах раскачивающейся шлюпки – на скользкую металлическую верхнюю палубу судна и чуть не сорвался вниз в штормовое море. Соскальзывая ботинком по наклонной плоскости шлюпочной палубы, я инстинктивно схватился за ногу стоящего ко мне спиной члена экипажа и почувствовал, как резко эта нога напряглась, сопротивляясь моему воздействию. Это меня спасло. И во второй раз, когда ехал на работу на велосипеде и чуть не попал под колеса автомобиля, когда пересекал улицу не по правилам. Фактически оказался прямо под колесами, но, слава Богу, отделался легким испугом и небольшими повреждениями велосипеда.

Но вернемся к мистериям. Из всех мистерий три являются *базовыми* или *стандартными*. Конкретный человек может получить и другие мистерии или «видения», потому что любая мистерия – это «вход» в *иной* мир, но *три* из них являются обязательными для человека, который развивается в правильном направлении. Это – (1) «расширение сердца»,

затем (2) «раскрывшееся над головой Небо» и, наконец, (3) та «мистерия Царства Небесного», о которой Иисус говорит в канонических *Евангелиях*.

И если мистерию «расширения сердца» вообще-то и мистерией настоящей нельзя назвать, – здесь какое-то особое внутреннее чувство, какая-то внутренняя перестройка, отражающаяся, в том числе, и в корректировке моральных принципов, – то «открывшееся над головой Небо» это поистине «Царица всех мистерий». Но она никогда не случится с человеком, у которого до этого не «расширилось сердце».

Возможно, правильнее будет сказать, что если мистерия «расширения сердца» – это некое удивительное «театральное представление», происходящее *внутри* человека, то «раскрывшееся Небо» – это необычайно яркое *внешнее* «представление» во всей своей подлинной *райской* красе. Что такое подлинный Рай, человек может узнать только получив эту мистирию. В обычной земной жизни это неопишное *великолепие* встретить невозможно. Мистерия «открывшегося Неба» дается только тому человеку, внутреннее духовное состояние которого достигло уровня Рая (таким словом это именуют религии). Это, фактически, констатация самого факта, – так сказать «печать» духовной канцелярии, подтверждающая, что данный индивидуум достиг состояния Рая.

Эта мистерия не является каким-то исключительным событием, которое произошло только с автором настоящей

книги. Наш дореволюционный духовный старец Варсонофий, как написано в его биографии, однажды заболел и был в очень тяжелом состоянии, почти при смерти. В это время с ним произошло событие, изменившее его жизнь кардинальным образом. Ему явилась Пресвятая Богородица, над ним «раскрылось Небо», и он выздоровел. До этого события он служил офицером в армии, имел семью, детей. После происшедшего события, которое перевернуло его жизнь, он подал в отставку и ушел в монастырь.

Тот читатель, который знаком с моей книгой об Эдгаре По, должен помнить, что Пресвятая Богородица поздней христианской Церкви (культ Богородицы появился не ранее IV в. н.э.) – является персонификацией «Духа», фигурирующего в евангельском тексте. То есть это тот обязательный *женский* компонент духовного мира, который исчез в официальном христианстве после того, как *Дух Святой* ошибочно приобрел мужской статус. Все «правильные» монахи христианских монастырей на деле поклоняются *Духу*, а не Христу, и именно по этой причине у них нет, и не может быть жён или любовниц. Христу поклоняется семейный христианин, у которого есть жена.

Другой наш старец – Силуан Афонский, когда монашествовал уже на Афоне, вдруг пережил необычную картину: стены кельи раздвинулись, потолок исчез, раскрылось небо, и он увидел где-то высоко вверху Моисея и сонм ангелов, славящих Бога. Описание не совсем точное, но суть видения

передана правильно, а подробности зависят от конкретных убеждений человека и тех мыслей, которые главенствуют в его голове.

Мистерия «раскрывшегося Неба» отнюдь не является исключительно русским приобретением: она носит общечеловеческий характер, потому что духовная структура человека везде одинакова. Возьмем древнекитайский текст *Дао Дэ цзин*. В *чжане* 10 читаем: «Небо открывается и закрывается, можешь ли быть, как самка?». Текст удивительно простой, и его невозможно понять как-то иначе, несмотря на появившуюся здесь вроде бы совершенно «не к месту» *самку*. Позже мы поймем, что здесь всё на своих местах. А вот иероглиф «самка» однозначно указывает на то, что речь идет о мужчине, и что эти слова обращены именно к нему. Именно он увидел «раскрывшееся Небо». В шумерских и иудейских текстах выражение «небеса раскрылись» («разверзлись небесные хляби») используется в том случае, когда речь идет о сильном дожде. Об этом однозначно свидетельствует контекст.

И, наконец, самый известный пример «раскрывшегося Неба» – это строки из синоптических *Евангелий*, – эпизод крещения Христа. Отличие в том, и оно принципиальное, что здесь добавлено обращение Отца и схождение Духа Святого. В обычном случае, как это кажется первоначально, – это только мистерия «открывшегося Неба». Возможно, все то, что написали евангелисты об Отце и Духе в этом эпизоде

– это художественный прием, призванный оправдать последующие действия Христа и сделать для читателя наглядной его связь с Отцом и Духом Святым, о чем сам Иисус часто упоминает в своей проповеди. Иисус называет эту мистерию «рождением свыше», а любое *рождение* является следствием соединения мужского и женского начал. Здесь следует отметить, что мистерии разного духовного уровня никогда не сходятся в одно событие.

И все-таки ни одно из известных описаний или упоминаний о мистерии Неба не дает истинного впечатления об этом происшествии в жизни человека. В *Евангелии от Иоанна*, в третьей главе, приводится беседа Иисуса с Никодимом, «одним из начальников иудейских» (Ин. 3:1). Иисус объясняет ему, что человеку «должно родиться *анот^hен* (греческое слово)». И если кто не родится *анот^hен*, тот не увидит Царство Небесное. Никодим спрашивает: «Как может человек родиться, будучи стар? Неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?» (Ин. 3:4). В ответ на эти приземленные слова Никодима Иисус, как всякий хороший психолог, старается разговаривать с ним «на его языке»: «Если кто не родится от воды и от Духа, не может войти в Царство Небесное». На «земное» Иисус отвечает «земным». После того, как Никодим не смог понять слов Иисуса, также и Церковь этих слов не поняла.

Об этом свидетельствует тот факт, что греческое слово *анот^hен*, которое всегда означало наречие «сверху», «с вы-

соты», «с неба» (и именно так оно переведено в этом же *Евангелии* несколькими предложениями ниже), приобрело у Церкви еще одно значение – «снова», «в другой раз». Иисус же, пытаясь объяснить это Никодиму, заявляет, что сначала человек рождается от околоплодных вод своей матери, «от воды», то есть действительно «из материнской утробы», вторя тем самым земным рассуждениям Никодима. Можно добавить, что по мандейским представлениям *любая вода* – это «вода Иордана», то есть вода «крещения» или, как это воспринимается на языке подлинника, «вода окунания».

Но затем человеку следует родиться *анот^hен*, «сверху», от Духа Святого. И именно «сверху», а не «снова». Если говорить «снова», то это воспринимается как повторное земное рождение, например, «из той же утробы» или что-то подобное этому. А если «сверху» – как рождение уже совершенно новое. «Рождение сверху» происходит, когда над человеком «раскрывается Небо». И если такого рождения не произойдет, человек «не сможет войти в Царствие Божие» (Ин. 3:5), то есть он не получит «мистерию Царства». Потому что «мистерия Неба» – это очередная мистерия после «расширения сердца», а «мистерия Царства» следует только после «раскрывшегося Неба». Перескочить от «сердца» к «Царству», минуя «мистирию Неба», невозможно.

Пусть читатель еще раз вспомнит наш разговор о *чакрах*. После сердечной *чакры хридая* раскрывается очередная – *вишудхи чакра* («очистительная»), которая находится

на уровне адамова яблока. В индийской мистике эта *чакра* связана с понятием *акаша* («эфир», «пространство») и характеризуется «распахнутым» или «широко открытым» пространством. То есть опыт «раскрывшегося Неба» был известен и индийцам, причем, очень давно.

Мы должны понимать, что назарей Иисус пришел к иудеям со своей проповедью о Царстве, надеясь на то, что у какой-то части его слушателей уже произошло «расширение сердца». Он прекрасно знал, что это событие доступно для почитателей *Торы*, о чем свидетельствуют псалмы Давида и книга Исаяи. И в разговоре с Никодимом он рассчитывал на то, что уж у Никодима-то сердце уже «расширилось». Поэтому и говорит о «мистерии Неба», как об обязательной предшественнице того Царства, которое он проповедует.

Почему Иисус, когда говорит Никодиму о «раскрытии Неба», использует образное сравнение со вторым рождением? Дело в том, что в древнем мире женщина рожала не лежа, а сидя на корточках или на специальном стуле с отверстием для ребенка. Ребенок как бы падал из нее на землю, а точнее, «выскальзывал» в руки повивальной бабки. Здесь очень уместно подобное сравнение. Над человеком раскрывается Небо как бы «цилиндрически», расширяясь до горизонта, а в центре этого «цилиндра», на земле – сам человек. Человек «рождается» на землю из этой огромной, вертикально уходящей ввысь трубы «небесного влагалища» Духа. И это еще раз подтверждает тот факт, что по представ-

лениям самого Иисуса Дух Святой – это «Женщина», ибо мужчина родить не может.

Расскажу о том, как это событие произошло у меня самого. В это время я уже практически полностью излечился от сильного радикулита и вышел из больницы. Не дай Бог кому-нибудь узнать, что это такое. Перед госпитализацией я не был в состоянии ни лежать, ни сидеть, ни ходить, ни спать. Точнее, все это сопровождалось у меня адской болью. Болячку подлечили, и я ходил на процедуры в больницу рыбаков. После одного из таких посещений – а денек был прекрасный – я поднялся наверх по Дмитрия Донского и свернул в небольшой парк, где давно была организована маленькая городская ВДНХ, которая, как правило, функционировала только в специальные дни.

Никого не было, я свернул в сторону от шума машин и сел на одну из скамеек, которые были расставлены вдоль аллеи с высокими деревьями, посаженными еще немцами. Из последнего морского рейса я привез компактный японский плеер (*walker*) для проигрывания магнитофонных лент и вставил в него кассету. Мой сын, большой любитель классической музыки, записал до этого, прямо с коротких волн, арию из пятой Бразильской Бахианы композитора Хейтора Вилла Лобоса. Ее исполняла, как я узнал уже позднее, американка Барбара Хендрикс. Я уже много раз слушал эту арию, она мне очень нравилась, и решил доставить себе истинное удовольствие, пребывая в одиночестве на природе.

Надел наушники, включил и стал слушать. Но не прошло и минуты, как случилось что-то невообразимое. Я почувствовал – совершенно очевидно, всеми своими органами, включая земное зрение и даже своей «кожей», что все пространство вокруг меня и небо надо мной стало быстро меняться каким-то непонятным образом.

Это небо стало раскрываться, расширяться – надо мной и от меня, в разные стороны и, наверное, до горизонта, который мне не был виден. Оно стало совсем другим, и это невозможно передать никакими словами. Потому что тот открытый кверху «котел», в самом центре которого я вдруг оказался, наполнился ярким радостным светом и брызжущей энергией. Это и есть та *акаша*, о которой говорят древние индийские тексты. Все здесь ликовало в неудержимом восторге вечной жизни и безбрежного счастья. И на фоне всего этого звучал прекрасный голос божественной арии Вилла Лобоса. Честно говоря, о музыке я даже забыл, я не мог понять, что со мной происходит. Это длилось не мгновение, а наверное, минуту или больше. Я боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть эту окружающую меня неземную действительность. Потом осмелел и стал медленно водить глазами влево и вправо. Состояние окружающего мира – безудержное радостное самозабвенное веселье и упоение жизнью – оставалось по-прежнему. Но почти тотчас оно стало быстро исчезать и уходить куда-то вовне.

Божественный голос все еще пел арию, а я, подняв голову,

увидел обычные легкие облака на голубом небе. Я выключил музыку. Мистерия пришла и ушла. Как сказал Иисус: «*Дух дышит, где хочет*» (Ин. 3:8). В то время я еще не понимал, что это – мистерия. Для меня это было что-то совершенно необычное и необъяснимое.

Мистерия «открывшегося Неба» знакомит человека с Раем, с тем местом, в котором он окажется после смерти, если его духовное развитие завершится этой «райской» ступенью. Может ли в Рай попасть женщина? Бесспорно, может, даже уже только потому, что Дух – это тоже «Женщина». Каким образом? И раскрывается ли над ней Небо? Это мне неизвестно. В Писаниях народов мира такие случаи не зафиксированы.

Но, наверное, главное в этой мистерии является все-таки не это «чудо». На то впечатление, которое испытывает человек, брошенный в эту мистирию, воздействует особый животворящий брызжащий «свет», сущность которого правильнее всего описана в мандейских текстах. Дело в том, что это *другой* свет. Вот что пишет Е.С.Дровер в уже упомянутой нами книге о мандеях, в «Сокровенном Адаме» (с. 258, 259):

Поведай мне о Сиянии (*зива*) и Свете (*нхура*); о Свете и Тьме, Добре и Зле, Жизни и Смерти, Правде и Лжи.

И ответ:

Сияние (*зива*) – это Отец, а Свет (*нхура*) – Мать... («1012 вопросов»).

Утверждение, что *зива* («сияние» – так приблизительно переводится это слово), сизигий *нхуры*, – это активное, творческое мужское начало, а Свет (*нхура*) – начало воспринимающее, пассивное, женское, – встречается неоднократно. В «1012 вопросах» Хибиль-Зива говорит следующее:

Что касается этих двух тайн – *зива* и *нхура*, – знай, что они древние Праотец и Праматерь. Чистое золото – таинство (символ) Отца, его имя – Сияние. Серебро – таинство (символ) Матери, и его имя – Свет. Символ Отца – Корона, и ее имя – Сияние; миртовый венок – символ Матери, и ее имя «Да будет Свет». «Владелец короны» (священнослужитель) связан с таинством Отца. Мандей (то есть мирянин) и его жена связаны с таинством Матери. («1012 вопросов»).

То есть по представлениям мандеев свет бывает разный. Тот земной свет, с которым мы имеем дело, – свет от Солнца, это, скорее всего, «Мать». А тот Свет, с которым человек встречается в мистерии «открывшегося Неба», – это «Отец». И именно этот Свет (*зива*) – «золотой», то есть золотистый творящий Свет, проникающий везде и сияющий отовсюду, – это одна из важнейших характеристик этой мистерии. Ее отличие от любой другой жизненной ситуации заключается также в этом «измененном» Свете. Этот «другой Свет» осознаётся и мысленно фиксируется человеком безошибочно.

Удивительно, но если для обычного человека существует только свет солнца и искусственный свет, например, свет от

костра (или лампочки), то у мандеев таких «светов» больше. К Свету *нхура* относится и свет Луны, но не как отраженный от Солнца, а совершенно самостоятельный. Этот «серебристый» свет человек может увидеть во сне. Я помню очень яркое впечатление от одного такого памятного сна.

Это произошло, когда я со своей семьей жил еще на улице Богдана Хмельницкого. Мне не было тридцати лет. На этой улице стоит немецкая кирха, тогда еще не отстроенная после войны и безжизненная в своей противоестественной пустоте. Калининград славился своими послевоенными развалинами, когда во всех других городах страны этого уже давно не было. Мы с сыном иногда заходили в темное, сырое нутро этого здания, с его краснокирпичными стенами и россыпью земли и щебня на полу, поросшем бледными сорняками, – когда гуляли рядом с домом. Я даже подобрал лежащие рядом с наружными стенами, еще со времен войны, отколовшиеся темно-зеленые фрагменты изразцовых украшений, которые крестообразно располагались по четырем сторонам кирхи. Ныне – это известное в городе светское заведение, концертный Зал филармонии или Зал органной музыки.

В этом «реальном» сне я тихо летел над темным городом вдоль улицы Богдана Хмельницкого в сторону вокзала и видел с высоты тусклые крыши домов. Все пространство вокруг освещалось мрачным и неярким серебристым светом. Луны не было, и я не сразу понял, что этот тяжелый сереб-

ристый свет исходил из стрелчатых окон мертвого собора. Я пролетал мимо этой кирхи, но боялся приблизиться к ее окнам. Я почему-то сразу понял, что там – какая-то чуждая и неизвестная мне Жизнь.

Итак, если вернуться к мистерии «открывшегося Неба», то можно, наверное, сказать, что в этом явлении, как и в случае крещения Христа, одновременно присутствуют Отец и Мать. Отец – в виде Сияния (*зивы*), а Мать – Духа (*рухи*).

Хотя со всеми этими мандейскими «светами» не до конца все понятно. Ясно одно: в духовной жизни человека не существует одного единственного света: их, этих «светов» несколько, и все они разные. Один такой «свет», причем, очень важный, это тот, о котором говорит назарей Иисус в *Евангелии*. Это тот «свет в человеке», который во многих из нас – «тьма».

Если же *око твое будет худо*, то все тело твое будет темно. Итак, если *свет, который в тебе*, тьма, то какова же тьма? (Мф. 6:23).

Читатель когда-нибудь задавал себе такой вопрос: почему китайцы называли первую мистерию «*просветлением сердца*»? Думаю, что только по той причине, что тот человек, который получил опыт «расширения сердца», в каких-то особых случаях своей жизни мог «светиться» видимым образом для окружающих. Причем, сам человек этого своего свече-

ния не видел и не осознавал.

В древних текстах Китая такое событие зафиксировано у знаменитого Вэнь-Вана, фактического основателя династии *Чжоу*, когда он выступал перед собравшимися воинами. Но и у евреев, в их Писании сказано, что Моисей, сойдя с горы Синай, где он разговаривал с Богом, *светился* перед собравшимся народом. Удивительно, но и Богиня *Деметра* из гомеровского гимна тоже *светилась* перед царицей Метанирой. И как бы мы ни воспринимали все эти «мифические» эпизоды, они могли появиться в разных текстах только потому, что в каких-то случаях такой свет имел место в реальной жизни человека. Вспомним также известный евангельский эпизод «преображения Христа» на горе *Фавор* (Мф. 17:2, Мк. 9:2). К слову скажу, что девичья фамилия моей матушки – *Фаворская*, и это фамилия потомственного рода священников православной церкви Астраханской губернии.

Как это все можно объяснить? Человек, который получает опыт «расширения сердца», в какие-то моменты может излучать особый «мягкий» или «туманный» свет, – особую яркую голубовато-серебристую «ауру», созерцание которой производит неизгладимое впечатление на тех окружающих людей, кто это видит. Это – настоящее чудо. Тот, кто *излучает*, должен пребывать в особом внутреннем «духовном» настрое, который возникает у человека далеко не всегда и не по его желанию. У того же, кто может это явление увидеть, должен быть развитый внутренний духовный мир. Древние

китайцы и евреи такой внутренней мир имели, а у тех, кто этот свет не видел, было «око худо». В том человеке, который получил опыт «расширения сердца», – в нем именно тот свет, о котором говорит Христос.

С еще одним особым Светом – «Светом Иисуса», а точнее, с его отсутствием – человек знакомится, когда попадает в Ад. Об этом мы поговорим, если кто-то еще не читал мою книгу «Эдгар Аллан По. Обратная сторона Луны» (М.: Дё-Либри, 2023). Хотя возможно такое, что ощущение «отсутствия Света» в этих обителях напрямую связано с тем, что этого Света нет в самом человеке, у него не «просветлилось сердце».

Мистерии (продолжение II)

Я хочу сказать еще об одной характерной черте или даже духовном законе мистерий. Как уже увидел читатель, я показываю на известных примерах, что мои мистерии не были исключением. Что это стандартные этапы развития нашего внутреннего естества, неизвестного науке. И, тем не менее, получающий мистерию человек это не осознаёт.

Перед получением мистерии «открывшегося Неба» я многократно читал евангельский текст и хорошо помнил его содержание. Но отождествить «раскрывшееся над Иисусом Небо» с тем событием, которое произошло со мной, – это даже не приходило в голову. Одно дело – исторический евангельский текст, и совершенно другое – мои личные жизненные обстоятельства. Что между ними общего?

В течение нескольких дней после этой мистерии я был абсолютно уверен в том, что такое чудесное явление случилось в результате воздействия на меня прекрасной арии. И при этом я совершенно не помнил про эпизод крещения Христа: произошла какая-то амнезия. В тот день я был уверен в том, что придя на очередной сеанс в поликлинику, я дам послушать эту музыку моему лечащему врачу. Я не сомневался в том, что и она ощутит то, что произошло со мной. И это несмотря на то, что она была совершенно незнакомой мне женщиной, и даже не в моем вкусе. Состояние поделить-

ся своим необыкновенным открытием с любимым человеком, который к тебе как-то расположен, – это тоже естественный след мистерии «открывшегося Неба» в нашей человеческой душе.

Евангельский текст часто бывает очень точен, и это особенно характерно для не владеющего литературным словом Марка. У Марка сказано, что небо над Иисусом не «раскрылось» (*анойго* – «открывать», «раскрывать»), как это передано у Матфея, а что «Он увидел *разрывающиеся* небеса» (Мк. 1:10), от глагола *схидзо* – «раскалывать», «разрывать», что более точно характеризует эту мистирию. Небо «раскалывается» или «разрывается» в своем внезапном фантастическом действии, не вспугивая при этом открывшегося безбрежного веселья окружающего пространства. И при этом у человека возникает стойкое подсознательное понимание, что это не сцена какого-то «спектакля», показанного специально для него, а так, как будто кто-то приоткрыл невидимый занавес, а там... – там то, что *всегда существовало* и продолжает существовать сейчас. Мы этого просто не видим.

Величие этой картины подтверждает наличие в китайской мифологии знака *Тянь* – «небо». Для древних китайцев *Тянь* – это их главный «Бог», если оперировать европейскими понятиями. Иероглиф состоит из двух частей: «человек» (*жэнь*) в виде «циркуля» с расставленными ногами и на его макушке – две параллельные горизонтальные линии или штриха, причем, верхний короче нижнего. Две таких линии – это

древний знак «верх». Для китайцев очень большое значение имели духи (*шэнь*), и по этой причине «духов верха» они сокращенно обозначали в виде иероглифа «верх». Всё это однозначно свидетельствует о том, что знак *Тянь* родился только после того, как какой-то древний житель Чжоу увидел над собой «раскрывшееся Небо». Достижение этого состояния первоначально означало в Китае получение *ваном* «мандата Неба» на правление Поднебесной. *Тянь* – это не известное всем нам бесконечное воздушное пространство над головой. *Тянь* – это даже не неземная индивидуальность в виде европейского «Бога». *Тянь* – это измененное пространство вверху над человеком, что и отражает этот иероглиф. Человек оказывается пребывающим в божественной среде благих духов *шэнь*.

Эта мистерия случилась во время горбачевской перестройки. К этому времени я уже охладел к *Бхагавад Гите* – моей «первой любви», если говорить о духовной литературе, и обратился к тщательному изучению христианских текстов. Не только Нового Завета, но и святоотеческой литературы, включая Игнатия Брянчанинова, Феофана Затворника, Симеона Нового Богослова, Макария Египетского, Аввы Сирина, Силуана Афонского и многих других. Все это я старался читать «от корки до корки», считая себя полноценным христианином и причащаясь по Воскресным дням на утренней Литургии в Крестовоздвиженском соборе. Моим обожаемым учителем стал Серафим Саровский, с которым

я познакомился по книге «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря». Эту удивительную книгу я прочитал не один раз и тщательно законспектировал. Мистерию «открывшегося Неба» я получил в 1991 году.

Как уже усвоил мой читатель, следующая мистерия – это та мистерия «Царства Небесного», о которой Иисус говорит в синоптических *Евангелиях*. Мы опять должны откорректировать традиционное понимание Церковью евангельских слов Иисуса. Когда Иисус заявляет ученикам о своем «Пришествии» (Мф. 24:27), сравнивая его с *молнией*, он использует греческое слово *парусиа*. До церковной трактовки это греческое слово никогда не понималось как какое-то «пришествие», – оно всегда означало «присутствие», «пребывание». И если приложить к этому слова Иисуса из *Евангелия от Иоанна* – «*И придем, и обитель у него сотворим*» (Ин. 14:23), – то смысл *парусии* Иисуса становится понятен. Иисус заявляет о том, что он по-прежнему будет «присутствовать» в этом мире после своей смерти, и когда какой-то человек окажется внутренне готовым, тогда он и «придет» к нему вместе с *Отцом*. Как? Но здесь не может быть никаких сомнений, – только в мистерии.

«Молния» – это стандартный способ сравнения с мистерией, которая, в случае «мистерии Царства Небесного», – а именно об этом ведет речь Иисус, – тоже происходит «молниеносно», то есть *вне времени*. Все вышесказанное подтверждается также следующими словами Христа, обращенными

к апостолам: «Аминь говорю вам, нет, не закончите [обходить] города Израиля между тем придет Сын человека» (Мф. 10:23). То есть придет он сам, но уже не в земном облике. И придет не через тысячу лет, а так, как будто никуда и не уходил.

Следует отметить, что ни в одном из существующих в мире текстов нет описания мистерии Царства Небесного. Но жил когда-то на земле человек, который написал *Евангелие от Иоанна*. Вот он единственный, причем, прикровенно, а не в явной форме, эту мистерию показал. И сделал это, имея личный опыт. Его *Евангелие* очевидно свидетельствует о том, что сам он эту мистерию пережил и писал обо всем, как очевидец. Хотя при этом никогда не знал Иисуса земного, как проповедника, и возможно, жил через столетия после жизни назаря Иешуа.

Для Иоанна, как и для любого другого человека, достаточно было иметь в качестве «учебника» уже существующие евангельские тексты, возможно, включая *Евангелие от Фомы* в греческой версии, а все остальное рождается естественным образом. И значит, можно уверенно говорить о том, что у Иоанна была жена, то есть он был семейным человеком в полноценном смысле этого слова. Это *Евангелие* только в редких местах (но при этом очень существенных) пострадало от корректировок Церкви: оно так и осталось для нее загадкой.

Более того, те авторы, которые писали синоптиче-

ские *Евангелия*, были, бесспорно, духовно продвинутыми людьми, но значение их работы заключается только в том, что они собрали и систематизировали высказывания назаря Иешуа. Однако при этом сами не имели даже опыта «раскрывшегося Неба». И в этом нет ничего удивительного: если эти тексты писали духовные иудеи, то они имели только опыт «расширения сердца», потому что никакая религия Ада выше этой мистерии человека не поднимает. О евангелисте Луке вообще рассуждать не приходится: это церковный функционер, ромей по происхождению, историк по устремлению своего сердца и человек, который очень мало понимает в духовных вопросах. Но при этом – хороший литератор.

В *Евангелии от Матфея*, в синодальном переводе, об эпизоде крещения Иисуса сказано следующее:

И се отверзлись Ему небеса, и увидел *Иоанн* Духа Божия, который сходил как голубь, и ниспускался на Него (Мф. 3:16).

Имя «Иоанн» дано в этом месте курсивом, так как в греческом подлиннике этого имени нет, а из грамматической формы греческого глагола «увидел» следует только то, что это событие «увидел он», а не «она» или «они», которые были рядом.

То есть, если следовать строго тексту, то это мог увидеть или сам Иисус, или Иоанн. Богословы выбрали Иоанна. Но,

строго говоря, если «пальму первенства» отдать Иоанну, в таком случае сам Иисус ничего не увидел, а остался в неведении, что на него «ниспустился Дух Святой». Вообще – безобразие! И неужели богословы действительно думают, что Дух мог спуститься видимым образом для зрения Иоанна (земного ли, духовного ли, это безразлично)? А если нет, в таком случае как его вообще мог увидеть Иоанн? И действительно *нет*, потому что иначе это будет какая-то жалкая комедия в дешевом театре. Но это сказано только для того, чтобы обнаружить отсутствие элементарной логики у переводчиков.

Если бы евангелисты имели собственный опыт «раскрывшегося Неба», они бы обязательно отметили, что «увидел *это* Иисус», а не Иоанн, как это предположили наши богословы. Человек, знающий эту мистерию и излагающий это в письменном виде, прекрасно понимает, что для всех других, читающих его текст, останется загадкой, кто именно это «увидел», и поэтому он не допустил бы возможность неоднозначного толкования этого важного места.

Эти «писатели» собирали материал и знали, что с Иисусом действительно произошло такое замечательное событие, – это осталось в людской памяти или были какие-то записи. Но подробностей людская память не сохранила, поэтому «раскрашивать» это событие в своем художественном тексте они стали так, как умели. Но не знали тонкостей, потому что не были знакомы *лично* с этой мистерией. Говорить о том, что авторы синоптических *Евангелий* получили «ми-

стерию царства Небесного», тем более не приходится. И для такого утверждения существует, в том числе, важное свидетельство, которое мы находим в *Евангелии от Иоанна*. Более того, там не одно это место вызывает *недоумение* и удивление при сравнении с синоптиками. Но об этом позже.

Из простого анализа текста можно сделать вывод, что не только ученики Христа ничего не понимали в его проповеди о Царстве Небесном, – а это прямо констатирует сам Иисус, – но и сочинители синоптических *Евангелий* писали свой текст так, чтобы как-то скрыть свое собственное непонимание (но может быть, это только «художественный прием»?). А взамен этого уже продвигать идеи, базирующиеся на ожидании иудеями прихода Мессии. Но при этом они искренне полагали, что проповедь Христа понимают. И именно по их стопам и по стопам иудея апостола Павла пошла вся христианская Церковь, свято веруя в то, что тот Рай, в котором Христос обещал быть вместе с распятым рядом разбойником (Лк. 23:43), и проповедуемое Иешуа Царство Небесное – это одно и то же.

Слова Христа о пребывании в Раю вместе с разбойником содержатся только у евангелиста Луки, а Лука, как это должно быть ясно любому объективному исследователю евангельского текста, – невероятный выдумщик. Добавим к этому, что «низшая» душа любого человека (египетское *ка*), достигшего на земле состояния Царства Небесного, после смерти действительно оказывается в «Раю», и только после

этого, причем, после особых духовных преобразований, и уже не *ка*, а какая-то иная «сущность» восходит выше. Такой вывод можно сделать, если рассуждать по аналогии с духовным ростом человека в земной жизни.

И раз уж мы процитировали эпизод крещения Христа, необходимо еще раз акцентировать внимание читателя на том вопросе, который является не просто исторической ошибкой неправильного понимания текста, а «краеугольным камнем» всей проповеди Иисуса о Царстве Небесном и о нашем спасении из мира Добра и Зла. Вопрос касается природы Духа Святого, и он подробно рассмотрен мной в книге «Эдгар Аллан По. Обратная сторона Луны», о которой я уже упоминал.

И тем не менее, мы вынуждены еще раз кратко резюмировать. Читатель, наверное, обратил внимание на то, что на Иисуса сошел Дух Божий, «как голубь», то есть, как Дух *мужского* рода. И так – на всех европейских языках, на которых существуют переводы евангельского текста. Отсюда же происходит и *Символ веры*, в котором сказано следующее:

«Верую... во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия... сшедшаго с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечившася».

Символ мог появиться в таком виде только в том случае, если отцы Церкви воспринимали слово «дух» в качестве су-

ществительного мужского рода, как мы это видим, например, в языке русском. Потому что каждому взрослому человеку хорошо известно, что не может на земле ничего родиться («воплотиться») от двух женских начал, то есть без участия начала мужского. Более того, из евангельского текста известно, что Иисус родился в человеческом образе. В случае церковного *Символа* в качестве такого мужского начала была воспринята ипостась Духа Святого. Вопрос этот очень серьезный и достаточно сложный, поэтому стоит остановиться на нем немного подробнее.

Первый Вселенский Собор, Никейский, состоялся в 325 г. н.э., то есть *спустя почти 300 лет* после евангельских событий. Никто уже не воспринимал описанные в *Евангелиях* события, как земные и реальные. И тем более, никто не мог знать о каком-то мандейском племени, из которого вышел реальный проповедник *Иешуа христос*. К этому времени евангельские события уже успели мифологизироваться. Священное Писание христиан в виде Библии на греческом языке приняло окончательный вид. *Евангелия* воспринимались всеми без исключения верующими как текст, продиктованный ученикам-апостолам самим Богом, то есть такой текст, который не подлежит никаким изменениям.

На первый Вселенский Собор собралось, по разным сведениям, около трехсот епископов, среди них были египтяне, родным языком которых был коптский (самая поздняя стадия развития древнеегипетского языка), и в языке кото-

рых слово «дух» имеет мужской род. Как помнит читатель, в греческом языке «дух» это существительное среднего рода. Иудеев среди этих епископов не было, так как к этому времени Церковь уже полностью отошла от своего иудейского прошлого. Сбор собрали не от хорошей жизни, а только по той причине, что среди *ведущих* христианских богословов были серьезные разногласия и даже распри относительно понимания природы «Сына Божьего», и эти разногласия требовалось разрешить. В первую очередь это было необходимо императору Константину, который принял личное участие в этом Соборе. Он был активным сторонником того, чтобы в его Империи была единая религия, которая должна была сплотить народ вокруг государственной власти. То есть это был сложный период перехода Церкви, как организации, от *веры* к жестко зафиксированным *догматам*, поддерживаемым государством.

Большинство всех собравшихся на первый Собор, православные, мыслили так, что Христос – это Бог изначально. А вторая группа, ариане, считала его человеком и «творением» («тварью» по-гречески), который не был Богом изначально, а стал им только впоследствии. Их утверждение восходило к воззрениям прежних христианских апологетов, которые заимствовали в христианское богословие античное понятие *Логос*, – «Слово», происшедшее от Бога «в начале всех веков», которым Бог и сотворил весь мир. То есть ариане ратовали за субординацию между тремя божественными ипо-

стасями. И только по этой причине христианские иерархи были вынуждены как-то сообща – чтобы сохранить первоначальное единство Церкви, – сформулировать особое «Правило» или «Символ», в котором бы однозначно трактовалась *природа Христа*.

В Церкви установилось мнение, что тот, кто поддерживает *Символ*, верует правильно и является 100% христианином, а тот, кто нет, – верует неправильно и достоин порицания. После каждого такого Собора – арианского ли, православного ли (а таковых, не Вселенских, было несколько) – все те, кто не поддерживал решение того или иного Собора, предавались анафеме. Строго говоря, любой догматический подход к искреннему горению человеческого сердца превращает это сердце в остывший камень. И это не какие-то отвлеченные измышления, а духовные истины.

На этом первом Соборе и был выработан первоначальный вид *Символа*, но в нем еще не было слов о «рождении» Сына Бога от Духа Святого и Марии Девы. Эти слова появились уже на втором, Константинопольском Соборе (381 г.), когда спор между православными и *арианами* продолжился. В промежутке между этими двумя Соборами спорящие стороны собирали свои, отдельные соборы, пытаясь как-то организовать и, при случае, повлиять на мнение императора. Этот процесс шел с разным успехом, и побеждала то одна, то другая сторона – *никейцы* или *ариане*.

Следует иметь в виду, что в этом споре никто не обра-

щал внимания на какую-то «изначальную природу» Духа в семитских языках. Но если бы вместо слова «дух» в Писании фигурировало другое греческое слово – не *пневма*, а, например, *псюхэ*, которое переводится как «дыхание», «душа», «дух», и которое при этом является существительным женского рода, такой ошибки в *Символе* бы не произошло, и он был бы совершенно другим. Для собиравшихся на Соборы главным аргументом являлся канонизированный текст Писания на греческом языке, отдельные слова или фразы из которого собравшиеся пытались как-то включить в *Символ* и тем самым «положить своих противников на лопатки». Не получилось. Пришлось использовать для *Символа* новое слово, которого в Писании не было. Это слово нашлось, и это – *омоусиос* («единосущий»). Такое слово, после долгих и безрезультатных споров, предложил включить в *Символ* лично император Константин, а императору никто перечить не отважился. Вот как это описывает профессор А.Спасский в книге «История догматических движений в эпоху Вселенских Соборов» (Сергиев Посад, 1914, с. 240, репринт):

Еще на предварительных заседаниях в Никее до официального открытия собора некоторые епископы, люди простые и бесхитростные, советовали довольствоваться древнейшими мнениями и не делать нововведений в преданной от древности вере. А таких епископов было большинство; однако, мнение их не только не восторжествовало, а, напро-

тив, в заключительном своем решении собор как раз внес в символ такое слово, которое не встречалось на языке Библии и было отвергнуто преданием. Как же могло случиться, что несмотря на преобладание консервативно настроенных епископов в составе собора, слово *омоусиос* все-таки не потерпело поражения и в конце концов принято было всем собором? В разъяснении этого вопроса должно припомнить ту обстановку, при которой совершилось внесение нового термина в символ веры. Слово *омоусиос* в первый раз произнесено было на соборе с высоты царского трона, блеск которого невольно ослеплял умы провинциальных, деревенских простецов, – а энергичная защита предложения императора со стороны образованных руководителей соборных рассуждений незаметно смиряла тревогу.

Для того чтобы убедиться в том, что Соборы действительно рассматривали Дух Святой в качестве мужской ипостаси, приведем некоторые аргументы ариан в споре с православными, из которых со всей очевидностью вытекает подобное утверждение. Вот что пишет профессор Московской Духовной академии и Московского университета А.П.Лебедев (1845-1908) в своей книге «Вселенские соборы IV и V веков» (СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2004, с. 58, 96, подчеркивание наше):

Они (ариане, – Г.Б.), например, возражали: «Дух Св. есть,

без сомнения, или нерожденное (существо) или рожденное. И если нерожденное, то два безначальных (Божества). А если рожденное, то (этот Дух, – Г.Б.) рожден или от Отца, или от Сына. И если от Отца, то два сына и брата, а если от Сына, то явился у вас Бог-внук».

Иные не соглашались с учением, что Дух есть Бог, единосущный Отцу и Сыну. «Укажи мне, – обращались ариане к православным, – чтобы от одного и того же (Отца) один был Сын (Божий), а другой не Сын (Дух) и притом оба были единосущны».

То есть, обе стороны в этих своих утверждениях и спорах воспринимали ипостась Духа, в образе «сына» или «внука» *Отца*, но не в качестве «дочери» или «внучки», если бы Дух Святой виделся ими в качестве женской ипостаси. И более того, все собравшиеся не сомневались в том, что *Отец* – это Бог иудеев.

Как пишет известный дореволюционный ученый, профессор А.В.Карташев в книге «Вселенские соборы» (Фонд «Христианская жизнь», Клин, 2002, с. 168):

Только со времени IV Вселенского Халкидонского Собора 451 г. наш Символ начал приобретать всеобщую известность и обязательность.

То есть после Второго собора, на котором этот *Символ* был

выработан, он известен еще не был. В той греческой терминологии, которая присутствовала в спорах – *уσια*, *омоуσιос*, *ипостасис* и др. – и из которой, в конце концов, этот *Символ* был составлен, не вполне ориентировались даже некоторые отцы Церкви. И не то, что они не знали всех этих греческих терминов, но совсем не были уверены в том, что именно их следует использовать в случае *Символа*.

Да и кто из отцов создателей *Символа* мог с чистой совестью сказать, что он *точно знает*, что Иисус родился «единовременно» с Богом Отцом, а не «после Него»? И никто из них не мог себе представить даже «в страшном сне», что реальный проповедник Иешуа *христос* никогда не был сторонником иудейского единобожия. И о каком «единосутии» можно вести речь здравому в своем уме человеку, которому *самому никогда не приключилось быть «единосутиющим» с этим Богом* и испытать своим опытом, что это такое? А если бы вдруг испытал, – значит и он тоже «Сын Божий». Да и о каком «едином» Боге-Отце все они вели речь? Участники Соборов – об иудейском Боге *Яхве*; Иисус – о том *Элохиме*, мандейском «Боге Света», которого он называет своим «Отцом». «*Эли, Эли, лама савахвани!*», или «*Элохим, Элохим, почему Ты Меня оставил!*» (Мк. 15:34) – восклицает он на своем мандейском наречии. Он обращается к *Элохиму*, а не к *Яхве*.

В это сложное для христиан время в римском мире уже возникла философия неоплатоников. Философия, удивив-

тельная в своей непривычной для ромейского мира *мистериальности*. Здесь, в первую очередь, следует назвать имена Нумения-римлянина и элина Плотина, который начинал изучать философию в Александрии египетской (у того же учителя, что и Ориген), а затем перебрался в Рим, где и создал свои известные трактаты (*Энеады*). Почему именно их имена следует вспомнить? Именно эти два философа напрямую сообщили миру о своих *мистериях* (так правильно называть все их откровения, на основании которых они разрабатывали свою философию).

И следует прямо сказать, что их «откровения» гораздо ближе стоят к подлинной проповеди Христа о «царстве Небесном», чем всё то тысячелетнее христианское богословие, которое что-то в своих начинаниях позаимствовало от философии эллинов. И именно с этими эллинами, с их философской «искренностью» и с их философской терминологией, подсознательно старались соперничать те отцы Церкви, которые участвовали в создании *Символа* веры. В философских построениях этих двух великих философов греко-римского мира – Плотина и Нумения – существует такая же трехступенчатая система развертывания Творения, как у египтян и мандеев, пусть и иначе выраженная. И если кто-то из людей действительно испытал *единосущность* с Единым, так это язычник Плотин. Об этом мы скажем позже.

В свое время автору пришлось познакомиться со многими трудами выдающихся христианских подвижников. Но ни у

одного из них не обнаружено такого опытного приближения к истинному познанию (или даже *само познание*) «Царства Небесного», как мы видим это в *Эннеадах* Плотина или в текстах Нумения. Из христиан разве что только одного Оригена можно припомнить, если мы ведем речь о подлинных *мистериях*. Достаточно почитать его *Гомилии* на «Песнь песней».

Вернемся к *Символу*. О том, что невозможно рождение от двух «женщин» подобное тому, которое зафиксировано в этом *Символе*, сказано уже в коптском *Евангелии от Филиппа* (мы это высказывание процитируем). Наличие этих слов может свидетельствовать о том, что датировка создания *Филиппа* – это V-VI вв. н.э.

Читателю следует понимать, что если мы решим не трогать тему Духа Святого и примем мнение святых Отцов ради общего благополучия в Церкви, тем самым мы принесем в жертву подлинную проповедь Иисуса о спасении. Ведь ложь – даже неосознанная и невинная – всегда противоречит *Истине*. А Иисус – это Истина, *алет^hейя* (Ин. 14:6).

Так же и в рассматриваемом нами случае. То слово «голубь», которое мы видим в греческом тексте *Евангелия*, и которое упоминается при сошествии на Христа Духа Святого – это *перистера*. Окончание *-а* указывает на то, что это слово относится к именам существительным женского рода, первого склонения на «чистую альфу». Это – основное склонение существительных женского рода в древнегреческом языке,

а следовательно, *перистера* – это стопроцентная «голубка», если обратиться к грамматике.

Более того, в этом языке существует также слово *перистерос*, которое, по всем правилам той же грамматики, имеет окончание мужского рода *-ос*. И переводится это слово в современных словарях почему-то как-то особенно: «голубь-самец». И для меня это загадка. Как будто может существовать, например, «бык-самец» и «бык не самец». То есть, если перейти к нашему конкретному случаю, должен существовать какой-то другой «голубь» мужского рода, но уже не самец. Богословы тем самым намекают на то, что на Иисуса сошел голубь мужского рода, но уже не самец? Чудеса! Однако специального «голубя не самца» в словарях не существует. Но зато есть эта *перистера* – «голубь» (по словарю).

Причем, странно получается: в дореволюционных российских словарях, когда Церковь была в силе, для «голубки» у древних греков, как оказывается, вообще не существовало отдельного слова. И это – в одном из наиболее развитых в лексическом отношении языков мира! А вот в советском словаре Дворецкого (когда на Церковь оглядки уже не было) *перистера* – это уже и «голубь», и «голубка» одновременно. То есть и бык, и корова «в одном флаконе». Чудеса! Ведь так и до *Ант^hропоса* в «воловьем» обличии немудрено дойти!

В чем тут дело и что произошло с греческим языком? Та христианская Церковь, которая единолично правила во всем европейском мире, когда-то осознала – и это естественно, –

что здесь что-то не сходится (в *Символе веры* и в евангельском тексте), и сочла, что отныне и навеки греческая «голубка» *перистера* станет «голубем». И разве это не исток древнейшей гендерной трансформации «девочки» в «мальчика»? Отметим, что тот иудей Матфей, который писал текст *Евангелия*, прекрасно понимал, что греческое слово *пневма* («дух»), которое имеет в греческом языке средний род, на самом деле, по своей *внутренней сути*, является «существом» женского рода. И именно по этой причине он написал *перистера*, а не *перистерос*. Ведь он был бессилён превратить слово *пневма* в существительное женского рода.

Слово «дух» в Писаниях христианства имеет истоки не в греческом языке, где это слово, *пневма*, имеет, как мы уже сказали, грамматический средний род. Оно берет свое начало в мандейской религии, где слово *руха* («дух») – существительное женского рода. Естественно, что и у иудеев в их родственном языке *руах* тоже имеет женский род. Более того, в представлении мандеев и в их фольклоре *Руха* – это уже полноценная «женщина», статная, голубоглазая, наделенная необычайной красотой, умом и огромной силой, – такой, что может «свернуть шею» любому мужику.

В истории христианства произошло так, что эта религия, первоначально получив свое рождение на общесредиземноморском греческом языке (*Евангелия* и *Новый Завет* не имеют никакого отношения к грекам, как к народу), почти сразу же обосновалась в Египте, в стране коптов. Именно копты,

имея в духовной истории своей страны «воскресшего» *Осириса*, восприняли новую религию, как родную. Здесь же и христианское монашество родилось.

А в коптском языке, как и в языке древнеегипетском, существует только два грамматических рода: мужской и женский. Среднего рода нет. Переводя греческие *Евангелия* на свой родной язык, копты все важные слова Христовой проповеди о Царстве оставляли без перевода, то есть записывали их в греческой транскрипции. Более того, коптский алфавит – это алфавит, состоящий из двадцати четырех греческих букв и только восьми букв собственно египетских.

В соответствии с грамматическими правилами перевода греческих существительных среднего рода на коптский язык все они, за неимением такового в коптском языке, автоматически приобретали род мужской, то есть становились существительными мужского рода. Так греческое слово *пневма* стало *пневмой* мужского рода в *Евангелиях* на коптском языке. И именно так слово «Дух» воспринимали все создатели *Символа* веры. Это однозначно свидетельствует о том, что среди участников первых Вселенских Соборов не было таких, которые знали бы еврейский или арамейский языки. Напомним читателю, что даже великий Ориген, родившийся в Египте, составляя свои *Гекзаллы* ни еврейского, ни арамейского языков не знал.

К теме Духа Святого мы еще вернемся не один раз, потому что Дух – это «женщина», а у нас есть жена. И без этих «двух

женщин» назарей Иисус, показанный в канонических *Евангелиях*, человеку спасение не обещает. Ведь недаром сказано в *Евангелии от Марка*, что Иисус будет «*окунуть* (крестить) в Духе Святом» (Мк. 1:8). Словами о том же самом спасении начинается и обращение Иисуса к ученикам и народу в знаменитой *Нагорной проповеди* (Мф. 5:3): «Блаженны нищие *духом*...». Именно «духом», – но не Духом Святым. Потому что выражение «нищие (мандейским/иудейским) духом» – в понимании Иисуса автоматически означает «богатых Духом Святым».

«Блаженными», в представлении язычников, могут быть только *посвященные в мистерии*. Иисус же этими словами заявляет, что для того, чтобы получить *истинные мистерии*, чтобы уподобиться Богу, необходимо упразднить свой (правильнее, свою) *дух-руху*, – избавиться от той «Не-святой Духи», которая гирями висит на ногах мужа, стремящегося к *Мирам Света*.

При этом необходимо дополнить, обращаясь уже к женской аудитории (и это в прямую связано с вышесказанным), что вся *Нагорная проповедь* адресована исключительно мужчинам: все эти «блаженства» – *макариой* – имеют грамматические окончания мужского рода множественного числа *-ой*, понимание чего исчезает при переводе на русский и другие европейские языки. И в этом нет ничего удивительного. Вспомним слова евангелиста: «А евших было около пяти тысяч мужей, *кроме женщин* и детей» (Мф. 14:21). Или там

же: «А евских было четыре тысячи мужей, *кроме женщин и детей*» (Мф. 15:38).

На пути к Царству Небесному нет, и не может быть «одинаковости» между мужчиной и женщиной, а значит и их европейского «равноправия». Мы – *духовно* разные. В евангельской проповеди *назаря* Иешуа такое понимание проходит *красной чертой*. Да и подумайте, наши голубушки, как возможно самой *рухе* стать «нищей духом (*рухой*)». Для любой женщины подобное состояние вещей равносильно выражению: «блаженна женщина, нищая женщиной». То есть такая, которая старается избавиться от той своей сущности, которая присуща ей от рождения, – от женской природы. Это невозможно. И никакие гормональные препараты здесь не помогут: их сила простирается только на нашего физическое человека. Они способны изменить внешний облик, но не человеческую душу.

Но вернемся к очередной мистерии. Что же это такое – мистерия Царства Небесного? Это самая «сильная» из всех существующих мистерий, которые может получить человек в своей земной жизни. Она, в отличие от всех предыдущих, происходит при полном отключении сознания или «вне времени». Она мгновенна, *как молния*. И именно о ней почти ничего не скажешь. Ее можно описать одним предложением. Но для человека, получившего эту мистирию, ее значение многократно превышает совокупное значение всех остальных. Это мистерия *агапы*.

Если попытаться выразить это человеческим языком, то к человеку, занятому какими-то своими делами, «вдруг», совершенно неожиданно, приходит *Тот*, кто в евангельском тексте назван Иисусом Христом. Но приходит не в образе обычного земного человека, а в обличии какого-то Вселенского, Всеобъемлющего Бога, Существа какого-то Галактического масштаба. И только в снах и в мистерии бывает так, что это одновременно и человек – тот самый Иисус, которого мы прекрасно знаем из евангельского текста, – и Вселенское Существо необъятного масштаба, которое не в силах вместить наше убогое воображение и тем более, сознание. Существо очень строгое, перед которым я себе кажусь не просто пигмеем, а пылью.

И «*Это Двое*» (а как еще иначе сказать?) приходит ко мне со своей Вселенской *Аганой*, которую Он дарит мне одному, всю без остатка, как будто в мире больше никого не существует, кроме меня, любимого Им. Она, эта Его (или Их?) *Агана*, заполняет всего меня, как в половодье, своим «любобным» веществом, переливающимся из меня, переполненного им, – через мои уши, нос, глаза. За что мне такое? Я никогда этого не стоил! И от человека к Нему, этому Иисусу, идет ответное чувство беспредельной Любви-*Аганы*, которая немислима у нас на земле.

Мгновение – и этого уже нет. Обстановка та же самая, но уже без Него. Человек остается наедине с собой. Он потрясен до глубины всех своих основ. Он остановился в своем бытие.

И переполнен величайшим чувством осознания своей причастности к этому Удивительному Христу, к Миру Его Вселенской *Любви*. Отныне – он Его преданнейший друг, он Его духовный сын, и уже не раб. Так можно описать воздействие этой мистерии на человека.

Поздним вечером, 27 декабря 1996 года, почти сразу же после моего пятидесятилетия, но еще до Нового года, я сидел на кухне у себя дома и читал что-то из святых Отцов. Я всегда начинал свой вечер с Псалмов Давида на церковнославянском, затем следовали главы из очередного *Евангелия*, и, наконец, что-то интересное из святоотеческой литературы. Так было заведено уже в течение долгих месяцев, если не лет. Жена и сын спокойно спали в своих комнатах, и в это время мне никто не мешал. Я любил эти мои ночные занятия, в душе устанавливалась тишина, и сердце наполнялось особой сладостью и миром.

Я сидел спиной к холодильнику, слева – темное окно, направо – закрытая дверь в коридор. О том, что я мог в эти благодатные часы задремать или забыться, не могло быть и речи. Я ценил эти мои ночные бдения, очень их ждал и предельно ответственно относился к этому выкроенному мной времени. Никакого чая или кофе – только книги. Ни о чем, связанном с этим *событием*, я никогда не думал, потому что ничего подобного не знал, и, конечно, ничего никогда не ожидал. Вообще, обычный земной человек, здравый в своем уме, этого не может вообразить даже в страшном сне. Все про-

изошло так, как я описал это раньше. «Он» явился слева от меня, сверху вниз, и сделал то, что я Ему никогда не мог бы позволить. Для меня это было невероятно, и я был не просто недостоин этого, но это было ужасающе немислимым. Но это произошло так мгновенно, что «уже прошло».

Впоследствии я много раз мысленно возвращался к этому мгновению и корил себя за то, что не разглядел Его лица, – каков Он внешне. Я был уверен в том, что это – мое досадное упущение. Через некоторое время я вдруг вспомнил, что мой левый глаз, каким я мог Его увидеть, был травмирован в восемнадцать лет, и с тех пор был почти слепым. И тогда только я осознал, что это был духовный Образ, и что я и не мог Его видеть своим земным зрением. И опять-таки, только через десять дней я вдруг вспомнил, что то действие, которое Он совершил, описано в *Евангелии от Иоанна*, и нигде больше. А до этого я думал, что так, наверное, происходит у всех тех, кто с Ним встречается, – это просто восточный обычай. Я не знаю, как это происходило или происходит у других визионеров, но по моему тогдашнему убеждению это случилось, «как у всех», подобных мне.

После такой встречи в моей душе возникла абсолютная уверенность в том, что я не могу остаться просто так, что я должен что-то сделать в этой жизни, – как бы «отплатив» этому Человеко-Богу за Его приход ко мне и за Его огромную *Любовь*. Но что я мог сделать, и как? Я этого не знал.

Все те дни, когда я ходил по городу после этого собы-

тия, я почти физически ощущал Его присутствие рядом с собой, в вышине. И помню, что со мной всегда были слова из еврейского Писания: я «своими ноздрями» ощущал Его присутствие рядом (эти же «ноздри» или «нос», когда идет речь об обряде «оживления» мумии, фигурируют и во многих древнеегипетских текстах). Цитирую не точно. Странно, но в этом моем ощущении Его присутствия были как-то задействованы физические ноздри – сам процесс «вдыхания».

Для меня интересно и то, что произошло со мной сразу после этого. Первые часы и даже дни я буквально «купался» в этом новом чувстве, ласкаясь и утопая в нем. Этот «зуд счастья» был такой сильный, что я непроизвольно взял тетрадь в виде большой записной книжки с желтой обложкой (какая нашлась под рукой) и на 10-15 листах, вечером, изложил все то, чем была наполнена моя душа и что со мной произошло в тот памятный вечер. Написал, и, успокоившись, лег спать.

На следующий день, вечером, перед своим обычным чтением христианской литературы, которую я приготовил тут же на столе, я открыл эту тетрадь и стал читать написанное. Я не мог оторваться от этого чтения, настолько божественным и волнующим оно мне показалось. Я читал эти записи так, как будто их писал совершенно другой человек. Все опять воскресло в душе и ожило в воображении. В этот вечер я не смог читать ни *Евангелия*, ни Псалмы, ни что другое. Сидел над этой раскрытой тетрадью и вчитывался в каждое слово. Так и лег спать. На завтра, послезавтра и послепослезавтра

все повторилось: я читал и читал этот замечательный текст и после этого не мог найти в себе силы, чтобы продолжить свои традиционные занятия.

В том, что все написанное было божественным и не имело никакого отношения к *Темному миру*, я не сомневался. Но я, как человеческое существо, не мог выпутаться из этой невероятной «ловушки». Я понял, что пока эта тетрадь со мной, я буду стоять на месте, потому что не смогу читать даже *Евангелия*. Я поехал в свой сад, вырезал ножницами эти листы, порвал их и сжег в печке. Как я потом жалел об этом, и как хотел вновь почитать заветные страницы!

Потом я заболел простудой, и в этом состоянии ощутил потребность что-то писать: что-то о том, что я прочитал в *Евангелии* или у святых отцов, о своем внутреннем чувстве. Первоначально думал, что это будет что-то наподобие личного дневника. К этому времени мои регулярные ночные бдения восстановились во всей своей строгости, и я опять стал получать большое удовольствие от этих вечеров. Но случилось опять нечто против моей воли. Я не мог начинать свои благословенные занятия, если до этого что-то не напишу. Как будто кто-то, помимо моей воли, требовал от меня выполнить этот урок, а если я отказывался – лишал меня *благодати* прочтения книг. Для меня самого это было и странно, и чудно, и неприятно. И я долго не мог в это поверить, проверяя себя много раз, и упираясь, как осёл. Сидел часами, как дурак, тупо уставившись в евангельский текст и

не желая ничего писать. В конце концов, и эти мои занятия – записи чего-то относящегося к прочитанному – стали для меня нормой и даже желательными.

Но и на этом мое удивление не кончилось. Родители подарили мне на 50-летие китайскую ручку с золотым пером, которая заправлялась чернилами, – давно уже желанную для меня вещь. В старые добрые советские времена хорошая китайская ручка с золотым пером – это было целое событие. Именно ей я и делал все свои записи в первый год моего неожиданного «творчества». И по каким-то странным и непонятным для меня обстоятельствам, в тот самый момент, когда я «горел душой» и порывался написать что-то не совсем обычное, может быть даже запретное для чужого глаза, чернила неожиданно заканчивались. Я «плевался» на все стороны – ведь вдохновение быстро проходит! – но приходилось идти и брать чернила, заниматься промывкой и заправкой ручки, и после этого те мысли, которые хотел записать, уже не записывал. Это повторялось не раз и не два – с удивительной закономерностью, – и, в конце концов, я стал понимать, что можно писать, а что нельзя.

Я прекрасно понимаю, что все это звучит, как бред сумасшедшего, для всякого здравого ума. Но пусть поверит читатель, что у меня такой же здравый ум, но при этом я ничего не мог поделать с теми фактами, с которыми столкнулся в своей жизни. И ведь никто никогда, за всю мою долгую жизнь, ни разу и ни при каких обстоятельствах не мог по-

дозревать меня в отклонении от нормы. Более того, я вовсе не считаю себя каким-то «мистиком», а напротив, обычным и даже излишне практичным человеком. Мне всегда нравилось крутить в руках какие-то красивые тяжёленькие безделушки, не имеющие никакого отношения к духовным вопросам. И я до сих пор интересуюсь короткоствольным оружием, и если бы было разрешение и имелись лишние деньги, обязательно купил бы себе «Макарова» и ходил в тир пострелять. Меня можно упрекнуть в ребячливости, но не в сумасшествии или фантазерстве.

И если бы я сейчас был молодым человеком, никогда бы не стал обо всем этом писать, потому что хорошо знаю людей и уверен в том, что все равно станут «крутить пальцем у виска», даже не признаваясь в этом. Пишу только потому, что мне уже почти семьдесят семь лет и терять мне нечего, и тем более бояться, что меня сочтут ненормальным. И если вдруг приедут «санитары» и станут задавать вопросы, всегда сумею объяснить им, что я – «писатель», и что все это – «художественный вымысел». Как говорится, «с волками жить – по-волчьи выть».

Да, вспомнил. Пару дней назад произошел такой случай. Надо было ответить одному официальному лицу, и я стал сочинять прямо в компьютерной почте распрекрасное большое письмо, – ну такое красивое, такое красивое! И вот уже было собрался отправить, да случайно нажал не на ту кнопку. И письмо улетело в небытие. Все пересмотрел, но оно

нигде не сохранилось. Как я «рвал и метал»! Как я «плевался»! Но надо было заниматься какими-то другими делами. И, по прошествии времени, я уже здравым умом понял, что меня как-то уж «очень сильно занесло», когда я вдохновенно строчил это письмо. И я возблагодарил Бога, что Он предотвратил мои неразумные действия. И порой, когда пишу эти строки, думаю: ведь если они все-таки выходят из-под моего прекрасного автоматического карандаша Pentel, (не моего, а японского, – спасибо ребята!), значит, это в Его воле.

Мистерии (продолжение III)

Получается так, что этот мой мистериальный раздел книги постепенно превращается в своего рода «автобиографию». Я этого не планировал, да и вообще не предполагал, что эти факты моей жизни растянутся на многие страницы. Но, как говорится, *взялся за гуж...* И если рассуждать по существу, то думаю, что как раз эти незначительные мелочи или события моей жизни, о которых я упоминаю, могут стать важными для человека, который идет в том же направлении, что и я. И учитывая тот непреложный факт, что я пишу для семейного человека, а не для монаха, я стараюсь обращать особое внимание на все то, что имеет отношение к супружеской жизни.

По этой причине я не имею права не сказать еще об одной небольшой «мистерии». Честно говоря, я даже не знаю, можно ли назвать это полновесным словом «мистерия» или просто «видением». И все-таки это *мистерия*, хотя бы по своей исключительной важности для семейного человека. А дело было так. Через несколько дней после получения мистерии Царства Небесного у меня возник естественный в этом случае вопрос. Этот вопрос может появиться только благодаря безраздельному господству идеала монашества в тысячелетней христианской Церкви.

В то время я еще не изучал древнегреческий язык, и не

читал *Евангелие* по-гречески. И Псалтырь, и *Евангелия* я читал только по-церковнославянски. Удивительный и упоительный язык! Тот человек, который хочет чего-то достичь в духовной области, не имеет права читать синодальный перевод *Евангелия*. Это «справочник», а не духовный текст. Но и на древнегреческом не следует читать русскому человеку. Нам этот язык нужен только для более точного и правильного понимания слов Христа. И когда мы понимаем эти слова правильно, тогда берем в руки церковнославянский текст *Евангелия* и читаем его с начала и до конца, и так – по кругу, как это делал наш Серафим Саровский.

О Псалмах скажу отдельно. Псалмы на церковнославянском языке, как никакой другой текст способны *раскрыть человеческое сердце*. Сначала все усилия следует направить на чтение Псалмов (в церковнославянской версии они переведены с текста *Септуагинты*, а в синодальном переводе – уже по масоретской версии), и только позднее само собой случится так, что на передний план выйдет чтение *Евангелий*. Специально учить церковнославянский язык не надо: следует взять репринтное дореволюционное двуязычное издание – церковнославянский и русский тексты в параллельных столбцах – и язык усвоится сам собой. Конечно, на первых порах потребуется словарь.

Итак, возвратимся к мистерии. Как и всякий верующий и упорный в своем знании христианин, я тут же вспомнил знаменитые слова Христа о «скопцах» из девятнадцатой гла-

вы *Евангелия от Матфея*: «Есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного» (Мф. 19:12). И поскольку я получил эту удивительную для меня мистерию с приходом Христа, я естественным образом представил себе, что эти слова Христа как раз и относятся ко мне лично. Ведь речь идет о Царстве Небесном, а мне теперь до Царства – если уж я «увидел» Христа, как я это себе представлял в то время – рукой подать. Потому что Христос со мной.

И что мне было делать? Неужели действительно исполнить этот завет Христа и уже навсегда стать «скопцом»? А что моя жена на это скажет? Она, ведь, очень далека от всех этих моих исканий. Ведь она, что совершенно нормально для обычной женщины, прожившей со своим мужем от раннего девичества до зрелых лет, просто не поймет этих моих «выкрутасов». Тем более что *это* всегда – всю нашу жизнь – было для нее важно, но в первую очередь, очень важно для меня самого.

И вот сидел я, закручиваясь в своих думах, на той же самой кухне и за тем же самым столом, но уже с противоположной стороны, и не мог решить эту трудную задачу. Был такой же поздний вечер, и за окнами темно. И вдруг опять явился Он, но уже невидимый. Уж Его-то я никак не ожидал. Опять слева от меня и выше уровня головы. Он ничего не сказал – ни «громом», ни мысленно, – но на каком-то «не языке» Он передал мне очень четкое знание. Как будто Его слова ожили во мне, хотя это не были слова, а какая-то мгно-

венно впечатывающаяся информация: *«Не кручинься, твои отношения с женой не должны измениться»*. И более того, я воспринял это как мягкий запрет на изменение этих отношений. Это был тот же самый Он, с той же самой своей *Аганой*. Но уже без всепоглощающего Величия Вселенского Бога. Сердце человеческое, и тем более после своего «расширения», нас в таких случаях никогда не обманывает.

Читатель опять сочтет меня идиотом, напридумавшим себе всякую чушь. Я и сам себе иногда таким кажусь, потому что своим здравым умом понять всего этого не в состоянии. Но у меня как-то сложилась на этот счет своя «теория». И я хочу поделиться этими мыслями с читателем. Возможно, они навеяны погружением в мир Древнего Египта.

Я думаю, что какой-то энергетический «сгусток» или духовное ядро человеческого «я» продолжает оставаться в пространстве и после смерти человека. Этот факт уже «почти доказан» наукой, которая занималась изучением энцефалограммы человеческого мозга сразу после смерти, а также исследованием его «тепловых полей» или чего-то такого в этом роде. Об этом же говорят и все религии, и свидетельством этого являются те «призраки» ушедших из жизни людей, о которых знает вся история человечества. То есть это – общечеловеческое явление, которое известно каждому из нас. Но последующая судьба этого «сгустка» разная.

Прекрасно понимаю, что любой представитель науки поверит в эти рассуждения только тогда, когда лично к нему

придет какой-нибудь «покойник» или «призрак» и больно ущипнет его за руку или дернет за ухо так, что чуть не оторвет.

После смерти обычного человека этот его «сгусток», наверное, полностью «растворяется» после того, как родственники перестают о нем думать или все те, кто его знал, умирают. *«Сгусток» подпитывается нашими земными мыслями, обращенными к этому уже умершему человеку.* Судя по всему, человеческая мысль, имеющая определенное направление, почти материальна и обладает какой-то неизвестной нам силой. Если умирает великий проповедник – а Иешуа, бесспорно, именно такой, – он остается в мыслях многих людей, которые следовали и следуют его учению, заветам и указаниям. Он для них настоящий Учитель. И таким образом он становится, фактически, бессмертным не только в памяти живущего на земле человечества, но и осязаемо, в реальном функционировании этого «сгустка».

Причем, такой «сгусток» – это не какое-то ничего не помнящее и не обладающее сознанием «формирование», витающее где-то в пространствах инобытия, а реальный образ, обладающий сознанием, волей и даже какими-то физическими возможностями. После ухода из жизни Иисуса человечество никогда не забывало о нем. Более того, христианство было самой многочисленной и распространенной европейской религией. И не удивительно, что его «образ» все также продолжает существовать и активно участвовать

в жизни людей. Он на протяжении всего своего «потустороннего» существования подпитывается мыслями человечества. Даже просто читая *Евангелие*, мы делаем именно это. Мы наполняем его «жизненной силой».

И именно этот почти осязаемый сознательный «образ» является к тому человеку, который готов получить мистерию Царства. Я не думаю, что этот реальный проповедник что-то напридумал себе или лгал, когда говорил те слова, которые зафиксированы в синоптических *Евангелиях*. Это был абсолютно здравый человек, и он отдавал себе отчет в том, что говорил людям. Просто его духовное знание намного превышает наше. А если говорить о дне сегодняшнем, то даже крупицы этого знания в европейском человечестве испарились полностью. К сожалению, мы в этом отношении превратились в животных.

Такая же судьба, как у Иисуса, – и у нашего Серафима Саровского, но уже в России. Исчезнут на земле русские, – исчезнет и он. А пока он все также жив, как и говорил это своим Дивеевским монашенкам: «Когда я умру, приходите ко мне на могилку и говорите о своих бедах. Я услышу вас, потому что я *живой*». Он жив после своей смерти.

Боже мой, но ведь и о Ленине коммунистическая партия заявляла, что он «живее всех живых». И не лгала, пока существовали люди, воплощающие в жизнь его идеи. Он лежал в мавзолее «живым», и это подсознательно чувствовали все те, кто к нему приходил. А сейчас он умер, партийная

верхушка сдала его за джинсы. Теперь там его нет, и то, что осталось от живого Ленина можно не задумываясь предать земле.

Для этой же цели и египтяне бальзамировали тела – чтобы продолжать жить после смерти. Наше физическое мертвое тело способно как-то продлевать это неземное существование «сгустка», даже если об этом человеке уже никто не помнит. Причем, древние египтяне знали, что пока на земле существует *рен* человека, он не умрет в «иной жизни». *Рен* – это «имя». И судя по всему, они были правы.

Египетское *ка* – это, фактически, и есть невидимое материальное тело такого «сгустка». Во время существования египетской цивилизации еще не было техники фотографирования, доступной каждому, как не было и развитой культуры текстов, получаемых типографским способом. «Вспомнить» о ком-то, и тем более совершенно постороннему человеку, было несравненно проблематичнее, чем нам сегодня. Поэтому продолжительность жизни *ка* обычного человека была сравнительно недолгой. При этом следует знать, что *ка* наших умерших родителей и любящих нас людей – это главные защитники человека от злого духовного мира. И было бы нелогично их забывать.

Итак, вернемся к нашим «баранам». Пользуясь удобным случаем, я сейчас объясню читателю, как правильно понимать эти слова Иисуса о «скопцах» из *Евангелия от Матфея*. Обо всем другом из евангельского текста, имеющем от-

ношение к супружеской жизни, мы поговорим отдельно.

Строго говоря, в *Евангелиях* не существует ни одного высказывания Иисуса, кроме этого, которое можно было бы трактовать в пользу монашества. Только это единственное, и именно по этой причине оно было так важно для традиционной Церкви. А существовало ли в Церкви раннее монашество? Конечно, и оно опиралось именно на эти слова Иисуса, причем, опиралось совершенно справедливо. Так какие же в таком случае «претензии» мы можем предъявить к тысячелетней Церкви? Самые серьезные. Мы обвиняем Вселенскую Церковь в намеренном или неосознанном блокировании пути к Царству супружеской пары. И даже тот факт, что Церковь никогда не знала, что такое Царство и всегда была уверена в том, что Царство и Рай – это одно и то же, не снимает с нее вины в том, что за все время ее господства количество семейных пар, достигших Царства, стремилось к нулю.

Одних только запретов «не прелюбодействуй» в речах Христа не счесть. Или у монахов тоже есть жены, и этот запрет относится к ним? Целая глава *Евангелия от Матфея* посвящена жизни супругов. А где такая глава для монахов? Ее не существует, и в принципе быть не может, потому что Иисус проповедует Царство, а предел духовной лестницы монаха – это Рай Бога *Яхве*.

Но перейдем к этим интересным словам Христа о «скопцах». Я попробую объяснить их, по возможности, понятно и кратко. Итак, предыстория этого дела такова. Собрались

ученики Иисуса, а они все, как и полагается иудеям, жены, если подошел возраст. Кому из нас неизвестно, что жены бывают разные (о мужах не говорим, в данном случае это не наша тема), – и так было все века.

Тут же подошли и фарисеи и задают Иисусу вопрос: «По всякой ли причине позволительно человеку разводиться с женой своей?». Иисус дал ответ в соответствии с их Писанием: «Создавший от начала (*an'архэс*), мужское и женское сотворил их» (Мф. 19:4). Именно «мужское» и «женское» (иначе, «самцовое» и «самочное»), а не «мужчину» и «женщину», как мы это читаем во всех переводах. Причем, так не только в греческих текстах *Евангелия* и *Септуагинты*, но и в еврейской *Tоре*. Это совершенно разные слова – «мужчина» и «мужское», «женщина» и «женское», – и мы не будем приводить здесь их аналоги на библейском иврите и на древнегреческом, чтобы не нагружать читателя излишней информацией. Пусть он поверит нам на слово.

Иисус обращает внимание фарисеев к первой главе Книги *Бытие*, когда Бог *Элохим* (для современных евреев подобное выражение – это тавтология) «В начале» (*эн архэ*) создал Адама Шестоднева, «по образу Нашему, по подобию Нашему» (Быт. 1:36), то есть человека, содержащего в себе «мужское» и «женское» одновременно. И если это от начала Творения было единым целым, то мужу не позволено это целое «делить», – не позволено разводиться с женой своей.

Мужу только кажется, по его духовной слепоте, что жена

– это другой человек. Они уже «приклеились» (евангельское слово Христа) друг к другу и стали духовно срастаться в единого Адама после брачной ночи, а точнее, – сразу после своего первого единения.

Фарисеи сослались на авторитет Моисея и сказали, что он разрешил развод: следует дать жене «разводное письмо» и отпустить (то есть, развестись). На это Иисус им заявляет: *«Если кто разведется с женщиной своей [даже] не по [своей] блудной причине, и возьмет в жены другую, тот прелюбодействует»* (Мф. 19:9). В греческом языке слово «жена» и «женщина» это одинаковое *γυνή*. Для древних в первую очередь был важен сам факт, живешь ты с женщиной половой жизнью или нет, и если живешь – это значит, что она тебе «жена».

То есть если мужчина желает развестись по причине своей «похоти» (например, он нашел другую более привлекательную сексуальную партнершу, но еще не «вошел с ней в контакт» и хочет сделать это «по закону») – всем участникам беседы понятно, что в таком случае ему не позволительно разводиться. И это ясно даже для задающих вопрос фарисеев, которые считают себя благочестивыми. Но Иисус заявляет им совершенно иное: нельзя разводиться *ни по какой причине!* Да? А если она не в состоянии родить наследника? А если она сошла с ума? А если она заболела и не может вести хозяйство? Да если она просто «гадина»? Неужели так и терпеть ее всю жизнь и мыкаться с этой «дурой»? Да, настаива-

ет Иисус, терпеть и мыкаться. И более того, ей *не изменять*. Именно это он им говорит. Для учеников это непонятно, для них всех это – ужас!

При этом я должен сказать своему читателю, что даже самая прекрасная, замечательная и любящая жена всегда будет находить причину для того, чтобы «пить кровь» своего любимого мужа: она – *руха*, обитательница Ада, и ничего не может поделать со своей природой. Муж должен это знать, смириться с этим и терпеть, если он действительно желает создать с ней «единого Адама». Тем более что никакая женщина в таком своем поведении себе отчета не отдает. Она убеждена в том, что она – сама святость, покорность и смирение. И убедить ее в противоположном невозможно. Мы с нашими любимыми женами *разные хомо сапиенсы*. В других житейских ситуациях любимая жена действительно может быть, и бывает, истинным ангелом, гораздо благороднее и лучше нас, мужчин. Слава Богу, что такое «кровопийство» происходит у нее не всегда. Поэтому, друг мой, не жадничай и не жалей своей святой кровушки: если ты действительно хороший муж, – много не выпьет.

Итак, ученики, оставшись наедине с ним, решительно заявляют: «Если такова *айтия* («причина», «основание», «вина») человека с женой, тогда не полезно *жениться*». Последнее слово во всей их тираде – это «жениться» (*гамесай*). И вот на это их заявление Иисус отвечает: «Не все вмещают это слово (греческое *логос* с артиклем), но кому дано» (Мф.

19:11). То есть речь идет именно о *слове* «жениться», и именно правильную *женитьбу* «не вмещают» его ученики. И далее он разъясняет им эти свои слова:

Ибо есть *евнухи*, которые были рождены такими из утробы матери; и есть *евнухи*, которых сделали *евнухами* люди; и есть *евнухи*, которые сделали себя *евнухами* ради Царства Небесного. Могущий вместить [женитьбу] пусть вмещает (Мф. 19:12).

То есть фактически это высказывание не только *за* женитьбу, но *против* монашества, по крайней мере, для здорового мужчины. Во-первых, кто такие «евнухи» (*евнухой*)? Ведь речь здесь, в действительности, идет не о «скопцах» (*спадон*, позд. греч.), а о евнухах. А евнухи – это управители и прислужники в женском гареме. А значит, это такие мужчины, которые всегда находятся в окружении женщин, причем, молодых, красивых и соблазнительных. Среди этих евнухов есть такие, которые от рождения не были способны для единения с женщиной. Другой сорт – их оскопили люди для работы в этом гареме. И третьи – сами себя сделали «евнухами» ради Царства Небесного. Именно «евнухами» в кавычках. А значит, такие «евнухи» не имеют никакого отношения к реальному гарему.

Кто же они такие? Неразумный знаменитый Ориген, как шла молва, лишил себя детородных органов в молодом воз-

расте, потому что так понял слова Христа о «евнухах». И разве это свидетельствует о его разумном понимании евангельского текста? Рядом с этим страстным африканцем всегда находилось множество молоденьких учениц, его почитательниц, которые прикасались к нему и теснились вокруг, потому что он был знаменит и был их учителем. Они его обожали, как сегодня девочки обожают какую-нибудь знаменитую поп-звезду и на все готовы ради этой «звезды», – даже безвозмездно отдать ей свою девственность! И наш Ориген ничего не мог придумать лучше, чем взять в руки нож и обезопасить себя от всевозможных недоразумений. Бедный Ориген! Гореть сердцем, как он, христианину можно и нужно, но при этом не быть безумцем.

Здесь надо понимать контекст, то есть то, что было очевидным для всех людей, окружающих Иисуса, но уже непонятно нам, сегодняшним. Ученики женаты, причем, жены у них разные, кто-то из учеников подумывает о том, чтобы развестись и остаться, «как Учитель». А кто-то еще совсем молод, и вообще не собирается жениться. Разве нельзя? Что же Иисус запрещает им разводиться, а при этом сам не женат? Где справедливость? Ведь Иисус, даже имея свои 50 лет (а не 30, как это сказано у *Луки*), и по еврейскому, и по мандейскому обычаям должен был жениться. Это естественно в его возрасте, если мужчина не импотент. А из слов Иисуса следует однозначно: он – нет, так как не родился таким «из чрева матери», и, с другой стороны, мандеи не признают

никакого рукотворного калечения человеческого тела, в том числе еврейского обрезания. И если говорить о «женитьбе», то он причисляет себя к третьей категории «евнухов».

И попробуем приложить к этому следующие известные его высказывания:

Он заявляет, что следует «прилепиться к жене», потому что «в начале» было «мужское» и «женское».

Он заявляет, что любая половая связь, кроме как со своей женой, влечет за собой невозможность такого «прилепления», потому что разрушается это исходное единое «мужское» и «женское». И именно отсюда многократные запреты: «не прелюбодействуй!».

Он заявляет, что нельзя бросать жену, даже если она сумасшедшая.

А если жена умерла? Ведь мы помним, что недавно был найден клочок папируса со словами: *«Иисус сказал им: Моя жена...»*. Ему – 50 лет, и в те далекие времена, когда отсутствовала современная медицина, ранняя смерть была рядовым явлением. В таком случае он должен был жениться повторно, как любой здоровый мужчина. В еврейском мире свободные внебрачные связи не поощрялись. А он не женится, и более того, причисляет себя к *евнухам*, которые *«сделали себя евнухами ради Царства Небесного»*. Ведь для этого вовсе не надо совершать над собой ту «ампутацию», кото-

рую сотворил себе Ориген, а надо просто не иметь связи ни с одной другой женщиной, то есть, не жениться. Потому что, если бы он женился даже только «для виду», его еврейская жена тут же предъявила бы ему законные претензии и даже обратилась за помощью в «товарищеский суд».

Но ученикам, как и Оригену, это не понятно. Но я уже сказал, что они бестолковы. Если Иисус повторно женится, он нарушит свою же заповедь, причем, главную для семейного человека: «не прелюбодействуй». И поскольку он не просто *верит* в собственную *Благую весть* о Царстве, но *знает*, – поэтому он и заявляет своим ученикам, что они «не вмещают слово *женитьба*».

Он сейчас не женатый, а ученикам, которые имеют своих жен, стать просто так неженатыми, отпустив своих молодых жен, нельзя. Даже если ученик отпустит свою жену, став «евнухом ради Царства», – это не гарантирует ему дальнейший духовный рост. Во-первых, процесс «прилепления» занимает время, и это не может произойти тотчас, после одной встречи. А вот одной такой встречей с чужой женщиной сразу же разрушается все то, что было «наработано» вместе с женой за годы. После этого можно раскаяться и попросить «прощения» у жены, но о Царстве следует забыть навсегда. И ей, и ему. Более того, если его жена, молодая и здоровая женщина, найдет себе после развода другого мужчину – и не обязательно официального мужа, – в таком случае ученик-«евнух» тоже автоматически теряет возможность полу-

чить Царство. Его духовное единение с женой разрушается ее встречей с другим мужчиной.

Если между мужчиной и женщиной, причем, когда оба находятся в девственном состоянии, произошла встреча, завершившаяся единением, они автоматически становятся потенциальной «единицей», по каким бы городам и весям не разъехались. Расстояние для духовного мира не имеет никакого значения. Но при этом мужу всегда следует иметь в виду, что подавляющему большинству наших жен это его Царство «до лампочки». Для них главное – семейный уют и достаток. И это нормально, потому что жена – это *руха*. Любая женщина может по-настоящему любить своего мужа, уют своего дома, своих детей, и каждый мужчина обязан все это ей предоставить, причем, искренне ее любя и доставляя ей и себе радость в супружеской спальне. Наша земная жизнь и жизнь Духа идут по земле «рука об руку», причем так, что при правильной постановке вопроса одно всегда способствует другому, даже если мы этого не видим и не понимаем.

И еще пару слов об одном принципиальном заблуждении всего человечества. Оно имеет непосредственное отношение к затронутому выше вопросу. Все люди уверены в том, что зачатие ребенка происходит у человека так же, как у всех приматов. Действительно, это именно так. Более того, и физические органы в этом процессе участвуют те же самые. Но при этом рассуждающий так человек совершает ошибку и «выплескивает ребенка вместе с водой». Первая фаза на-

шего супружеского единения, которая является самой прекрасной, не имеет никакого отношения к появлению будущего потомства. Это и есть тот самый процесс постепенного слепления пары муж-жена в единого человека. Зачатие – это только отдельное «второе действие», физиологическая «кульминация». И ряд восточных *духовных* практик совершенно справедливо обходится без этой завершающей фазы.

У мандеев, из среды которых вышел Иисус, процесс окончательного соединения *нишимиты* мужчины и женской *рухи* зависел исключительно от правильности проведения мандейского богослужения над покойным. Иисус, на основании собственного опыта единения с женой (поэтому его возраст 50 лет по *Евангелию от Иоанна* более предпочтителен) знает, что в этом единении главное не особое ощущение отдельных органов человека, а неповторимое чувство единого целого с женой, абсолютного «склеивания» (это более правильный перевод, чем «прилепится») воедино двух духовных человеческих существ, – так, что уже не знаешь, где ты, а где она, потому что всё едино. И именно отсюда – переход к начальным словам Книги *Бытие* о едином *Адаме*, в котором одновременно существовало «мужское и женское».

Именно по этой причине многократно звучит «ужасная» для обычного человека фраза Иисуса: «*Не прелюбы сотвори*». Если бы мужчина мог по просьбе какой-то хорошей знакомой женщины, желающей иметь ребеночка именно от него, просто «впрыснуть» ей моментально свой «материал»

безо всякой «прелюдии», это бы прелюбодоеанием не было. Как не является прелюбодоеанием сдача донорского семени.

Но если даже какой-то «мелкий» атом нашего мира не может принять на свою орбиту всего лишь один лишний электрон, потому что потерпит крах вся его система, то что в таком случае говорить о таком сложном создании как «мужское» и «женское»? Это не нравственная заповедь, – это Дух. А Дух не терпит соперниц.

Увы, мой читатель! Но не прошло и полгода после получения мной мистерии Царства Небесного, как меня посетило еще одно, но уже непонятное в своей мерзости «видение». Я долго не мог понять, что же это было. Какое-то нечеловеческое, по нашим меркам, испытание? Или какое-то важное духовное указание? Мои более или менее трезвые выводы появились только по прошествии многих лет. Попытаюсь изложить все, как оно было, ничего не приукрашивая и не придумывая.

Виноват! Но вдогонку к только что рассмотренной теме хочу привести интересные свидетельства древних, относящиеся к вопросу «женитьбы». Думаю, что это уместно сделать именно сейчас. Обращаю внимание читателя на тот факт, что древние люди рассматривали данный вопрос не как мы, сегодняшние, с точки зрения простой физиологии, как у животных, а с точки зрения духовной.

Известный русский ученый, поляк по происхождению, Фаддей Францевич Зелинский является одним из самых ав-

торитетных и блестящих исследователей и популяризаторов античного мира. Вот его цитата из книги «Эллинская религия» (Ф.Ф.Зелинский, – Мн.: Экономпресс, 2003, с. 100):

Приведу для примера ответ пророчицы Финтии – причем, предупреждаю читателя, что греческое слово «муж» (*анэр*), как в высоком слоге у нас, означает также «мужчина». Итак, когда ей задали важный для религиозности женщин вопрос, через сколько времени «после мужа» женщина становится чистой – пророчица ответила: «После своего тотчас, после чужого – *никогда*».

Сегодняшнее же поколение руководствуется совершенно другим принципом: «женщина не мыло, – *никогда* не смылится». То есть принцип, похоже, общий с древними эллинами, и заключается он в таинственном слове из лексикона Эдгара По – *nevermore*.

А теперь пример из жизни другого народа, – тех самых мандеев, из среды которых некогда вышел Иисус. Следует добавить, что сегодняшние мандеи являются простыми обладателями тех древних рукописей, которые в прикровенной форме содержат некоторые элементы *назируты* – того тайного учения, которым обладали назареи, но в которое простой народ посвящен не был и не имел об этом никакого представления. В 19 веке у мандеев, которые проживали компактно в болотистой местности междуречья Тигра и

Евфрата, разразилась какая-то болезнь, скорее всего, чума. Они пытались вылечить своим традиционным способом – «крещением» (то есть «окунанием» или «погружением» в воду, если правильно переводить исходное греческое слово на русский язык). Этот обряд проводили священники-назарей и все они – до единого – заболели и тоже умерли.

В тайнах древней *назируты* в гораздо большей степени, чем все нынешние так называемые «назарей», предки которых решили рукоположить себя в священнический сан из простого народа или из выживших «учеников», разобралась замечательная исследовательница жизни мандеев и их религии, англичанка Э.С.Дровер. На русском языке издана единственная книга о мандеях, – сборник текстов, который заслуживает серьезного внимания. Это «Мандеи: история, литература, религия», вышедшая в 2002 году, подлинной жемчужиной которой является входящая в него книга леди Дровер «Сокрытый Адам», строки из которой мы еще будем цитировать.

В другой своей книге, «Мандеи Ирака и Ирана», изданной на английском языке, леди Дровер описывает торжественное проведение свадебной церемонии мандеев. Ее проводит не рядовой священник, а епископ, если соотносить это с иерархией, установленной в православной церкви. Для мандея свадьба – это священное религиозное действие, причем, жених именуется «Царем», то есть «ангелом». Но перед самой важной частью этого обряда невесту в обязательном по-

рядке проверяют на девственность. Да, да, мой читатель, ты не ошибся. Для этого существует специальная комната, – здесь же, рядом с собравшимися на свадьбу людьми, – и две уважаемые матроны, как правило, жена и мать этого епископа, проводят осмотр невесты. Если эти женщины выносят отрицательный вердикт, свадьба отменяется, и невеста с позором выходит из комнаты. Ее при этом не «побивают камнями», как это было принято у мусульман.

«Ужас! Пещерная дикость!» – всплеснет руками сегодняшняя продвинутая молодежь, которая, как заявляют сексологи, начинает заниматься *сексом* уже с 14 лет. Однако, как мне кажется, для настоящего искателя Царства Небесного это была бы совсем не лишняя процедура перед бракосочетанием. А иначе молодому человеку самому придется как-то устанавливать наличие девственности у любимой девушки. Причем, как-то так, чтобы ненароком не переспать с «бывалой». Не важно, когда будет свадьба: до или после первого единения, главное – это единение с *девой*, а не свадебная церемония. Тут одно из двух: или слепая «кошачья любовь», ни о чем не думающая, или открытый путь к Царству, но в таком случае уже с чистой девушкой. И мне кажется, что всегда можно найти и полюбить действительно порядочную девчонку. Такие в России еще не перевелись. *Тертиум нон датур*.

А вот что еще пишет леди Дровер в упомянутой выше книге (с. 263, выделение текста наше):

Секс для благочестивого мандея – самое священное таинство жизни, и ему предписывается рассматривать его как таковое и пред соитием произносить самое священное имя – «Великая Жизнь». Воздержание похвально, но безбрачие (целибат) считается неестественным и нечестивым состоянием и осуждается.

То есть, если Иисус действительно был выходцем из мандеев, в таком случае он должен был быть женат, причем, что тоже естественно, на девице. А мы все, *подлинные христиане*, перед единением со своими женами должны были произносить самые святые для нас слова, например, «Иисус Христос» или «Отче наш». Или я что-то здесь не так сказал? Или все христиане что-то не так понимают? Думаю, что второе вернее.

Ну и для того, чтобы читатель мог полнее представить себе отношение мандеев к тем вопросам, которые современное цивилизованное общество причисляет к разряду «физиологии», позволю себе привести еще один отрывок из этой же книги (с. 279, при приведении цитат из мандейского Писания и «тайных» текстов, ссылки на них, приведенные у леди Дровер, опускаю):

Мистический Адам – гермафродит, и мужской орган представляет отцовский принцип: он распределяет «потоки

воды живой» и об этом говорится так:

«И мужской орган – мощный в своей силе и царственном величии, и Тело, которое есть и земля, и небо, и миры света и тьмы, – вооружено им соответственно. Это сильное орудие, сходное с малькута (= царственностью)... Ибо в нем заключено семь царей, стоящих в семи одеяниях и написанных семью буквами ГАБАРУТА (= Мужественность)».

Мужской половой орган закреплен за «Абатуром весов» – небесной сущностью, которая взвешивает умерших на своих весах, причем «гирькой» является душа Сета (= Сифа). Сперма же приписывается Хибиль-Зиве (Носитель Света, душа-*нишипта*. – Г.Б.) – «Ибо ты, Хибиль-Зива, есть Живое Семя: Ты правишь нами и всеми мирами».

Ты, читатель, что-нибудь из этого понял? Вот и я тоже – ничего. За исключением того, что, судя по всему, «мужской орган» предназначен у мандеев не только для зачатия и удовольствия, но и для чего-то совсем другого. И мы в этом случае вовсе не имеем в виду его предназначение для осуществления «малой нужды». Но и о детях в этом абзаце совсем не упоминается. Но нам, по крайней мере, ясно, что отношение мандеев, а следовательно и самого Иисуса, выведенного в евангельском тексте в виде «главного героя», ко всем этим вопросам совсем не такое, как у нас с вами. И в этом нет ничего удивительного. В письменности тех древних египтян, у которых с мандеями существуют общие ду-

ховные корни, присутствует иероглиф, живописно изображающий «мужской орган» (в горизонтальном положении) с мошонкой. В блок иероглифов, обозначающих слово «муж», этот «половой член» входит в качестве «главного персонажа». Читать иероглифический текст могли и мужчины, и женщины, и никто из них не был травмирован или опечален таким рисунком. Как говорится, «В здоровом теле – здоровый Дух».

Но, может быть, развитая европейская цивилизация нашла какой-то новый способ «спасения» и, отказавшись от секса, определила подлинное предназначение человеческого существования на земле? Никакого. Единственное глубоко-мысленное заявление, которое она сделала, это то, что все мы – животные. Но в таком случае всем здравомыслящим на земле следует бежать обратно в *Элевсинские мистерии* и умолять «двух богинь» посвятить их в спасительные древние таинства. А иначе Платон – дурак. «Да? А кто такой Платон? Основатель фейсбука?».

А теперь поневоле придется обратиться к заявленной ранее теме. Что же произошло? И причем, по прошествии небольшого времени после получения мной мистерии Царства Небесного. Как помнит читатель, все то время, о котором идет речь, я регулярно причащался Св. Христовых Тайн в нашем Крестовоздвиженском соборе, что на острове. Это происходило в нижней церкви, всегда на ранней литургии.

И на этот раз я, как всегда, встал пораньше, чтобы не бу-

дить ближних, зажег на кухне ночничок, вычитал полагающееся на этот случай «Правило ко святому Причащению», и отправился на остров, – еще не рассветало. Все, как всегда, ничего особенного. В это время я уже не ощущал присутствие Христа рядом с собой. Зашел в неярко освещенную полупустую церковь, постоял перед иконами (Серафима Саровского до сих пор чту своим главным земным Учителем и всегда ношу его иконку у своего сердца), поставил свечи и, встав в очередь, исповедался. На литургии вместе со всеми провозглашал «Отче наш» и пел *Символ веры*. Все, как обычно. Потом встал в очередь причащаться.

И когда батюшка положил со *лжицы* мне в рот частицу причастия, я сразу осознал, что произошло что-то ужасное. Я сделал шаг в сторону к иконе Пресвятой Богородицы и остолбенел в прямом смысле этого слова, даже забыв перекреститься и сделать полагающийся в таких случаях поклон. У меня на языке лежал мерзко вонючий кусок «тухлого мяса». Что это? Священник что-то перепутал и в чашу попала какая-то невообразимая гадость? Да как можно так относиться к своим обязанностям! Да что же это такое творится!?

Все это промелькнуло в моих мыслях мгновенно. «Да так можно отравиться» – подумал я. Я стоял посреди церкви, рядом со священником, открыв рот и почти высунув язык, на котором лежал этот мерзко вонючий кусок. Я удивляюсь, как он не выпал с моего языка на пол. Первая мысль была – выплюнуть. Я, наверное, уже мешал другим причастникам и,

отчаявшись, и внутренне махнув на всё, сделал усилие и этот кусок проглотил. «Будь, что будет». И отошел в сторону. Во рту сразу воцарился прежний аромат, – никаких признаков того, что я съел что-то тухлое. Тогда у меня почему-то утвердилась мысль, которая прочно засела мне в голову: «Как будто тухлого верблюда проглотил». Подошел к столику и запил «теплотой».

Никаких отрицательных последствий для моего пищеварения не последовало. Более того, все причастники – и до, и после меня – вели себя совершенно обычным образом. Значит, ничего подобного не испытали, и это коснулось только меня одного. А значит, и священника нельзя винить в какой-то «погрешности». Боже мой! Это событие так подействовало на мою бедную голову, что я стал самого священника подозревать в чем-то нечестивом! Это же подлинное сумасшествие с моей стороны.

Должен сказать, что раньше я никогда не испытывал во время причащения чего-то необычного или какого-то видения. Более того, не было даже той особой *благодати*, которая посещала меня при чтении Псалмов или *Евангелия*. Возможно, потому что вокруг были люди и не давали внутренне сосредоточиться. Я причащался, потому что так написано в *Евангелии* и потому что это обязательный спасительный обряд, как утвердилось в Церкви.

Я очень скоро осознал, что это – *мистерия*. И все это время после ужасного причастия я корил себя и искал, пы-

таясь вспомнить, в чем же я провинился перед Христом, и за что получил такое наказание. Или испытание? Выплюну, или нет, это причастие? Но при этом я прекрасно понимал, что подобные рассуждения – это чушь, недостойная Высшего мира. Моя душа и моя *совесть* были чисты перед Богом, и я не мог в то время понять, что же со мной произошло и зачем.

Сейчас я могу предположить следующее. Бесспорно, это не наказание, а такое же *указание мне*, семейному человеку, как и то, когда четко было сказано, что я не должен прекращать общение с женой. Если мы обратимся к *Евангелиям*, то заметим, что информация о причастии содержится только у синоптиков: ни в *Евангелии от Иоанна*, ни в *Евангелии от Фомы* этого эпизода нет. Чем отличаются эти две группы текстов друг от друга? Синоптики утверждают религиозный обряд в качестве средства спасения человека. А *Иоанн* и *Фома* напротив, – спасение человека не через обряд, а через внутреннее развитие человека, которое четко фиксируется очередной мистерией, то есть, спасение непосредственно с помощью Высшего мира.

И здесь – полная аналогия с миром мандеев и с поведением назарея Иешуа, который отверг идею или способ спасения с помощью священнослужителей и утвердил спасение через внутреннее «слепление» супружеской пары и мистерий мужа. Для того чтобы это понять, приведу обширный отрывок из книги «Сокрытый Адам» (с. 326, 327, подчерки-

вание наше):

И вот душа освободилась от своей темницы – земли – и возродилась в духовном теле. Очищенная «руха» объединяется со своей «сестрой» – Душой (*нишимтой* мужчины, – Г.Б.). Получив крещение, знак Иордана и последнее причастие, обе они, «как одно целое», воспаряют к небу...

В продолжение всей процедуры «масикта» (которая, как полагают, имитирует крещение души, ее миропомазание и соборование, подготавливающее душу к путешествию в Миры Света. – *там же*, с. 323, – Г.Б.) священник выступает в роли души (умершего, – Г.Б.), для которой разыгрывается священнодействие. Это передается на мандейском любопытным выражением: он «облекается», то есть замещает собой душу усопшего. Прежде чем фактически приступить к началу обряда «масикта», священнослужители крестят друг друга и принимают обычное причастие крещения – хлеб (соленый) и воду...

Pihta (священный хлеб), который служит для причастия священника, выступающего от лица умершего, представляет собой часть «фатирие», куда входят, в частности, кусочки ритуальной пищи и частица мяса голубя.

Голубь, как помнит читатель, это евангельское *перистера*. Но не будем продолжать дальше. Фактически, священник своими действиями, во многом напоминающими хри-

стианские, имитирует соединение души (*нишиимты*) умершего человека с женской *рухой* (частицей жертвенного голубя?), обеспечивая тем самым душе покойного пребывание в *Мирах Света*. Это точно такой же церковный обряд, как наше причастие, которое призвано соединить душу человека с Воскресшим Христом. Против такого церковного обряда мандеев и выступил назарей Иешуа. Он был убежден в том, что мандейский обряд не гарантирует душе умершего спасение вместе с «искусственной» *рухой* и *душой*, воссозданной священнослужителем в обряде.

И в нашем случае, в жизни христианской общины, Иисус призывает своих последователей соединяться с Ним в «мистерии Царства Небесного», а не с помощью искусственно воссозданного обряда причастия. Потому что *мистерия Царства* – это мистерия *преобразования* «земного» Адама в Адама «духовного». Мандей Иисус призвал человека предварительно соединять свою *нишиимту*-душу с «живой» *рухой* своей жены во время земной жизни. *Рухой*, очищенной мужем от всей ее низменной земной части. Это и есть Святая *Руха* – Дух Святой. И только поэтому в *Евангелии от Марка* Иоанн Предтеча заявляет: «*Аз убо крестих вы водою: той же крестит вы Духом Святым*» (Мк. 1:8).

Мандеи считают Иоанна Крестителя (*Яхью* по их Писанию) своим пророком, поэтому Иоанн должен был знать, что означает *руха* для мандеев. И тем не менее он говорит эти кощунственные для любого мандея слова.

Какой же вывод можно сделать из всего этого – из моего страшного причастия и из мандейского Писания – с учетом отношения официального мандеизма к «извратившему учение» назареев Иешуа? Точнее, не вывод, а прямое указание. Оно следующее: супруги спасаются не причастием. Глядя на сегодняшний день, Церковь со временем утратит свои позиции в обществе и в государстве. И не потому, что против нее будет государство, как в советские времена, а по той причине, что постепенно опустеют церковные храмы. Не станет церковей – исчезнут и священники. А следовательно, прекратиться обряд причастия. Но человеку, который идет духовным путем, указанным Иисусом, не следует унывать и считать, что спасение без этого невозможно. Самые первые монахи, удалившиеся в египетские пустыни в зрелом возрасте, тоже не причащались.

В церковной истории существует один нерешенный вопрос: что предшествовало появлению Христа? Какие *Учение*, какие тексты? В самом иудаизме не существует ничего похожего или предваряющего евангельскую проповедь Христа. Иудаизм – это исключительно земная религия, а у Христа – высокие духовные истины. Сейчас мы уже знаем, что предшественник у Христа был, и это – *назирута*, тайное учение назареев. Появившаяся христианская Церковь взяла пример с религиозных богослужений мандейской общины, то есть на первое место поставила обряд и иерархию. Сегодня для супругов это постепенно уходит в прошлое и на пер-

вое место, как и в древнем мире, выходит подлинная *мистерия*. И можно быть уверенным в том – вся логика рассуждений и имеющийся объем информации ведут к этому, – что назарей Иешуа обряд причастия не устанавливал. Но как в этом случае понять наши синоптические *Евангелия*, в которых этот обряд устанавливается самим Христом? Неужели это выдумки писателей-евангелистов?

Решение здесь более сложное. Скорее всего, это правило – не причащаться – правомочно только по отношению к человеку (и его жене), который получил мистирию Царства. По этой причине мы не видим описания обряда причастия у евангелиста Иоанна. Объясняется это тем, что сам Иоанн уже получил мистирию Царства Небесного, – то есть встречу с живым Христом и его *Агану*, – а это делает обряд причастия для такого человека излишним.

Отвлекаясь, следует сказать следующее, возможно, и не совсем к месту. Каким бы суеверным и примитивным не казался автор читателю, – но ношение нательного крестика, использование крещенской (Богоявленской) воды и наложение крестного знамения – на себя, на другого человека или на что-либо еще – это *реальная* защита от того невидимого мира, который существует рядом с нами. И подобный вывод – это не «адвокатские речи» в пользу существующей церкви, а результат многолетнего жизненного опыта автора. Мне самому это очень помогало в разных жизненных ситуациях. И в первую очередь, все это должен использовать муж для за-

щиты своей жены. Просто надо хорошо понять, что это возможно *человеку*, но не Шарикову. И для того, чтобы получить результат, это не так просто выполнить. Необходима абсолютная вера-*знание*, *искреннее* желание получить результат и сердечное *волевое* усилие с полным внутренним отвлечением от всех посторонних предметов.

А как же быть со всеми теми, кто причащается? Ведь и сам автор делал это на протяжении целого ряда лет. Правильное понимание этого вопроса, наверное, такое: кто причащается, тот должен продолжать это делать, и вот почему. Иисус – это мандей (*назарей*). Он *извратил* учение назареев и пришел с этой своей проповедью к евреям, которые были очень далеки от высших духовных достижений мандейского народа. Иудеи, и то далеко не все, имели только духовную стадию «расширения сердца». Но ведь и сами мандеи, простой народ, тоже понятия не имели о том, что именно содержит это тайное учение *назареев*. Вся духовная жизнь простого представителя этого народа завершилась сложным и длительным похоронным обрядом, – того богослужения (по-христиански «отпевания»), который со всей скрупулезной тщательностью – невероятной и противоестественной для любого здравого ума! – проводился над умершим. Кроме того любой мандей многократно в своей жизни проходил обряд погружения в «Иордан» (любая *текущая* вода для мандея, вода «живая» – это вода «крещения») и принимал участие в других богослужениях своей общины.

Представить себе, что назареи обманывали свой народ и проводили богослужебные обряды только для того, чтобы «задурить *этому народу* голову», – это быть окончательным духовным идиотом. А следовательно, остается единственный вариант, и этот вариант зеркальным образом отразился в духовном устройстве христианской Церкви.

В мандейском народе, как это сейчас становится ясным, существовало два возможных способа *спасения*, то есть перехода души человека в *Миры Света*. Простой народ, который внутренне не поднимался на высшие ступени духовной лестницы, спасался с помощью богослужебных обрядов. И высшие иерархи этого народа считали такой вид *спасения* для человека тоже истинным. Хотя абсолютно ясно то, что подобное *спасение* принципиально разнилось от подлинного *спасения назареев*. Спасение же *назареев* заключалось в прохождении всех этапов духовного роста и завершалось состоянием *ниргуна-Брахмана* (термин *адвайта-веданты* Шанкары). В этом случае никакие искусственные обряды для человека нужны уже не были.

Иисус-назарей первоначально воспринимал это различие в способах *спасения*, как несправедливость. В его народе все *назареев* были *потомственными* священнослужителями, и только они, по праву своего рождения, имели возможность получить *абсолютное спасение*. Все другие члены мандейского народа этой возможности были лишены. «Извращение» Иисусом назарейского учения заключалось также в

том, что он хотел предоставить такую возможность *высшего спасения* любому человеку. И раскрыл притчевым образом, в чем именно это назарейское спасение заключается. Причем, приблизил это спасение к *реальной жизни* человека, то есть его несколько откорректировал.

Появилась христианская церковь. Образцом своего духовного устройства она взяла мандейскую общину. В этой общине уже существовали прототипы крещения, «священной воды» и причастия хлебом-*pihta*, которых тоже готовился во время богослужбной церемонии. Все это Церковь скопировала, но при этом она не смогла понять всего того нового, что привнес в это традиционное спасение гений Иисуса. Потому что в Церкви начального периода не было истинных *назареев*, то есть таких христианских иерархов, которые прошли бы полную цепочку мистерий и получили *абсолютное спасение*. Иисус так и остался для Церкви каким-то «нечеловеческим *Богом*», вещающим о благих вещах, причем, многое из его бесед Церковь никогда не понимала и не понимает до сих пор.

По этой причине все синоптические *Евангелия* фактически копируют, в части богослужбной практики, мандейские богослужения *для простого народа*. Но это означает, что и эти богослужения тоже, включая обряд причастия, обладают истинным *спасением*. Каким? Хотя бы тем, что внутренне подготавливают душу человека к *абсолютному спасению* в очередной жизни. К сожалению, мы многого пока еще не

знаем из той науки, которой в совершенстве владели *назарей*.

Возможно, и сам Иисус, уже после того, как его проповедь у иудеев состоялась, осознал, что говорить об *абсолютном* назарейском спасении большинству народа бессмысленно: никто, за редким исключением, ничего не понимает. Даже мудрый Никодим ничего не понял. Простой народ требует «чуда» и «исцелений». И нет сомнения в том, что часть исцелений, совершенных Иисусом в канонических *Евангелиях*, придуманы самими писателями-иудеями именно по этой причине. В коптском *Евангелии от Фомы* этих исцелений нет, но в то же самое время гораздо больше рассуждений о подлинно духовных вещах, которые для большинства слушателей интереса не представляют.

И именно отсюда – трагическое одиночество Иисуса среди людей и те его слова, которые до настоящего времени никому не понятны, и которые, по этой причине, относят то ли к обряду причастия, то ли к общей проповеди Христа. Но ни одно, ни другое неверно. Вот эти слова:

Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас (Мф. 7:6).

Он называет *святыней* то супружеское единение, в результате которого появляется единый Адам. Его слова о

«свиньях» истинны и *бессмертны*: у современного европейского человечества вместо *святого* супружеского единения «выросло», в одном непотребном месте, уважаемое слово *Sex* с заглавной буквы. Его ввели в наш лексикон англосаксы, которые не знают, что такое *Истина*. И возможно, *именно по этой причине* – по причине духовного убожества большинства окружающих его людей – Иисус сам учредил в богослужениях своей «народной сходки» обряд причастия: в качестве *особого* «напоминания» о своей проповеди. Это и зафиксировали синоптические *Евангелия*. Причастие – это не *конец* спасения, это только его *начало*.

Через какое-то время после ухода из жизни реального *Христа* в истории церкви появился евангелист Иоанн. Скорее всего, это был потомственный *назарей*. Он понимал проповедь евангельского Христа о спасении абсолютно правильно, – он это спасение получил, и описал свой духовный путь в своем *Евангелии*. И в этом случае никакого богослужбного обряда причастия здесь быть не может. Он просто лишний. При *абсолютном спасении* человек спасается *встречей с Христом в мистерии Царства Небесного*. Иоанн не мог написать о том, что в этой мистериальной встрече Иисус «умыл ноги» именно ему: в то время написать подобное было уже невозможно. И он перенес этот мистериальный обряд на апостолов Христа, которые к этому времени обрели в Церкви статус святости. Но главное то, что он *это* показал в своем *Евангелии*. В назидание для тех, кто придет на землю после

него. Чтобы эти вновь пришедшие не испугались того, что им *положено по духовному рангу* .

Два вида *спасения* – два совершенно разных типа евангельского текста, и оба они на равных правах присутствуют в христианском Писании.

Мистерии (продолжение IV)

Дорогой мой читатель, мы все никак не выберемся из тех мистерий, которые первоначально планировали только пунктирно обозначить. Мы уже говорили о том, что существует две группы *Евангелий*: синоптические и мистериальные. И если мистериальные – это те, которые или фиксируют мистериальную речь назаряя Иешуа (*Евангелие от Фомы*), или это непосредственный результат воздействия мистерии Царства Небесного (*Евангелие от Иоанна*), то синоптические представляют собой сложный продукт, включающий в себя, в том числе, конкретную историческую обстановку, в которой оказался еврейский народ после полного разгрома Иерусалима.

Верующие иудеи, уже во многом подверженные средиземноморскому греко-римскому влиянию, распространившемуся и на египетскую Александрию, упали духом и возроптали на своего Бога, который не спас их от римлян, несмотря на весь их героизм во время восстания. Ведь к этому времени уже доходило до того, что молодые иудеи, желающие принять участие в греческих спортивных соревнованиях, которые проводились в амфитеатрах в присутствии большого количества язычников, и которые стыдились своего обрезания (соревновались в обнаженном виде), – «натягивали» (крайнюю плоть), как это сказано в Посланиях Нового Завета. И

именно в это время в среде иудеев возник гениальный писатель, известный всему миру под именем Матфей.

Никто сегодня не скажет, какое синоптическое *Евангелие* возникло раньше. Очень может быть, что *от Матфея* – это самый первый синоптический текст. Марк – это малограмотный эллин, но при этом «горящий духом», в отличие от более расчетливого Матфея. Может быть, Марк немного нескладно копировал Матфея, приложив к этому свое видение предмета, и уже веря в то, что Иисус – это действительно иудей, который явился миру *Машиахом*. Но возможна и обратная картина: первым написал свой текст Марк, но эту эстафету быстро подхватил Матфей, и именно его *Евангелие* нашло широкое распространение в иудейской среде. Лука – это уже ромей, скорее всего римлянин, причем, писал он достаточно поздно, и без сомнения «под диктовку» уже полностью вставшей на ноги Церкви. Это грамотный сочинитель, владеющий искусством пера и пребывающий под полным контролем церковных иерархов, или даже сам «контролер». При этом не следует путать того Луку, *Евангелие* которого включил в христианский *Канон* судовладелец Маркион, и Луку канонического.

Главный интерес для нас сейчас представляет иудей Матфей. В своем художественном описании «подвигов Христа» (а такие тексты о героических людях были в то время очень популярны в греко-римской среде: вспомним хотя бы известную языческую книгу Флавия Филострата «Жизнь

Аполлония Тианского») он искусно соединил в одно целое универсальные чаяния народов средиземноморья того времени. Во-первых, он показал привлекательный образ всемирного Спасителя, которого все народы ждали давно, и образ которого еще раньше нашел отражение в «Энеиде» Вергилия, в «Книгах сивилл» и в известном предании зороастрийцев о том, что искупавшись в озере, в котором чудесным образом сохранится семя пророка *Заратуштры*, Дева зачнет и безмужне родит сына, который и станет Спасителем мира.

Но этот гениальный иудей наполнил слова и мысли своего Спасителя, весь его обаятельный образ, сохранившимися воспоминаниями о проповеди назарея Иешуа, пришедшего некогда в иудейский мир от мандеев. Поэтому и греческое имя евангельского Спасителя тоже Иисус (Иешуа по-мандейски). Почти уверенно можно сказать, что Матфей не понял подлинный смысл этой проповеди, но ведь и она сама, эта проповедь, была прикровенной, в притчах – так, чтобы не был нарушен иудейский Закон. Ведь даже сегодня Всемирная Церковь не понимает смысла многих притч Христа. Не понимает даже того элементарного, что Иисус проповедовал вовсе не спасение в Раю, а в Царстве Небесном, которое отличается от Рая в гораздо большей степени, чем, например, от этого же Рая отличается Ад. Но самое главное то, что Матфей показал в своем произведении Спасителя не только иудеем, но и тем Мессией-Христом, которого ожидал

весь еврейский народ в качестве божественного посланника своего Бога.

И таким образом Матфею удалось реабилитировать Бога *Яхве* в глазах разочаровавшихся иудеев и сплотить свой народ вокруг этого «невинно-пострадавшего» Мессии, Второе Пришествие которого, но уже «в силе», следует ожидать в ближайшее время. Но ведь и апостол Павел повёлся на этот художественный прием и ожидал Второе Пришествие уже во время жизни своего поколения и удивлялся, что Христос медлит.

Строго говоря, с апостолом Павлом все выглядит не совсем ясно. Посудите сами: его *Послания* впервые стали известны в мире только в 150 году н.э., то есть через 120 лет после «распятия Христа». А где они были до этого времени? – Неизвестно. И почему о них никто ничего не знал? Эти тексты в 150 году привез в Рим богатый и амбициозный судовладелец Маркион, который ранее сколотил капитал где-то на побережье Черного моря.

Кстати сказать, именно этот Маркион, «купив» себе священнический сан в Римской церкви, первым создал христианский *Канон*, в который включил два раздела: *Евангелие* (в него входило только *Евангелие от Луки*) и *Апостол* – Послания именно этого Павла. Отметим, что это *Евангелие* было меньшим по объему и не включало тех первых глав ставшего каноническим текста, в которых говорится о рождении Христа и его обрезании по иудейскому обычаю. Можно, конечно,

сослаться на личность Луки, который написал *Деяния апостолов*, и в которых фигурирует этот Павел. Но каноническое *Евангелие от Луки*, особенно его первые главы, какими мы их видим сейчас, и *Деяния апостолов* – это предмет искренней веры христианина, но не тот достоверный источник, на который может опереться незаинтересованный исследователь данной проблемы.

Этот Матфей был не только гениальным писателем, но и чутким психологом. В своей книге он возложил всю вину за «распятие Христа» на иудеев. Он также намеренно вывел в тексте фигуру «предателя Иуды», носящего знаковое имя иудея. Вину иудеев за неверие в своего Бога после восстания и во многом отказ от него, – он перенес на их вину в распятии посланника этого Бога. И если бы только он мог представить себе, что его текст станет знаменем «Нового Израиля», – появившихся христиан, объединивших многие народы?! И если бы он знал, что его слова: «Кровь Его на нас и на наших детях» (Мф. 27:25) станут тысячелетним проклятием и поводом для гонений и погромов евреев, – он, наверное, такого *Евангелия* никогда бы не написал.

Очень мощной подготовительной базой для создания евангельского текста Матфея стало Писание иудеев, переведенное с библейского иврита на греческий язык – *Септуагинта*. Главным городом поселения зажиточных евреев в то время был не Иерусалим, а Александрия египетская, разговорным языком которого был греческий. Уже мало кто из

иудеев – только редкие богословы – знали библейский иврит и могли читать *Тору* на иврите. Тем более что еврейский древний текст, состоящий из одних согласных, и еще не имеющий поставленных впоследствии масоретами значков *никуда*, – «точечек» и «черточек», заменяющих гласные буквы, – был к этому времени труден для чтения и неоднозначен в своем понимании. Греческая *Септуагинта* – это уже всецело современный текст, имеющий четкое понимание. Евреи создали этот перевод для самих себя, для богослужебных целей, но с расчетом на то, что его будут читать те просвещенные ромеи, от которых зависели судьбы мира. А следовательно, создали таким образом, чтобы гармонично влиться со своим Писанием в семью верующих народов греко-римского средиземноморья.

В чем заключался их главный «обман»? В *Септуагинте* все еврейские имена даны транскрипцией, то есть в еврейском произношении, записанном греческими буквами. И это норма, и так общепринято. Впрочем, так они поступили везде, но за единственным исключением: в *Септуагинте* данное правило не касается имен еврейских Богов. Первый Бог Книги *Бытие*, который создал мир за шесть дней, назван не еврейским именем *Элохим* (*эль*, *элох* – это общесемитский Бог восточного средиземноморья), как это звучит в еврейской *Торе*, а безличным греческим *Т^hеос* – «бог». А имя второго Бога еврейского Писания – *Яхве* – переведено на греческий в виде *Кюриос* – «господин», которое впоследствии

стало восприниматься также как «Господь».

И читая евангельский текст, не всегда понятно, где идет речь о «Господе» (то есть Боге), а где Иисуса именуют общепринятым словом «господин», как уважаемого Учителя. Изначально Иисус для всех апостолов был именно «господином» (то есть Учителем), а не «Господом», каким он стал восприниматься после столетий существования евангельского текста. Интересно отметить, что в греческом языке также существует слово *кюриа* – «госпожа», «владычица». Но это слово, в отличие от *кюриос*, к «единобожию» никакого отношения уже не имеет. В результате всех этих языковых преобразований появилось общеевропейское *Кюриос Theos* – «Господь Бог» книги *Генесис (Бытие) Септуагинты*, которое уже не имеет, как будто, никакого отношения к еврейской религиозности.

Евангельский греческий текст полностью скопировал это правило *Септуагинты*. И если бы в *Септуагинте* фигурировали имена истинных еврейских Богов, то проповедь назарея о Царстве не могла бы состояться в принципе, и вряд ли подобные тексты стали бы родоначальниками общеевропейской христианской религии.

Еще одно маленькое примечание. Скорее всего того мандейского мудреца Иисуса, который проповедовал о Царстве на общегреческом языке, за его добрый нрав и расположение к людям, называли известным греческим словом *христос* (с ударением на последний слог) – «хороший», «доб-

рый», «честный». Матфею мало что надо было изменить в своем художественном тексте: его «герой» тоже Иисус *христос*, но с небольшой поправкой: не *христос*, а Христос, что в переводе с греческого означает уже «намазанный», «помазанный», «помазанник», и что является прямым переводом еврейского слова *машиах*, *мессия*. Как говорится, – судьба. Мы помним, что иудеи имели обряд «помазания на царство», что впоследствии перешло на Мессию-помазанника.

Но пора уже перейти к очередным мистериям, с которыми пришлось встретиться автору этой книги. Их три. При этом первые две должны быть хорошо известны тому читателю, который ознакомился с книгой «Эдгар Аллан По. Обратная сторона Луны». Это мистерии Ада, причем, главные. На них сейчас и остановимся. Почему они даются человеку, прошедшему через мистерии открывшегося Неба и Царства Небесного, очень хорошо и подробно описано в книге об Эдгаре, и поэтому повторяться здесь не буду. Отмечу только конкретику моего случая.

Мистерия подземелий Ада «без Света» привиделась мне ночью, во сне. В этом сновидении у меня была командировка на какое-то предприятие, и я долго спускался вниз под землю на эскалаторе метро, напоминающем московское. Снизу вверх равномерно наплывали, с левой стороны, матовые плафоны фонарей, уходящие куда-то вверх позади от меня. От стены, непонятно из какого источника, струился покойнический красноватый свет. Состояние было неприятное, не

было никакого желания опускаться в эту темноту. «Метро» было абсолютно безлюдно, и если мне не изменяет память, единственный человек, мужчина, поднимался на эскалаторе вверх. Поднимался, как неподвижный истукан с остановившимся взглядом. Запомнил это только потому, что ему завидовал, – я всем своим внутренним естеством подсознательно противился попасть «туда». Потом я очутился в каком-то подземном городе, на остановке трамвая, рядом с небольшим крытым сооружением, наверное, для скамейки. Самого города, домов и улиц видно не было. В отдалении смутно маячила какая-то темная мрачная стена высокой пещеры. Меня встречали двое молодых людей, запомнил, что она – в простой шерстяной серой юбке, а он – в костюме. И именно она со мной говорила: «У нас тут, как наверху... поддерживаем порядок, и есть хорошая столовая». Разговор был необычно безжизненным, безрадостным и из ее глаз тускло светила бесконечная печаль.

И я уже по своему внутреннему состоянию знал, что именно с ней происходит, и почему они такие молчаливые. *Здесь нет нашего Света.* Есть какой-то красноватый искусственный свет, так что это нельзя назвать потемками, и глаза видят. Этот свет струился со стороны отдаленных стен этой высокой пещеры. *Но нет Света.*

Я прекрасно понимаю, что передать это состояние *отсутствия Света* невозможно, и что все мои попытки будут выглядеть бессмысленными потугами сказать какие-то «вели-

кие слова» о ничтожных для читателя вещах. Человек, вовлеченный в христианский мир, в мир *Евангелий*, и оказавшийся «под землей» без этого *Света*, почему-то оказывается знающим *априори*, что нет *Света Христа*. Что это и как понять? – это не поддается описанию или осознанию разумом. Но это главная беда попавшего туда человека, от которой он – говорю безо всякого преувеличения или насмешки – буквально «скрежещет *от отчаяния* зубами», подавляя непровольными всхлипами неконтролируемые рыдания.

Человеческое существо не может существовать без этого *Света*! Здесь, на земле, он есть, но мы его присутствия в самих себе не осознаём. Абсолютно безвыходная, тупиковая, дикая ситуация, которую невозможно представить на земле. Тысячекратно более милосердным наказанием, которое было бы воспринято этим человеком в качестве величайшей милости, и за которое подателю сего блага любой бросился бы лобызать его обувь, – была бы просто смерть-несуществование. Но человек знает, что так – «без *Света*» – ему предстоит *быть* вечно, и что он отсюда уже никогда не выйдет. Не просто *быть*, а нечеловеческим образом вечно страдать.

Потому что к *этому* отсутствует привыкание. Наверное, это можно отдаленно сравнить с состоянием заживо погребенного, когда он, очнувшись во тьме в тесном гробу, осознаёт всю безысходность своего положения. Но заживо погребенный все-таки через какое-то время умрет, а *этот*, если сравнивать его с погребенным, обречен вновь и вновь

просыпаться в своем «гробу» и перманентно переживать свое безысходное состояние. И не состояние, а ужасное чувство, которое буквально «разрывает грудь».

Еще раз повторю: сравнения в нашем земном мире этому нет. Обычный человек не знает, что такое *Свет*. Человек просыпается *в ужасе*. Более того, просыпаясь после такого сна, человек ясно понимает, что все это *подлинное* и что – вдруг! – он окажется в этом мире после своей смерти. Я описываю свои собственные ощущения после этого сна, и никакие полученные мной ранее мистерики не стали защитой от этого безумного ужаса.

Это и есть тот истинный Ад «без *Света*», о котором говорят все древние религии мира. «*Тьма кромешная и скрежет зубовный*» (Мф. 8:12; и еще пять или шесть евангельских мест с этими же словами). Как безжалостно сказано. Проснувшись от этого адского сна, человек уже не хочет жить и боится умереть, потому что страшится конца своей жизни. И еще очень долго воспоминания этой ночи продолжают тревожить его душу.

Вторая мистерия – из этой же области, и она не лучше. Это встреча с Хозяином «лицом к лицу». Кто такой «Хозяин», и как его описывают визионеры, включая Эдгара По, подробно зафиксировано все в той же книге. Поэтому опишу только свое.

Была «перестройка», наше организованное маленькое конструкторское бюро перешло из здания проектной орга-

низации, которая разрабатывала оборудование для рыболовного трала, на Опытный Завод Промысловой Техники, который изготавливал наши приборы для всего рыболовного флота СССР. Мы заняли комнаты в административном здании, из которого был выход – вниз по ступенькам – во внутренний дворик, окруженный производственными цехами. Я работал техническим директором, и весь мой день – буквально по минутам – был занят различными контактами с работниками завода и нашими сотрудниками.

В один из пригожих летних дней я спустился по ступенькам вниз во двор – было какое-то дело в цеху, – и здесь же, не успев отойти на два метра, встретил начальника отдела снабжения. Это был один из самых симпатичных и общительных представителей заводской администрации. Невысокий коренастый добряк крепкого телосложения с уже седящей и немного курчавой густой шевелюрой. С постоянной приветливой улыбкой и сигаретой во рту. Он был заядлым курильщиком и балагуром. Мы с ним стали говорить по делам, которые всегда имели место, учитывая занимаемые нами должности. В это время наружная дверь в здание отворилась, и по ступенькам стал спускаться представитель администрации, один из заместителей директора завода. «Эй, Давид! – обратился он к моему визави, – а ты мне как раз и нужен». И у них завязался короткий разговор.

Мы стояли треугольником: Давид, повернулся правой стороной ко мне. Я был обращен прямо к нему. Расстояние –

меньше вытянутой руки. Неожиданно я «выпал» из окружающей меня реальности. Время перестало существовать. Я вдруг увидел только ухо Давида, но уже не ухо и не Давида, а вместо этого, – свернувшись кольцом-спиралью или «покошачьи», – спало какое-то «мохнатое» *Чудище*. И несмотря на весь парадокс восприятия, это *Существо* имело какие-то Грандиозные, Вселенские масштабы. И я всеми фибрами своей души уже знал, в то самое мгновение, когда *Оно* мне открылось, что это *Зверьё – Вселенское* и смертельно-убийственное, леденяще-холодное – «Оно» сейчас откроет глаза и меня аннигилирует своим убийственным взглядом. Это «Оно» спало, свернувшись «калачиком». Ужас! Безумный ужас – вот что испытала моя душа. Это было непередаваемое чувство, и в то мгновение я внутренне повторял одно: «Нет! Нет! Не проснись!».

Я не знаю, сколько времени прошло, и сколько я стоял в таком состоянии. Наверное, недолго или секунду. После этого «сдвинутого пространства и времени» всё так же молниеносно вернулось на свои места. Я так же стою и смотрю на живого Давида. А он нервно и с испугом периодически поворачивается в мою сторону, отвлекаясь от разговора с собеседником, бросает на меня удивленные взгляды и правой рукой теревит свое ухо. Удивительно, но его собеседник ничего не заметил. Или – это продолжалось мгновение. После этого случая, уже спустя несколько дней, Давид, встречаясь со мной, смотрел мне в глаза все так же вопросительно-по-

корно и с выражением какого-то внутреннего недоумения. Как будто чего-то ожидал.

Я хорошо представляю себе, *что* он увидел, когда во время разговора с собеседником бросил взгляд в мою сторону: широко раскрытые невидящие глаза, устремленные в упор на него, и лицо, искаженное ужасом. Конечно, я его об этом не спрашивал, да и случилось так, что мы с ним больше не общались. И когда наша организация вскоре после этого съехала с завода и обосновалась в другом месте, я, встретив знакомого с этого завода, узнал, что Давид заболел, уехал лечиться в Израиль и там умер – рак. Связаны эти истории между собой или нет? – Никто это не скажет.

Интересно, но что-то похожее на это чувство, – неприятное и даже неконтролируемый испуг – я испытал, когда отдыхал летом у деда под Киевом. Меня попросили набрать картошку в земляном погребке. Я спустился в полутьме по ступенькам во влажный закуток, мимоходом взглянув на одну из полок. И содрогнулся от неожиданности. В стеклянной трехлитровой банке, уже давно прикрытой пыльной крышкой, разрослась, заполнив все пространство внутри, огромная черно-серая плесень, какая-то гадко игольчатая, воздушная и как будто одушевленная. Понятно, что это совсем не тот испуг и не то чувство, но сразу же бросилось в глаза какое-то неприятное родство. Я сразу же вспомнил случай с заводским Давидом. Хорошо понимаю, что человеческое ухо это тоже завиток или спираль, и при этом «обросшая волоса-

ми», наподобие мха. Все подобные трезвые мысли были и у меня. Но разве об этом речь? *Мистерия* – это совсем другое.

И, наконец, последняя мистерия в моей жизни. Это уже действительно важно и далеко не так просто для понимания сути. Она, в отличие от только что описанных, *стандартная*, как и три заявленные ранее. И ее с полным основанием можно причислить к *четвертой базовой мистерии*, завершающей весь цикл духовного развития человека на земле. Но она – самая непередаваемая для словесной характеристики. При этом о ней тоже говорит Иисус в канонических *Евангелиях*.

Если еще раз обратиться к аналогии с *чакрами* йога, то следует пояснить, что очередная *чакра* после того, как над человеком «раскрывается Небо», вовсе не та, которая отвечает за мистирию Царства Небесного и даже не та, о которой пойдет сейчас речь, а другая – это *аджня*. Это слово переводится как «власть», ее называют иначе «третий глаз», так она расположена на уровне лба. Но она не проявляет своего раскрытия в виде какой-то явной мистерии. И только после нее следует *чакра*, ответственная за мистирию Царства Небесного. Но именно по причине того, что *аджня* себя не «афиширует», Иисус ее в порядок получения мистерий не включил, и в *Евангелиях* она не присутствует. Скорее всего, ее пробуждение начинается через какой-то период после получения человеком мистерии «расширения сердца», и далее она «зреет» исподволь не проявляя себя в открытом виде.

Но уже ко времени получения человеком мистерии Царства Небесного и после этого, она явно дает о себе знать.

Как это происходит? Человек сам не осознаёт того, что при общении с другими людьми – в том случае, когда для него это очень важно – он обретает необъяснимую власть над личностью того человека, с кем разговаривает. В *Луньюе* Конфуция эта способность человека обрисована очень четко, причем, она имеет свою историю начиная с династии Шан: именно там появляется этот иероглиф. И по этой причине ученики Конфуция так стремились приобрести то «знание», которым обладал их Учитель. Это давало человеку преимущество при служении на должности у того или иного князя. И если внимательно читать канонические *Евангелия*, то эту же способность можно заметить и у Иисуса.

Итак, четвертая *стандартная* мистерия. В иных мистериях всегда присутствует какое-то подобие земной жизни, здесь же – абсолютно никакого. Говорить просто не о чем, но при этом человек испытывает непередаваемое *положительное* состояние. Если это чувство все-таки попытаться описать, то можно сказать, что «я перестал существовать», или, «меня нет», или, что еще более парадоксально, «я – всё». В это время сам человек не существует, а существует какое-то *Безграничное гармоничное Единство Вселенной*. И всё это *Единство – я*. И это вовсе не знакомая нам Вселенная со всем ее многообразием, а какая-то *Пустота* этой Вселенной, или *Ничто, преобладающее в абсолютном Покое*.

«*Мир оставляю вам, мир Мой даю вам, не так как мир дает, Я даю вам*» (Ин. 14:27) – говорит Иисус, и человек потом понимает, что эти его слова именно об этом. «Мир» – в смысле бесконечного внутреннего *Покоя* и отсутствия хоть какого-то внимания или мысли к чему угодно. И несмотря на кажущуюся холодность этого состояния, – так можно подумать, оценивая все эти слова со стороны, – такого абсолютно *блаженного небытия* человек никогда в своей жизни не испытывал. Даже во время единения со своей любимой женщиной. Это – то самое Высшее, на что способно наше «я», облеченное в земное тело.

Произошло это дома, в какой-то самый проходящий период моего земного функционирования, буквально почти «на ходу», в непрезентабельный момент. Главной моей мыслью после того, как я вернулся в земной мир, было осознание какого-то болезненного «раздвоения»: с одной стороны – это ощущение непередаваемого блаженства и невыполнимое желание его продлить, и, с другой – недоумение: как же я мог забыть «моего» Христа? Потом, обдумывая это событие, я ярко вспомнил слова из *Евангелия от Иоанна*, и мой внутренний мир опять пришел в равновесие: своего Христа я не предал.

Если текст *Евангелия от Иоанна* читает человек, который знаком с классическими *Упанишадами* Древней Индии, и если при этом такой человек имеет мистериальный опыт, описанный мной в этой книге, – в его голове обязательно

выстроится логическая цепочка соответствий между двумя этими древними текстами.

«*Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне*» (Ин. 14:11). И если читатель вспомнит мое описание мистерии Царства Небесного, то согласится, что более точной краткой характеристики для этой мистерии не подобрать.

Но что означает эта мистерия в контексте главной таинственной терминологии *Упанишад*: *сагуна-Брахман*, *ниргуна-Брахман*? Единственно что могут сказать по этому поводу все средневековые философы Индии, это то, что *сагуна* – это *Брахман* «с качествами», а *ниргуна* – уже «без качеств». Но и одно, и другое – это *Брахман*. При этом все единодушно подтверждают истину *Упанишад*, что *Брахман* – это то изначальное, из чего вышло всё в этом и не этом мире, и что является единственным истоком видимого и невидимого Бытия.

Мы немного уточним эту терминологию философских трактатов Индии, чтобы нас не упрекнули в абсолютном невежестве. Термины *сагуна-Брахман* и *ниргуна-Брахман*, которые мы будем в дальнейшем использовать, ввел в оборот прославленный философ Индии *Шанкара*, создатель философии *адвайта-веданта* (недвойственное продолжение вед). В самих текстах *Упанишад* этих терминов нет. В *Брихадараньяка упанишаде* об этих «двух *Брахманах*» сказано следующее (Упанишады. Пер. с санскрита, исслед., коммент., и Приложение А.Я.Сыркина. Изд. 2-е, доп. – М.: Из-

дательская фирма «Восточная литература» РАН, с. [90]):

Поистине, существует два образа Брахмана: воплощенный и невоплощенный, смертный и бессмертный, неподвижный и двигающийся, существующий и истинный.

В соответствии с текстами Шанкары «воплощенный» – это *сагуна-Брахман*, а «невоплощенный» – *ниргуна*. Древние составители *Упанишад* получали аналогичный мистериальный опыт. И отличие их текстов заключалось только в том, что сами они не знали, как и почему это у них происходит. Они не осознавали последовательных этапов своего конкретного духовного пути, благодаря которому их буквально «накрывали» эти состояния: вот это – *сагуна-Брахман*, а это – уже *ниргуна*, и *ниргуна* «выше», чем *сагуна*. Причем, последовательность этих состояний всегда одна и та же: сначала *сагуна*, и только через какой-то промежуток времени – уже *ниргуна*. Сами эти состояния они смогли как-то дифференцировать, но не могли сказать ничего больше. Точнее, в соответствии с историческим развитием их цивилизации, они, скорее, описали этих двух высших «Богов», – вроде бы очень близких и почти одинаковых по своей силе, но в чем-то отличающихся. Они прекрасно понимали, что их нельзя отнести ни к одному из известных богов *Ригведы*, и поэтому оставили их фактически безымянными. Для них это были какие-то «недействующие» Боги, которые пребывали в самой основе

всего мироздания.

Но в чем же состояло отличие этих «Богов» между собой? В этом не мог разобраться даже самый прославленный философ средневековой Индии – Шанкара. Хоть и пытался это сделать. Почему не мог? Во-первых, потому что не имел личного опыта «становления» этим Богом. В *Упанишадах* существуют «крылатые выражения», которые описывают такое состояние. Например, «ты еси то», или «это *Атман*, это *Брахман*, это ты, Шветакету» и ряд других. Шанкара не мог сказать, и не говорил, что он когда-либо испытывал нечто подобное. Ведь недаром в текстах *Упанишад* фигурирует еще одно важнейшее понятие – *атман*, в буквальном переводе, «я», «себя», «тело», но также «дух», «душа». То есть мудрецы *Упанишад* предварительно получали опыт узнавания своего «я», «личного» *атмана*. А это и есть опыт «расширения сердца», который описан в нашей книге. И по убеждению этих мудрецов «мой» *атман* становился всеобщим *Атманом*, то есть *сагуна-Брахманом*, а затем – и *ниргуна-Брахманом*.

О том, что Шанкара не претендовал на личное знание *Брахмана*, а только пытался философски объяснить это явление, он заявляет сам. Вторая причина непонимания Шанкарой этого фундаментального понятия *Упанишад* заключается в том, что у него не было перед глазами никакого другого текста, который бы показывал то же самое универсальное человеческое явление, но как бы «с другой стороны», с дру-

го ракурса. Чтобы, говоря иным языком, получить объемную картину этого сложного явления.

О том, что Шанкара действительно не понимал (абсолютно!) подлинной сути этих «Богов» и состояний, свидетельствуют его знаменитые *бхашьи* – построчные комментарии на классические *Упанишад*ы. Его объяснение термина *setur* – санскритское «насыпь», «граница», – которая пролегает между двумя этими *Брахманами*, смехотворны и производят жалкое впечатление. Они неубедительны – из-за абсолютного отсутствия логики – даже для такого читателя *Упанишад*, который не имеет никакого мистериального опыта. Комментарии Шанкары на *Упанишад*ы находятся в свободном доступе в сети и приведены с параллельным переводом на английский язык. Термины *сагуна-Брахман* и *ниргуна-Брахман* рассматриваются Шанкарой в комментариях на *Чхандогья* и *Брихадараньяка Упанишад*ы – самые большие по объему, самые важные и одни из самых древних.

Санскритское слово *setur* означает «насыпь», «граница», «мост». Для того чтобы читатель представлял себе, в каком контексте это слово появляется в текстах *Упанишад*, приведем небольшие выписки из упомянутой выше книги. Вот строки из *Брихадараньяки* (с. [130]):

Поистине он великий нерожденный Атман, состоящий из познания, [находящийся] среди чувств. В этом пространстве в сердце лежит господин всего, владыка всего, повелитель

всего. Он не становится от хорошего деяния большим и не становится от нехорошего деяния меньшим. Он – властитель всего, он – повелитель существ, он – хранитель существ. Он мост (*setur*), [служащий] границей для разделения этих миров.

И вторая выписка о *setur* уже из *Чхандогья упанишады* (с. [365]):

И этот Атман – насыпь, граница для разделения этих миров. Ни день, ни ночь не переходят через эту насыпь, ни старость, ни смерть, ни печаль, ни доброе дело, ни злое дело. Все грехи отступают оттуда, ибо этот мир Брахмана свободен от грехов.

Поистине, поэтому перейдя эту насыпь, слепой перестает быть слепым, раненый перестает быть раненым, больной перестает быть больным. Поистине, поэтому, перейдя через эту насыпь даже ночь становится днем. Ибо этот мир Брахмана всегда сияет.

В обоих отрывках речь идет о *сагуна-Брахмане*. Именно он – «мост». Иисус назвал это состояние иначе – «дверь», и мы об этом еще будем говорить. Какие же «территории» разделяет этот «мост»? И что это такое, чему нет аналога в нашем мире? Это – непроходимая «граница» между *двойственным* миром Хозяина Земли, Ада и Рая и *единичным*

миром Отца, *Элохима*, – того мира, где нет уже *мужчины* и нет *женщины*, а есть первоначальный единый «нейтральный» Адам. В *Брихадараньяка упанишаде* об этом сказано по-другому (с. [77]):

Он стал таким, как женщина и мужчина, соединенные в объятиях. Он разделил сам себя на две части. Тогда произошли супруг и супруга. «Поэтому сами по себе мы подобны половинкам одного куска», – так сказал Яджнявалкья. Поэтому пространство это заполнено женщиной.

«Пространство заполнено» Духом. Духом женского рода. Претензий к Шанкаре нет, он умер в возрасте около тридцати лет, то есть не получил даже мистерию «раскрывшегося Неба». И это – третья причина, по которой он просто не мог – в силу своего возраста – ничего сказать об этих «Богих» *Упанишад*.

Все создатели *Упанишад* проходили в своем земном пути стадию жизни семейного человека: все они имели жен и детей. И только после этого становились отшельниками и созерцателями духовного мира. Для того чтобы читатель имел представление о том, как они описывали состояние *Брахмана*, и – а именно это для нас очень важно! – как они относились к женщине и физическому единению с ней, мы приведем несколько выписок из *Брихадараньяки* и *Чхандогьи*. Эти цитаты мы возьмем из той же книги замечательно-

го переводчика классических *Упанишад* А.Я.Сыркина (Упанишады. Пер. с санскрита, исслед., коммент. и приложения А.Я.Сыркина. Изд. 2-е доп. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. Памятники письменности Востока). Сначала об *Атмане* (*ниргуна-Брахмане*):

С. [124]. Поистине, это его образ, поднявшийся над желаниями, свободный от зла и страха. И как [муж] в объятиях любимой жены не сознает ничего ни вне, ни внутри, так и этот *пуруша* в объятиях познающего Атмана не сознает ничего ни вне, ни внутри. Поистине, это его образ, [в котором он] достиг [исполнения] желаний, имеет желанием [лишь] Атмана, лишен желаний, свободен от печали.

Здесь [в этом состоянии] отец – не отец, мать – не мать, миры – не миры, боги – не боги... здесь вор – не вор, убийца – не убийца... аскет – не аскет. За ним не следует добро, за ним не следует зло, ибо тогда он преодолевает все печали сердца.

С. [134]. Ибо, где есть [что-либо] подобное двойственности, там один видит другого, там один обоняет другого, там один вкушает другого, там один говорит другому, там один слышит другого, там один познает другого. Но когда все для него стало Атманом, то как и кого сможет он видеть, то как и кого сможет он обонять, то как и кого сможет он вкушать, то как и кому сможет он говорить, то как и кого сможет он слышать, то как и о ком сможет он мыслить, то как и кого

сможет он касаться, то как и кого сможет он познавать? Как сможет он познать того, благодаря кому он познает все это? Он, этот Атман, [определяется так]: «Не [это], не [это]». Он непостижим, ибо не постигается, неразрушим, ибо не разрушается... Как сможет [человек], о [Майтрейи], познать познающего? Ты получила наставление, Майтрейи. Поистине, таково бессмертие». – Сказав так, Яджнявалкья ушел [в лес].

То есть состояние *Атмана-Брахмана* – это есть состояние «единичности», которого нет в нашем земном «двойственном» мире, и именно *это* есть бессмертие. Обратим внимание читателя, что мудрец Яджнявалкья говорит эти слова своей любимой жене, которая спрашивает его о *бессмертии*. В те далекие времена никаких «монахов» в нашем понимании в Индии не существовало. И мудрая женщина могла задавать такие вопросы мужчине. В Древней Индии существовало «человеческое» равноправие между женщиной и мужчиной, и это зафиксировано в текстах *Упанишад*. При этом для любого нормального мужчины жена – это женщина. И этим все сказано. И не потому, что каждого из нас «обуял» *секс*, а потому, что любой здоровый духовно человек – и мужчина, и женщина – интуитивно стремится вернуться к своему изначальному состоянию единого Адама.

Бесспорно, что создатели *Упанишад* не понимали всего того, что было абсолютно ясно для *Иешуа Христоса*: что именно физическое единение с женщиной приводит к тому,

что мужчина может получить знание *Брахмана* (*Атмана*). И пусть читатель только посмотрит, как индийцы высказываются об этом *единении*, и как они это описывают. Ведь эти их строки – это *поэзия* в самом *чистом* и высоком смысле слова.

И это совсем не тот *секс*, к которому уже привык наш европейский менталитет, – *sex*, который иначе, чем простое физическое сношение не воспринимается. Конечно, древние индийцы целью такого *единения* видели рождение ребенка. Они не понимали того, что за этим якобы физическим действием скрывается «склеивание» духовных тел *ка* мужчины и женщины. Но как они к этому *священнодействию* относились?! Почти так же, как мандеи. И как описывали? Для них это было нечто божественное: это было, в прямом смысле слова, – *жертвоприношение богам*. И пусть читатель осознает, что бог для индийца и Бог для сегодняшнего европейца (даже Иисус Христос!) – это несопоставимые по внутреннему «уважению» величины.

С. [148]. Поистине, женщина, Гаутама, это огонь. Лоно – его топливо. Волоски – дым. Детородные части – пламя. Введение внутрь – угли. Наслаждение – искры. На этом огне боги совершают подношение семени. Из этого подношения возникает человек. Он живет, сколько живет.

С. [296]. Он призывает [ее] – это звук «*хим*», он просит – это *прастава*, он ложится с женщиной – это *удгитха*, он

ложится на женщину – это *пратихара*, он доходит до цели – это *нидхана*. Это *вамадевья*, вытканная на соитии.

С. [311]. Далее, когда он смеется, когда веселится, когда производит совокупление, то он участвует в пении и чтении гимнов.

Какие *у нас*, сегодняшних европейцев, к чертям, «гимны», какие «волоски»?! Боже мой, праведный!.. Открытый публичный дом.

Но вернемся в наше время, – к тексту *Евангелия от Иоанна*. Мы находимся в гораздо более выгодном положении, даже чем Шанкара, потому что имеем *Евангелие от Иоанна*. Автор этого *Евангелия* написал его и придумал все эпизоды с Христом только потому, что сам прошел все упомянутые выше мистерии. Но это – только «общепринятый стандарт». Так в школе учитель обучает учеников знанию, хотя сам обладает знанием более высокого уровня. Каким именно? Иоанн – это, бесспорно, потомственный *назарей*, обладающий знанием *назирут*. И именно *назирута* учила о тех подлинных *мистериях*, которые появились в евангельском тексте, и которых не было даже в Элевсине.

Можно без преувеличения сказать, что более высокого уровня духовного знания на земле не существовало никогда. Иоанн – это учитель, а мы – только ученики. И по этой причине уровень *Евангелия от Иоанна* порой недоступен нашему «ученическому» восприятию. И я бы несколько не уди-

вился, если бы вдруг наука обнаружила или доказала, что под именем *Иоанн* это *Евангелие* писал сам назарей Иешуа Христос, который после проповеди у иудеев и своего чудесного Воскресения уединился на острове Патмос. В таком случае нашли бы законное объяснение и его разговоры у колодца с самарянкой и тайная беседа с Никодимом.

Что же пишет евангелист Иоанн, влагая свое высокое знание в уста Иисуса Христа? Это одни из самых интимных глав его текста:

Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собой, если не будет на лозе; так и вы, если не будете во Мне. Я есмь лоза, а вы – ветви (Ин. 15:4,5).

О чем он говорит, и как понимать эти его слова? Но ведь он констатирует общеизвестный духовный закон: не может человек сам по себе подняться ввысь («плодоносить»). Потому что он земной, обладает телом. Ему нужен «подъемный кран», чтобы поднять эту «гирию», оторвать ее от земли. Кто же нас «поднимает»? У древних китайцев это легендарный дух (*шень*) Вэнь вана, и именно он «поднял» Конфуция до уровня «просветления сердца», а возможно, и до уровня «раскрывшегося Неба». У древних евреев это ушедший из жизни Моисей, который помог «раскрыть сердце» псалмопевцу Давиду и пророку Исае, в книге которого тоже сказано о «расширении сердца». У мусульман – это про-

рок Мухаммад, а у суфийских братств – тот их конкретный *шейх*, который основал это братство. У зороастрийцев – живший некогда пророк Заратуштра (букв. «староверблюдый»), а у хасидов – их почитаемые наставники, каждый из которых организовал свою отдельную общину. У нас, европейцев, – это живший на земле Иешуа, который больше известен под греческим именем Иисус, и который в скрытой форме сохранился, как человек и наставник, в евангельском тексте. Сохранились его *ка* и *ба*.

Если живы их последователи, если на земле существуют люди, которые следуют по их стопам, значит, и сами эти великие основатели духовных учений живы. Живы по-другому, не так, как мы. Они живы тоже реально, но в «другой плоскости», отделенной от нас, которая редко соприкасается с нашим земным миром. Но когда-то и они сами были тоже, как и мы, а иначе их учение было бы бесплодным. Человек не умирает, умирает его тело, – об этом на тысячу голосов говорят все религии мира. Этого не знает только современная наука, которая является главным авторитетом для европейского человечества. Потому что эта наука знает только *тело* и имеет дело только с *телом*, считая его всем.

Когда какой-то человек по настоящему увлечен духовным учением, основатель этого учения беседует с ним, как живой. В таком земном человеке реально оживает давно ушедший из земной жизни проповедник. В каком-то хорошем смысле он в него «вселяется». Для меня самого таким жи-

вым до сих пор остается наш удивительный Серафим Саровский, и именно он передал меня в руки *живого Христа*. Да, сейчас я знаю, что Он – Иешуа *христос*, но от этого в моей духовной жизни ничего не изменилось.

Если заповеди Мои соблюдаете, пребудете в аг апне Моей (Ин. 15:10).

Главная Его заповедь для семейного человека – «не прелюбодействуй». А как ему иначе сказать, если без этого *нет того спасения*, к которому он призывает человека? Зачем ему вообще тратить время на объяснение того, что навсегда останется непонятым для его слушателей? Если он достоверно знает, что даже однократная связь с чужой женщиной сразу и навсегда разрушает того «единого Адама», который уже начал «слепляться» у мужа и жены. Кому проповедовать? Тем, кто воспринимает духовное *срастание* как простое физическое *совокупление*, аналогичное животным?

Но Я истину говорю вам: лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам (Ин. 16:7).

О чем здесь речь? Но разве не понятно, что это именно о том, о чем мы только что говорили. Для непонятливых поясню, что *Утешитель* – это и есть тот самый «подъемный

кран», о котором была речь. Земной человек, каким бы он мудрым и духовным ни был, не может, по своей земной природе, исполнить роль духовного «подъемного крана», равного по своей силе душам ушедших праведников. А теперь процитируем слова Иисуса, имеющие непосредственное отношение к обоим *Брахманам*:

Истинно, истинно говорю вам, что *Я дверь* овцам. Все, сколько их ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники: но овцы не слушают их. *Я есмь дверь*: кто войдет Мною, тот спасется, и *войдет и выйдет и пажить найдет*. Вор приходит только для того, чтобы украсть, убить и погубить. Я пришел для того, чтобы имели жизнь, и имели ее избытком (Ин. 10:7-10).

И опять все сказанное – сущая правда, если понимать, о чем идет речь. И ведь какое образное, но при этом самое точное сравнение он нашел! И об иудейском Боге *Яхве* здесь ни слова, чтобы иудеи ни в чем его не подозревали. О чем же он говорит? О том, что он – «дверь». Он повторил это дважды! Читающий посторонний человек скажет, что это бессмыслица. Давайте посмотрим, так ли это. Тот «загон», где находятся «овцы»-люди, – это земной мир. Обычный человек не знает, кому принадлежит этот мир, и думает, – что никому, то есть, что мир нейтрален к «овце». Иисус заявляет, что это не так: все, кто приходил до него – воры и разбой-

ники. Слово «вор» повторяется тоже дважды: вор приходит для того, чтобы *убить*.

Кто же этот «вор»? В первую очередь, это Хозяин мира. А почему воров и разбойников много? Потому что у этого единого Хозяина или Закона нашего земного мира много разных «обличий» и поклонников: во-первых, это все без исключения Боги человечества, но также и все пророки, и великие проповедники. Все они слуги этого единого Хозяина. Как так, неужели и перс *Заратуштра* тоже «вор» и слуга? Ведь религия зороастрийцев утверждает своим Богом Бога Добра, и «до последней капли крови» борется против Бога Зла. Иисус это знает, но знает также и то, что и мир Зла, и мир Добра, и наш земной мир, и Рай, и Ад – все они принадлежат одному и тому же Хозяину, который у иудеев имеет имя *Яхве*, у греков – *Зевс*, у римлян – *Юпитер*, а у китайцев – *Небо-Тянь*, у индусов – *Тримурти* (*Брахма*, *Вишну* и *Шива*) и так далее. *Яхве* – это, в первую очередь, Бог земного Добра, но также и Бог Зла. Все это – «маски» одного и того же бесчувственного Закона Земли. Постоянно «вращаясь» в этом якобы разном по своим моральным качествам мире, человек, сам того не подозревая, остается во власти и под наблюдением этого Грозного Закона нашего Бытия.

Тут нам надо, хотя бы в первом приближении, провести четкое разграничение между двумя главными духовными компонентами, с которыми приходится сталкиваться человеку в его жизни. Первый из них безличный и «как каток» –

это исходный Закон Бытия человеческого, который неизвестно кем установлен и когда. Его олицетворяет, по причине немощности человеческого восприятия истинного духовного мира, тот «многоликий» Хозяин, о котором мы говорили. Это не Человек, не Высшее Сознание, – *Оно* и думать вряд ли способно. Это как «Закон притяжения». Это – «механический каток», – *Смерть*, укатывающая «в асфальт» человеческие жизни. *Его* «программное обеспечение» содержит всего три кнопки: «земная жизнь», «Ад», «Рай». Все это в *Его* власти.

И когда «асфальт» укатан, его вскрывают, перемальывают в «крошки»-души и тут же обратно закатывают по все тем же трем программам: «земная жизнь», «Ад», «Рай». Поэтому *Он* – «вор и убийца». Человек, попадающий в этот круговорот, обречен на бесконечное повторное перемальвание из своей земной, райской или адовой жизни – в «асфальтную крошку». Возможно, кому-то все равно, а кому-то и нравится быть «асфальтом». Кто-то готов прислуживать этому «катку», уповая на его благосклонность в земной жизни. Но и он такой же, как и все – «асфальт».

И существует другая компонента духовного мира. Если все «асфальтные» души недолговечны и ненадолго задерживаются в своем промежуточном состоянии между земной жизнью и новым «асфальтом», то подобная «промежуточная» жизнь учредителей духовных учений может длиться тысячелетиями. Она, эта их жизнь, постоянно подпитывает-

ся духовной силой или «импульсами» их последователей на земле, мысли которых обращены к этому ушедшему из жизни человеку. Таков Христос, таков *Моисей*, таков *Мухаммад* и другие. Вот они действительно *живы*, сознательны и принимают участие в земной жизни в меру своих духовных сил и конечных устремлений. Это не фантазии, это естественное взаимодействие каких-то энергетических полей, которые неведомы пока еще нашей немогущей в духовных вопросах науке. Ведь эта наука каких-то 200 лет назад даже об электричестве не имела представления, не говоря уже об атоме. И почему-то никто из нас не видит сейчас те бесчисленные волны, которые оживляют наши смартфоны, телевизоры, радиоприемники и прочую интернетную галиматью. А ведь они есть! Они существуют реально! И это почему-то не удивляет наш научный мир.

Иисус говорит о всех своих «собратях» по духовному миру, что они – «воры». Потому что все они, сами того не осознавая, – вновь и вновь бросают доверившиеся им человеческие души «под каток», производящий укатанный «асфальт». И только один Иисус – это «дверь». Куда? К *ниргуна-Брахману*. Но сначала Иисус *сознательно* ведет человека к тому *Элохиму*, который *выше* мира Хозяина, и которого он называет своим «Отцом». К *Элохиму*, в котором уже нет той *двойственности*, которая является «родовым пятном» мира Хозяина. Жизнь и смерть, добро и зло, радость и печаль, молодость и старость, день и ночь, правда и ложь, счастье и бе-

да, красота и уродство, женщина и мужчина, *инь* и *ян* – это *Его* подлинное *Хозяйство*.

Мы говорим сейчас о таких категориях, которые человек не в состоянии охватить своим земным умом. Ведь *Элохим* – это тоже не тот «хороший Бог», на груди у которого можно согреться и найти убежище. Это тоже Закон, но более высокий, чем Закон Добра и Зла. В нашем земном «комарином» уме Он олицетворяется со *Светом* и *Агапой*, и Иисус называет Его «Отцом», но человек не предназначен жить в такой среде. Человек, имея созданную кем-то душу и тело, приспособлен – в такой своей форме – жить только на земле, а своей душой *ка* (*шэнь*, астральной и так далее) только в мире Ада или Рая. *Ка* основателей великих религий – имеют другую судьбу. Человек должен стать чем-то совершенно другим, чтобы навсегда выйти из всех этих миров «второго» Бога Бытия (в действительности, «третьего», и не Бога, а Принципа или Закона) и окончательно распрощаться со своими телами и очередными душами *ка*.

И этот путь открывает Иисус. Это путь через Его странное «слияние» с *Отцом-Элохимом*, – а это и есть *сагуна-Брахман*, который выводит человека из мира «двойственности» в мир «единичности». В мистерии Царства Небесного человек встречается с *сагуна-Брахманом*. И в этой мистерии Иисус – это действительно «дверь». Название духовных состояний у народов разное, а суть одна и та же. У Иисуса – это «мистерия Царства Небесного», в Индии – это состояние *са-*

гуна-Брахмана. И нет сомнения в том, что в Древней Индии у создателей *Упанишад* тоже был какой-то свой, ушедший из жизни, учитель, которому они верили и поклонялись, и который вел их к *ниргуна-Брахману*. Потому что без соответствующего «подъемного крана» земной человек подняться на эту высоту не в состоянии.

Но ведь Иисус заявляет, что *сагуна-Брахман*, как мы это понимаем, – это только «дверь». Почему «только»? Потому что никто никогда не пребывает и не живет в самой «двери», в дверном проеме. Через дверь входят и выходят, как это заявляет сам Иисус. Причем, не задерживаясь здесь долго: фактически, проходя через дверь, мы автоматически оказываемся – без каких-либо дополнительных усилий – в другой среде, в другом пространстве. Вот и *мистерия Царства Небесного* – это не окончательный «финиш», а только промежуточный этап к действительному завершению нашего духовного развития на земле – к состоянию *ниргуна-Брахмана*, в котором уже нет ничего земного, даже Иисуса Христа.

«Тот спасется и войдет и выйдет и пажить найдет». «Войдет в дверь и выйдет из двери». Иисус знает, что человек боится такой неизвестности своего положения, – пребывания в состоянии «Ничто». Но Он убеждает своего неразумного последователя, что это «Ничто» есть «пажить», то есть действительное благо для «овцы», если для такого состояния продолжать использовать уже утратившие всякую актуальность земные термины. Иисус, пребывая в состоянии

«*Брахмана* с качествами», убеждает нас, что «*Брахман* без качеств» – это высшее *благо*. Но человек, испытавший это состояние, уже и без Его «уговоров» знает, что это действительно так.

Примером достижения этой высшей духовной планки на земле является греческий философ Плотин (III в. н.э.). Он тоже, как и древние индийцы, не знал, что с ним происходит, и почему. Но наблюдая за собой и отыскивая закономерности в приближении души к высшему духовному состоянию, он попытался создать свою собственную оригинальную философию, в которой фигурируют категории *Единое*, *Благо*, *Ум* и *Красота*. Он жил в такое время и интересовался такими вещами, что просто не мог не быть знакомым с евангельским текстом. Вполне вероятно, что тот Ориген, с которым он вместе учился философии в Александрии у неоплатоника Аммония Саккаса, это и есть *наш* христианский знаменитый богослов и философ, который впоследствии был предан анафеме на церковных Соборах. Это об Оригене сказано, что «Его построения иногда обнаруживают следы разительного совпадения с отделами “Эннеад”; но взятые из общей сокровищницы эпохи, они несут у Оригена иную службу, чем у Плотина» («Христианство. Энциклопедический словарь», М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1995, Том 2, с. 253). О духовной связи Плотина с Оригеном и об их общей учебе у таинственного Аммония, учение которого они так и не разгласили, читатель пусть доду-

мывается сам.

Мы не стали бы упоминать об этом Плотине, если бы не те описания постижения им *Единого* (или *Блага*), которые приведены в *Эннеадах*. Фактически, это 100% описание мистерии становления *ниргуна-Брахманом*. Читателю не следует удивляться или осуждать автора за то, что он, якобы, искусственно «приклеивает» к духовным состояниям этого эллинского философа чуждые ему санскритские термины. Читатель должен осознать, что структура внутреннего мира у человека одна и та же, независимо от того, кем он себя считает: христианином, язычником-философом или брахманом-знающим *Упанишад*. И как одна и та же *любовь* имеет разные названия у разных народов мира, точно также одно и то же состояние *внутреннего* человека называется по-разному у тех народов, которые его достигали и описали.

Мы процитируем сейчас одно такое высказывание Плотина. Причем, возьмем его не из полного собрания сочинений этого философа на русском языке (к сожалению, авторитетного перевода полного собрания *Эннеад* в России не существует), а из переведенной с французского языка книги Пьера Адо «Что такое античная философия» (М.: Издательство гуманитарной литературы, 1999, с. 176, 177). Пусть читатель внимательно присмотрится к этим замечательным словам философа. Ведь до настоящего времени никто из живущих на земле не смог так ясно приблизиться своим *земным словом* к тому *невыразимому состоянию*, которое испы-

тывает человек, «ставший Брахманом».

И когда посчастливится душе с Ним (верховным началом) соединиться; когда низойдет Оно к ней, а вернее сказать, явит ей свое присутствие; когда отворачится она от всего, что ни есть окрест, приуготавливая себя, чтобы быть как можно прекраснее, и становясь Ему подобною (приуготовление это и благоукрашение, должно быть, ведомы посвященным); когда внезапно узрит она явление Его в себе самой (ибо ничто их более не разделяет и они уже не два, но оба суть одно; воистину, не можешь ты более различить их, доколь Оно пребывает с нею: подобие такого единения представляет и земная любовь, ведь и двое любящих желали бы слиться в одно существо), – тогда душа не чувствует уже своего тела, не замечает, что заключена в этом самом теле, и не говорит уже, что она есть нечто иное, нежели Оно: человек, или живое, или сущее, или всё (ибо созерцать перечисленное значило бы некоторым образом полагать различие, а потом и недосужно это душе, да и нежеланно; когда же она после всех исканий оказывается в присутствии Его, то, устремляясь к Нему, не на себя, а на Него только взирает, и нет у нее времени вникать, что она такое – она, взвращающая). В этом состоянии душа не променяла бы Его ни на что другое в целом свете, хотя бы давали ей в замену небеса, ибо знает она, что нет уже ничего драгоценнее и лучше (ведь она не может вознестись еще выше, и внимание

к чему бы то ни было иному, пусть и высокому, было бы для нее нисхождением). В такие мгновения душа обретает способность непогрешимо судить и, сознавая со всей ясностью, что к Нему-то она и стремилась, убеждается, что нет ничего более совершенного. Ибо тут немислимо никакое заблуждение: **где же можно было бы вернее сыскать истину** ? Так вот, то, что говорит она, ликуя, – «Это Оно!» – она и после изрекает, и теперь изъявляет безмолвием своим, и, упиваясь блаженством, она не обманывается, потому именно, что блаженствует; и говорит она это не оттого, что испытывает нечто подобное приятному щекотанию тела, но потому, что стала тем, чем была прежде, когда пребывала в блаженном состоянии [...] Если бы даже все кругом сокрушилось и погибло, она и это приняла бы охотно, лишь бы только быть ей с Ним, – так велико блаженство этого единения. (Энн., VI, 7 (38), 34, 9-37)

Читатель, наверное, обратил внимание на то, что Плотин, как и мудрецы Упанишад, сравнивает приход в душу *Брахмана* (правильнее, становление *Брахманом*) с физическим единением с любимой женщиной. Это не случайно, и это отнюдь не «блестящая находка» автора того или иного текста. Другого сравнения просто нет и быть не может, потому что в земной жизни обычного не испорченного человека существует единственная «естественная» мистерия – любовное единение с любимой женщиной.

Мы немного отвлеклись, и сделаем к этому божественному высказыванию Плотина небольшое примечание, – но только для того, чтобы читатель правильное его понял. Во-первых, читателю должно быть ясно, что пребывая непосредственно в описанном выше состоянии, «душа» ни о чем не может думать и вообще не в состоянии рефлексировать: она стала «единицей», то есть отсутствует то второе, на которое можно направить свой ум. Подобного состояния в земной жизни человека *не существует*. И уже когда человек из этого состояния выходит, он начинает «домысливать» то, что с ним произошло, и как он это воспринимал. Но и в этом случае никакое «потустороннее» не имеет слов для адекватной передачи на человеческом языке. Поэтому описание Плотина своего опыта следует оценивать, в некотором *хорошем* смысле этого слова, как «художественное воспоминание». Джон М. Рист в книге «Плотин: путь к реальности» (СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2005, с. 242) пишет следующее:

Уподобление Богу в полном смысле этого слова означает выход за пределы конечных идей в мир бесконечного Единого, основной характеристикой которого является *простота* (*haplosis*), о чем говорится на протяжении всех *Эннеад*.

А это, в свою очередь означает, что для самого Плотина существует невозможное в разумном мире равенство: с од-

ной стороны, – всё то «цветистое», высоко духовное, прекрасное и *сложное*, что он описал в приведенном выше отрывке, и абсолютная *простота* (*халлосис*), с – другой. И это – *одно и то же*. Но... мы, ведь, остаемся земными людьми, когда выходим из *мистерии*.

Сегодняшний человек замкнулся в своем телесном мире и не хочет из него вылезать. Он не представляет себе, что у него есть высшее предназначение, что земной мир – это только «фаза» его космического развития. Он хочет оставаться «асфальтом», ему это нравится. Но разве дитя, пребывающее в материнской утробе, хочет выбраться наружу? Ему там хорошо, тепло – оно двигается, улыбается и даже общается со своим соседом, если это близнецы. И неужели оно может хоть что-то знать об окружающем его мире? И неужели этот наружный внешний мир уступает – по своей привлекательности и возможности развития – его жизни в материнском теле, от которого оно полностью зависит? Но ведь оно по законам природы и не может ничего знать о *земной* жизни. Ему надо *родиться*. «От воды» – добавляет Иисус.

Иисус заявляет, что человеку следует *родиться* дважды: от воды и от Духа. Но окончательное «рождение» человека из мира Добра и Зла – это его «третье» рождение, которое, если выражаться «плотницким» языком Иисуса, есть рождение через Его «дверь», из Его «двери».

И вот теперь, пройдя в своем внутреннем развитии через все эти необычные для нашего слуха *мистерии*, попро-

буем разобраться, что же представляет собой то настоящее *христианство*, которое проповедовал некогда на земле назарей Иешуа *Христос*. Ведь вплоть до настоящего времени мы больше говорили о своем: о мистериях, впечатлениях и мыслях. А что об этом заявляет сам *Христос* в тексте канонических *Евангелий* и в *Евангелиях* коптских (сохранившихся на коптском языке)? Ведь многие его слова, о которых мы хотим поговорить, понимаются совершенно неправильно или вовсе не понимаются.

О традиционном христианстве

Если рассматривать христианскую Библию с тех позиций, которые были заявлены в предыдущих главах, то ее канонические книги содержат в себе тексты сразу трех разных религий. Еврейский *Ветхий Завет* – это религия Ада; *Евангелия* – религия Царства Небесного, а весь *Апостол*, включая книгу *Деяний*, – это религия Рая. Так на самом деле, если ориентироваться на ту «верхнюю планку» духовного роста, которая достижима учеником, читающим разные разделы Библии. Однако кричать «Караул!» с нашей стороны было бы преждевременно.

Если принять во внимание реальный духовный уровень человека того времени, то достижение им состояния «расширения сердца» было пределом всех мечтаний. И как раз «расширение сердца» является главной базой всех этих разных разделов Библии. В этом все они едины. В еврейском Писании содержится *Книга Псалмов* и *Песнь Песней*, а это – неотъемлемый фундамент любого христианина для успешного восхождения к Царству Небесному. Причем, *Песнь Песней* – это единственный поэтический текст всей христианской Библии, который духовно воспекает супружескую жизнь, и который является настоящей предтечей евангельского «слепления» любящей пары в единый организм. Для супругов эту еврейскую книгу можно поставить в один ряд

с *Евангелиями*. Но и Книга *Исайи*, и Книга *Бытие* тоже не стоят в стороне от евангельского пути к Царству. Читатель их *христианин* не воспринимает эти книги как сугубо иудейские. Человек, углубляющийся в духовный мир, полностью теряет восприятие какой-то национальности, в том числе и своей собственной. В противном случае он выше уровня «расширения сердца» не поднимется. Национальность – это кровь, а Дух крови не имеет.

Примером правильного отношения к этому вопросу являются исламские суфии средних веков. Кстати сказать, и сам ислам высоко стоит в отношении терпимости к национальным корням приверженцев своей религии. И в том числе по этой причине ислам приняли многие народы. Особо отметим, что те суфии, о которых мы упомянули (каждый из них развивался индивидуально), еще не объединялись в суфийские братства. Все они, как и предписывает ислам, жили со своими женами, причем, у них «троеженства» не было. И если почитать литературу об их привычках, поведении; и если почитать их собственные записи, то можно сделать предположение, что никогда на земле не было столь успешного и плодотворного достижения состояния Царства Небесного, как в это благословенное время ислама.

Чем это можно объяснить? Все дело в том, что *Коран* признаёт Иисуса в качестве Пророка, предшественника Мухаммада. И по этой причине не возбранялось свободное чтение *Евангелий*. Для суфиев того времени Иисус (*Иса*) – это во-

площение *Любви*, то есть они интуитивно поняли главную суть всего евангельского текста. В *Коране* он именуется «речением истины» и отнесен к «приближенным Аллаха». Ему было ниспослано откровение, называемое *Инджил (Евангелие)*, и именно он предрек появление пророка Мухаммада («Ислам. Словарь атеиста». М: Политиздат, 1988, с. 97).

Получив предварительно «расширение сердца» при чтении *Корана*, суфии, при чтении *Евангелий*, где идет речь о «раскрывшемся Небе», достигали и этого состояния, а часть из них – Царства Небесного, потому что у них были жены-*рухи*, с которыми они жили, как полагается супругам. Но, не будучи знакомы со всей этой «классификацией», они не фиксировали в сознании «лестницу» своих конкретных духовных состояний. Хотя фактически суфии по духовному уровню стояли значительно выше многих семейных христиан, у которых духовная жизнь пребывала на задворках церковного внимания, и где евангельские тексты были почти до Нового времени недоступны для прихожан. Рядовой прихожанин Руси слышал *Евангелие* только из уст священника во время церковного богослужения, на церковнославянском. А у арабов, которые познакомили Европу с творениями Платона и Аристотеля, наличие на руках таких текстов, причем, на древнегреческом языке, и уровень грамотности были значительно выше, чем у европейцев.

Плохо или хорошо, что христианская Библия является, фактически, «мешаниной» текстов разных религий? Это не

только не плохо, но прекрасно. Если бы этого не случилось, в таком случае проповедь назарея Иешуа *Хреста* была бы навсегда утрачена для человечества. И только по той причине, что Церковь воспринимала Христа – наперекор убеждениям и верованиям всех евреев – как «законного Сына» Бога *Яхве*, все эти тексты бережно сохранялись и переписывались в ее монастырях и храмах.

Но по этой же самой причине – по причине «смешения» духовных текстов – в христианстве всегда были люди, которые читая Библию, интуитивно концентрировали свое внимание на самом важном – на евангельском тексте (таким был, например, Серафим Саровский), – и проходили все стадии своего духовного роста. Но и они, как и суфии, не отдавали себе отчета в том, что все их чудесные видения – это универсальный, стандартный рост нашего сокровенного внутреннего «я», которое с физическим телом никак не связано.

Над нашим прославленным старцем Силуаном Афонским, когда он монашествовал на Афоне, вдруг «раскрылось Небо», – стены кельи раздвинулись и отступили, и он увидел где-то высоко вверху Моисея и слышал хор ангелов. Так, или приблизительно так, осталось в воспоминаниях современников. Силуан не понимал, что с ним произошло, но видение было настолько чудесным, что он попросил объяснить это у самых титулованных старцев Афона. Никто из них сказать ничего не мог, кроме того, чтобы он остерегался впасть

в гордыню, потому что всем было ясно, что с ним случилось что-то необычайно значительное в духовной области.

Этот случай свидетельствует о том, что даже на Афоне не было никакой мистериальной традиции, и что никто из монахов понятия не имел о том, что Небо над человеком может «раскрыться» не только над Иисусом Христом. А значит, и случаев таких на Афоне никогда не было. И записей о таких случаях тоже не было. Следовательно, именно «расширение сердца» – это духовный предел монахов Афона того времени. Хотя, исходя из логики, показанной в этой книге, монах может подняться до уровня Рая, а это и есть «раскрывшееся Небо». И неужели уделом всех их, за исключением одного только нашего Силуана Афонского, стал тот самый Ад, которого так страшится любой верующий христианин?

Мужское и женское

Читатель, ты задавался когда-нибудь вопросом о том, почему на земле существуют мужчины и женщины? Ссылаться и прятаться за спину эволюции в данном случае не получится. Ведь у этой самой «эволюции» существуют и другие способы размножения. Теория эволюции давно подвергается сомнению, в том числе и у ряда ученых. Какой-то российский представитель этого разряда людей заявил, что полагать, что все на нашей земле явилось результатом эволюционных процессов, – это равносильно тому, чтобы утверждать, что здание Московского университета могло быть построено путем случайного бросания кирпичей и прочих стройматериалов на площадку этого строения. Бесспорно, что-то в нашей жизни изменялось путем эволюции, но, наверное, далеко не все.

Человечество всегда находило убедительный ответ на все вопросы, которые казались ему загадкой. Раньше люди были уверены в том, что земля плоская и стоит на «трех слонах». Ведь именно слон является самым сильным животным в мире. И неужели такую махину, как земля, в состоянии удержать даже десять лошадей? Нет, только слоны.

Также и с этим «размножением». Ведь можно было бы этой «эволюции» придумать так, чтобы рождасть потомство без обязательного соединения «мужского» и «женского»? Такой вариант выживания особи оказался бы оптимальным,

так как не зависел от одновременного участия в этом процессе двух различных единиц, и бесспорно выиграл бы гонку у своего «парного» собрата, если бы это действительно была эволюция.

Еще один непонятный вопрос: зачем этой эволюции *девственная плева* у девочки? И почему ее нет у мальчика? Что она защищает у ребенка, если эта же самая эволюция создала плеву с «дырками»? И почему подобной плевы нет у ребенка во рту? Ведь, по логике, это и есть достаточно опасное место у дитя: оно откроет рот, попадут материнские воды, или захлебнется при своем первом вдохе. Заявления о том, что плева поддерживает в этом (?) месте определенную кислую среду, которая защищает это (?) место от болезнетворных микробов, тоже не совсем справедливо: существует 5% девочек, которые рождаются без этой плевы, и никто из нас не слышал о том, что они, бедные, умирают преждевременно в младенческом возрасте.

Если бы это была подлинная защита от преждевременного вторжения в несформировавшийся женский организм, она была бы по своей «оборонной» способности равноценна тем молочным детским зубам, которые выпадают в свое время, делая улыбку ребенка такой смешной. Но ведь плева не обладает подобной силой, она «эфемерна». И более того, она со временем не «выпадает», как молочные зубы.

Или у эволюции не хватило ума и в каком-то случайном месте в организме выросло что-то непонятное, не отвечаю-

щее законам эволюции? Но эта же самая эволюция мудро предусмотрела, чтобы эта «защита» не помешала выходить появившимся у девочки месячным. Интересно получается: регулы есть, но факт отсутствия преждевременного *секса* налицо! То есть – и нашим, и вашим: глубокий поклон Царству Небесному, и деткам в будущей семье. И если это именно эволюция поступает так мудро, то мы обеими руками за нее. Да здравствует эволюция!

Кто-то задаст вопрос: почему, в таком случае, эта плева есть и у других млекопитающих, например, у слона, шимпанзе или у лошади? На этот вопрос легко ответить: у этих животных, также как и у человека, есть глаза, рот, уши, мозг и так далее, и, несмотря на это, они не становятся разумными людьми со всеми вытекающими последствиями. Наш земной мир слишком многочисленный и разнообразный, и нелогично представлять себе, что все телесные органы и функции человека были созданы – эволюцией ли, Высшим разумом ли – автономно от всего остального мира. Например, каким-то «Иванушкой-дураком» с помощью формулы «по щучьему веленью», и поэтому это коснулось исключительно девственной плевы у девочки. Если даже в современном человечестве существуют компьютерные программы, которые способны одновременно воздействовать на родственные объекты, то почему этого не может существовать на более высоком уровне созидания?

Но если рассуждать чисто логически, и если поверить в то,

что соединение *мужского* и *женского* в единое целое, которое должно состояться на земле, – это действительно *единственная истинная цель* пребывания человека в нашем мире, причем, цель, определенная Высшим разумом, в таком случае не является ли для человека, ищущего этой цели (а это мужчина, так как именно он ведет семью к этой цели, – и именно поэтому у него нет, пусть и теоретической, мужской «девственной плевы»), – не является ли для него наличие девственной плевы у девушки величайшим подспорьем для осознания того факта, что такая цель может быть им достигнута?

И небольшое примечание, хотя это должно быть понятно без объяснений. Если случилось несчастье и девушку или женщину изнасиловали против ее воли, то это, бесспорно, сильнейшая моральная травма. Но в этом случае девушка или женщина чиста для дальнейшего восхождения ее семьи к Царству. И это понятно: неужели осмотр гинеколога препятствует развитию чего-то духовного в нашей жизни?

Интересное это дело, *девственная плева*. Что-то совершенно сказочное, неведомое даже ангелам, у которых этой «защиты» нет. Защиты от чего? А правильнее, от кого? Всем понятно, что от случайного мужа. Ведь женщина, не знавшая мужа, даже в свои пятьдесят лет – это полноправная *дева*. И это безо всяких дурацких шуток.

Человек – это сложное существо. Наука смогла на сегодняшний день только снять «верхнюю крышку» этого суще-

ства, и дело у нее не дошло даже до разборки одного «винтика». Потому что у человечества для разборки этой «машины» нет даже отвертки: мы не знаем, как эта «отвертка» выглядит. Вот и говорим: эволюция.

С точно таким же правом, уверенностью и «доказательствами» другие заявляют: нас создал высший Разум для каких-то целей, о которых мы не имеем никакого представления. Но если логически рассуждать – рассуждать совсем по-научному – в таком случае сразу же бросается в глаза то, что самое главное в мире людей – это *мужчина* и *женщина*, и их совершенно непонятное по своему влиянию и воздействию на наши мысли, психику, физическое состояние – тайное единение. Что *это*? Попробуй отнять *это* у человечества, оно сразу обрушится, и вся земная жизнь потеряет свой интерес и привлекательность.

Мы – мужчины и женщины – совершенно разные существа и нас бы ничего не связывало между собой, если бы не неистощимая *любовь*, не обоюдное стремление – через все барьеры – к *этому*, и не рождение детей, развитие которых радует родителей и наполняет их существование смыслом. Но без *этой* связи с женщиной жизнь для мужчины превратилась бы в бесконечные серые будни, и добрая половина из нас застрелилась бы преждевременно, по крайней мере, в той Америке, где разрешено владение огнестрельным оружием. А в России застрелились бы только силовики.

И вот здесь мы сразу же вспоминаем: девственная плева!

Для чего этот высший Разум ее предусмотрел, с какой целью? Логика подсказывает одно единственное решение: для того, чтобы тот юноша, который попытается впервые иметь единение с какой-то девушкой, точно знал: был ли у этой девушки до него кто-то еще? И не важно, целовал ли или обнимал этот бывший знакомец данную девушку. Важно другое: было или нет *это* единение.

«Но почему это важно? И что ты к нам пристал?». Наверное, потому, что если этот юноша, встретивший понравившуюся ему девушку, следует по пути, предначертанному этим высшим Разумом, он, узнав об отсутствии девственной плевы, должен от этой девушки отказаться, и искать себе другую красавицу для того, чтобы выполнить, тем самым, заветы высшего Разума.

«Какая чушь!», – скажет читатель. Да, это было бы чушью, если бы мужчина сам, автономно, был в состоянии решить стоящую перед ним задачу. Но что если без «чистой» девушки, взятой себе в жены, этой задачи не решить? А иначе, зачем эта «*девственная плева*»? А иначе, зачем этот постоянный *истошный вопль* назаря Иешуа: «*Не прелюбодействуй!*». Это можно объяснить только одним: единение мужа и жены в супружеской постели – это не только «наслаждение» и «детки». Это нечто гораздо более важное, что *переходит в вечность* и является главным результатом соединения мужского и женского в единое целое.

Учитывая современный менталитет и «равноправие» в ев-

ропейском обществе, какая-то женщина может, обозлившись, вдруг сказать автору: «Послушай, мужик, это мое личное и тебя нисколько не касается. Не лезь, куда тебе не положено. Ты не являешься тем медиком, к которому я обращаюсь с проблемами своего тела».

И такая женщина будет не права. Потому что ни она, ни автор, не создали это «мое» и «твое». Тот Высший Разум, который создал человеческое тело и его различия для каких-то особых неведомых нам целей, не спрашивал совета у этой женщины: делать в ее организме девственную плеву или нет? Он это просто сделал, а уже воля самой женщины, как с этой «штукой» поступить.

И я, полагая, что знаю смысл этой части тела у женщины, с полным правом считаю, что это – также и «мое». Более того, я в таком своем предположении не одинок. Точно также женщины Древнего Египта совершенно справедливо полагали, что то, что мне кажется «моим», – это «их». Именно они несли это «мое» во время праздничных церемоний и своими руками заставляли это «мое» двигаться по их собственной воле. Вот отрывок из жизни Древнего Египта (И.В.Рак «Мифы Древнего Египта». – СПб.: Издательство «Петро – РИФ», 1993, с. 259, 260):

В остальном египтяне справляют праздник в честь Диониса почти совершенно так же, как и в Элладе – за исключением хоров. Только вместо фаллосов они придумали носить

другой символ – куклы-статуэтки в локоть величиной, приводимые в движение с помощью шнурков. Эти куклы с опускающимся и поднимающимся членом женщины носят по селениям, причем этот член почти такой же величины, как и всё тело куклы. Впереди шествует флейтист, а за ним следуют женщины, воспевающие Диониса. А почему член куклы так велик и отчего это единственно подвижная часть тела куклы, об этом существует священное сказание. (Имеется в виду сказание о том, как Исида зачала Хора от мумии Осириса.)

И более того, я совсем не считаю подобные «игры» древних женщин чем-то кощунственным и безнравственным. Только не надо перебарщивать и превращать это в скотство. Их отношение к половому вопросу было гораздо более целомудренным, чем в христианской цивилизации. Единственно, что этому древнему миру недоставало, это соблюдение заповеди «не прелюбодействуй» в понимании ее Иешуа Хрестом. И конечно, это можно выставлять напоказ в качестве игровой шутки и посрамления всех импотентов или тех мужиков, которые уклоняются от этой «женской радости». Но в то же самое время выставлять на всеобщее обозрение тайное действие между мужем и женой – это в высшей степени безнравственно и достойно всяческого порицания. Во всем должен быть здравый рассудок и определенная мера символического назидания.

В духовном мире мужчина всегда ведущий, а женщина – как вагончик за паровозом. Редкая женщина обращает внимание на то, был ли у мужчины до нее сексуальный опыт или нет. Для нее главное, чтобы это был хороший муж, дети, уют, забота, деньги и, конечно, чтобы это был нормальный партнер в постели. У нас – разная духовная природа, потому что женщина – *руха*. Но при этом муж и жена наследуют, как *единый организм*, одни и те же *Миры Света*. То есть не задумывающаяся о высоких вещах женщина получает ту же самую награду, что и ее любимый муж, оставаясь навечно с любимым мужчиной.

А что если женщина проникнута такими же высокими идеями и верит в великое предназначение супружеской пары на земле? В таком случае она, со своим умом, без труда разберется в ухаживающем за ней мужчине: какие у него цели? что у него в приоритете? И если это действительно тот, кого она искала, он сам поднимет *эту* тему в их разговоре.

Однако подавляющее большинство женщин этот вопрос не волнует: наука убедила их в том, что любой мужчина – это, в первую очередь, *самец*, который по своей природе «осеменяет» всех, подвернувшихся под руку. «Ну а теперь, – подумает она, – пришел, наконец, и мой черед. И удержу-ка я этого красавца у себя подольше. Сделаю его своим мужем». Ведь и сама эта женщина до встречи с ним перепробовала, скорее всего, не одного мужчину (как, например, самарянка у колодца Иаковля, тщетно желавшая получить от Иисуса

«воду, текущую в жизнь вечную», Ин. 4:15). «А как же иначе? Ведь вопрос сексуального удовлетворения важнейший в семейной жизни!», – глубокомысленно задумается она своими «куриными мозгами», и как курица после петуха, отряхнет свои перышки и гордо расправит крылья.

Однако все, что ей дал Бог от рождения, по-прежнему при ней: высокая грудь, осиная талия, очаровательный аромат молодой женщины и лучистый взгляд совершенно невинных глаз. Увы, нам, мужчинам! Куда деваться от этого беспрорышного магнита?!

Все эти несущественные отклонения от темы рассмотрены нами только для того, чтобы читатель немного расслабился перед чтением действительно серьезных вещей. Мы сейчас планируем дать читателю 100% доказательства того, что даже в тексте классических *Евангелий* назарей Иисус говорит исключительно о семейной паре, о муже и жене, и что это – главная тема его проповеди. Да, бесспорно, вторая важная часть этих текстов посвящена вопросам о том, что именно и как должен преобразовывать и шлифовать в своем духовном мире муж, чтобы исполнить поставленную перед ним цель. Ведь только в супружеской постели Царства не достигнешь, хоть *это* и очень важно.

Брачная тема в проповеди Иешуа

Начнем мы, пожалуй, не в порядке расположения евангельских глав, а с тех слов Христа, которые слышали очень многие, даже отдаленно знакомые с христианством.

Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные и Я дам покой (№1) (*анапaucuc*) вам. Возьмите иго (*дзюгoc = дзюгон*) Мое на себя и научитесь от Меня, ибо [Я] кроток и смирен сердцем, и найдете покой (№2) (*анапaucuc*) душам (*пcюхе = нишимта*) вашим: ибо иго (*дзюгoc = дзюгон*) Мое благо (*хрестoc*) и бремя (*фортион* – «ноша», «груз») Мое легко (Мф. 11:28-30).

Обратим внимание читателя на тот факт, что в древнегреческом языке сама форма глагола указывает на категорию действующего лица. По этой причине местоимение «я» как правило *опускается* (а вот в английском языке, напротив, местоимение «Я» *всегда* пишется с заглавной буквы). Но если мы видим где-то в греческом тексте, что там стоит это местоимение, это означает, что для говорящего почему-то очень важно сделать особый акцент на том факте, что заявляет это именно он, или что данное конкретное действие имеет непосредственное отношение именно к нему.

Два разных слова в этом высказывании Христа встреча-

ются по два раза, и это свидетельствует о том, что оба они для него очень важны. Первое – «покой». Но разве может сказать обычный человек, что именно «покой» для него является самой важной конечной целью. Пусть даже промежуточной, то есть после выполнения особо важной и тяжелой работы, возможно, после многих лет труда. Нет. Для любого здорового человека покой никогда не имел большого значения. Отдых, смена обстановки, отвлечение от только что выполненного дела, – вот что привлекает обычного нормально-го человека. Но разве об этом говорит Иисус в приведенном выше отрывке? Любой скажет, что нет.

Более того, Иисус просит о том, чтобы человек пришел именно к нему, взял именно его «иго», и только после этого он даст человеку покой. А значит, никто другой этот «покой» дать человеку не в состоянии. И уже после этого «первого покоя», если строго следовать тексту, уже и сам человек «найдет покой», – как бы «второй покой». Отсюда понятно, что никакого такого обычного «отдыха после работы» здесь не предполагается.

Обратим внимание читателя, что весь этот отрывок, как и вся проповедь Христа, – все это обращено к мужчине, следующему по его пути. И если читатель внимательно читал предыдущие страницы этой книги, то у него не будет сомнения в том, что тот «покой», о котором говорит Христос, – это духовное завершение всего жизненного пути человека. То есть, как мы уже показали, – это состояние *Брахмана*.

Причем, тот «покой», который Иисус дает человеку, – это *сагуна-Брахман*, а тот, который «находит» сам человек, то есть второй «покой», – это уже *ниргуна-Брахман*. И главная характеристика обоих этих состояний – это именно «покой».

Когда мы ведем речь о *ниргуна-Брахмане*, мы не можем не вспомнить то, что пишут об этом назареи, из которых вышел сам Иисус. Но сначала о том, как характеризует мандеев один из главных исследователей их творчества и религии Курт Рудольф («Мандеи: История, литература, религия», с. 211):

Вообще же мандеи – невообразимые фантазеры и сказочники, что становится очевидным не только при самом поверхностном взгляде на их обильное духовное наследие, представленное письменной традицией, которая выводит нас в бескрайние просторы переднеазиатского фольклора. Мы даже представить себе не можем того изобилия фабул и сюжетов, которые до сих пор бытуют в их устных преданиях, и которым уж никак не меньше веков, чем тому, что сохранила для нас их письменность.

Да, это действительно так. Но именно в этом и заключается особая специфика духовного творчества этого народа, что за как будто сказочными и фантазийными сюжетами скрывается результат их истинных духовных открытий и духовного опыта. И эти слова можно в полной мере приложить к

тем описаниям начала Сотворения мира, которое приведено в мандейских текстах гораздо более подробно и осязаемо, чем, например, в еврейской Книге *Бытие*, где самые первые строки этой книги являются прямым заимствованием из египетских гимнов Сотворения мира. С тем исключением, что у евреев отсутствует самый первый этап такого «египетского» Сотворения, а все начинается со второго этапа, – с того Бога *Элохима*, который создает мир своим *Словом*. Мы сейчас процитируем некоторые отрывки, касающиеся *ниргуна-Брахмана* (как уже было сказано, в еврейской Книге *Бытие* этот этап отсутствует полностью), из книги леди Дровер «Сокрытый Адам», – книги, которая, как уже помнит читатель, входит в упомянутый выше сборник (с. 255):

Картина меняется, сливается с другой, расплывается перед нами по мере того, как автор рассматривает каждый раз под новым углом зрения *Parsufa Rba* – «Великую Иманентность» или «Великое Спокойствие», – эпитет, относящийся к Великой Жизни... Великая Жизнь описывается как *nukraia*, буквально, «чуждый», в смысле «отстраненный, непостижимый, невыразимый».

И далее идет речь о сотворении мира (с. 256):

Гинза описывает сотворение как «восклицание» или «крик», «зов». «Через слово Твое (*mimra*), вещает *Гинза*

Рба, обращаясь к царю Света, «все было явлено в жизни». Первые две страницы описывают Высшую Жизнь, Великую Жизнь (не путать с «царем Света», – Г.Б.), пользуясь в основном негативными терминами. Великий *Parsufa* не имеет ни партнера, с которым он мог бы разделить свою Корону, ни помощника для исполнения Своей Власти. Это «Свет без Тьмы», «Жизнь выше живущих», «Слава выше славы», «Жизнь без смерти» и многое другое.

И в завершении приведем еще один отрывок из *Гинзы Рбы* (там же, с. 257):

Во имя Жизни и во имя Первой Сущности, которая была старейшей и предшествовала появлению Воды, Света и Славы; Сущность, которая кричала Его голосом и (произносила) слова. Виноградные лозы выросли и стали живущими; и Первая Жизнь была установлена в своей *skinta* («шкинта», что означает «жилище», «обиталище», «шекинах», «святилище» – Прим. 19 на с. 363)... Первая Жизнь была раньше Второй Жизни на шесть тысяч мириад лет; а Третья Жизнь древнее любого Утра (=Духа) на шесть тысяч мириад лет. Есть то, что бесконечно. В то время не было твердой земли и не было обитателей в темных водах. Из них, этих темных вод, образовалось и появилось Зло.

Итак, мы имеем традиционную египетскую схему Сотво-

рения мира, состоящую из трех этапов, но выраженную по-мандейски: первый этап – *Великая Жизнь* (та самая *Жизнь*, имя которой необходимо произносить мандею перед единением со своей женой, – *Г.Б*), второй этап – *Царь Света*, имеющий в своем арсенале творящее «Слово», и третий – просто «Третья Жизнь», во время существования которой и появилась «твердая земля», «темные воды» и «Зло». Разложим это все на наши духовные категории: *Великая Жизнь*, Она же *Parsufa Rba* или «Великое Спокойствие» – это и есть *ниргуна-Брахман*. И когда Иисус говорит «и найдете покой душам вашим», Он имеет в виду приход человека именно к этому конечному состоянию всего Бытия. *Царь Света*, он же *Элохим* Книги *Бытие*, – это *сагуна-Брахман* классических *Упанишад*. И, наконец, «Третья Жизнь» – это, если следовать все той же Книге *Бытие*, есть Бог иудейской религии, *Яхве*.

Мы упомянули «египетскую схему» и в двух словах ее объясним. В соответствии с «Мемфисской космогонией» вначале существовал безжизненный океан-бездна *Нун*, потом появился Бог *Птах*, который сначала создал «души ка» еще не существующих богов, а затем помыслил в сердце своем и *создал словом своим* – он произнес имя «Атум». И в тот же миг бог *Атум* родился из Первозданного Хаоса. То есть здесь тоже налицо трехступенчатая картина создания мира.

Единобожие или отрицание принципа развернутого (ступенчатого) сотворения мира, – это ошибочное представление, которое рождено специфическим переводом еврейской

Торы на греческий язык *Септуагинты*. Причем, сама идея единобожия напрямую заимствована евреями у египтян, и скорее, у фараона Эхнатона, который впервые в истории человечества стал поклоняться единому Богу *Атону*. И именно такое ошибочное представление иудеев стало восприниматься христианами в качестве духовного *акмэ* и «истины в последней инстанции». Эстафету единобожия Эхнатона подхватили именно иудеи, а затем – но уже в абсолютной форме – мусульмане. Христианское же «единобожие» в виде *Троицы* всегда вызывало вопросы и критику у представителей иных религий. И если рассуждать по аналогии с христианством, в таком случае и у иудеев их «единобожие» состоит из *Двоицы*: Бога *Яхве* и Духа-*Руах*.

Наличие трехступенчатой системы Сотворения мира в развитых религиях вовсе не означает, что мандеи, как, например, иудеи, просто переписали в свою «Библию-*Гинзу*» что-то из сокровищницы знаний других народов. Точно так же, как не скопировали этот египетский опыт творцы индийских *Упанишад*. Структура духовного мира одинакова для каждого народа нашей земли. И те народы, которые этого уровня достигали, запечатлели его в своих духовных памятниках.

И пока я вижу только три таких народа: египтяне, мандеи и индийцы. А теперь уже и русские. Опыт у всех один. Почему русские? Потому что эта книга никогда бы не была написана без участия *живого* Серафима Саровского. И как по-

нимает мудрый читатель, это не пустые разговоры.

Итак, вернемся к тем двум словам, которые встречаются в приведенном ранее высказывании Иисуса дважды. Первое, которое мы уже рассмотрели, – это «покой». Второе – «иго», «ярмо». Любому, читающему этот текст на русском языке, невольно приходит в голову известное словосочетание – «татаро-монгольское иго». Но подобное понимание очень далеко отстоит от подлинной сути этого греческого слова (*δζυγος/δζυγον*) и того содержания, которое вкладывает в него сам Иисус. Приведу ряд однокоренных значений этого слова из самого большого русскоязычного словаря, составленного И.Х.Дворецким и вышедшего в свет в советское время, когда на Церковь не было никакой оглядки (Древнегреческо-русский словарь, Т. 1, Государственное издательство иностранных и национальных словарей, Москва – 1958, с. 737):

δζυγον – 13) пара; *какта дζюга* – парами, попарно;

δζυγοο – 1) соединять ярмом, *т.е.* подчинять, покорять;

δζυγιος – 3) сочетающий браком, соединяющий в брачный союз;

δζυγεο – быть выстроенным, (стоять) в две шеренги.

Любому здравому человеку понятно, что словом *δζυγος* Иисус вовсе не дублирует имеющиеся уже в тексте слова «обремененный» и «ноша». То «ярмо», которое он возлагает на плечи мужчины в своей проповеди о Царстве Небесном

действительно кажется непосильным: он предлагает своему последователю всю жизнь прожить в «паре» с одной женщиной, причем, даже если она окажется самодуркой, взбалмошной, больной, или глупой. В конечном счете, сам мужчина выбирает ее в спутницы жизни. Но в том случае, если это «ярмо» будет человеком сознательно на себя одето, впоследствии, уже по жизни, человек поймет, что оно действительно «легкое» (*элафрон* – «нетрудное», «незначительное»). Почему? Потому что параллельно с земной жизнью этого человека у него, *на равноправной основе*, будет существовать жизнь духовная, наполняющая содержанием и его земную жизнь.

И последнее слово этого высказывания – *христос*. Мы с ним уже знакомы. Но, пользуясь случаем, приведем цитату из книги «Иисус Христос в документах истории» (Издательство «АЛЕТЕЙЯ», Санкт-Петербург, 1998, с. 160):

Римский историк и писатель Гай Светоний Транквил (ок. 70 – 140 гг. н.э.) известен нам главным образом по своему труду «Жизнь двенадцати цезарей». В этом сочинении содержатся биографии римских императоров...

Упоминание о некоем Хресте в связи с народными волнениями в Риме ок. 50 г. н.э. находится в биографии императора Клавдия (41 – 54 гг. н.э.). Идентифицировать этого Хреста с Иисусом Христом крайне сложно. То, что Светоний пишет “Chrestus” вместо “Christus” вроде бы свидетельствует о том, что речь идет о каком-то другом лице, не основателе

христианства...

Однако с давних пор предпринимаются попытки отождествить Светониева Хреста с Иисусом Христом и представить дело так, будто бы речь идет о христианской агитации среди евреев. В свое время Орозий (V в.), цитируя это место, просто исправил Chrestus на Christus. Позднее в церкви стали даже рассматривать императора Клавдия, как защитника христиан, т.к. он изгнал иудеев из Рима будто бы за то, что они не признали Христа. Немало сторонников отождествления Chrestus-Christus и теперь. Так, например, указывается, что *произношение через "е" – Chrestiani* (христиане, – Г.Б.) *часто встречалось на Западе Империи вплоть до III века...*

Делаются, впрочем, предположения, что Chrestus – это мессианский титул, и под ним разумеется если не Иисус Христос, то какой-то иной еврейский деятель, притязавший на роль Мессии. Вряд ли верно и это. Латинизированное Chrestus (или Chrestos) происходит не от Христос... но от *хрестос* (гр. «добрый», «счастливый»).

Уважаемый читатель, ты только представь себе, что в те далекие времена, которые нас интересуют, явился бы вдруг на земле человек, который бы стал убеждать всех людей во-круг, что ему, как и Моисею, открылся Бог, но уже не в кусте *терновника*, а ярко-красной *калины* (намек на мой любимый Калининград) и поручил ему объявить всему миру, что разрешается жить только «один – на один», а все сверх

того – «от лукавого». Вы представляете себе реакцию на это всех мужчин, но не только, а и всех «стыдливых женщин»? Да его бы тут же «на вилы подняли», как говорят в нашем скромном народе. И действительно, подобной «проповеди» никто бы никогда не понял и не поверил.

Поэтому Иисус, как «щит», выставляет вперед свое Царство Небесное – *басилейя тон уранон*: упоминание о нем встречается у *Матфея* 49 раз. Но и это Царство никто из окружающих иудеев не понял. Все были уверены в том, что он ведет речь об ожидаемом всем Израилем *малькут шаммаим*, что переводится с иврита на греческий язык как *басилейя тон уранон*, то есть то же самое «Царство Небес», которое проповедовал Иисус. Но евреи понимали это как Царство Израиля, которое установит пришедший еврейский Мессия, – он придет и водрузит власть (справедливую) евреям на всей земле. Ведь недаром, хотя уже и тайком, говорят, что евреи, как и русские, – это мессианский народ.

И если Иисус свое «Царство» так скрывал от чужого глаза, то насколько этот интимный вопрос был замаскирован?! Ведь даже для высшего мандейского священника – *ганзибры* (аналог нашего епископа) – разрешалось иметь три жены. И обосновывалось это, скорее всего, тем, что *рухи* этих трех жен «складывались» вместе, и именно такой «большой женской духовной силе» может соответствовать «огромная» *нишмита* этого великого священника. Но факт остается фактом – три жены.

Кстати сказать, мусульманское предписание о «трех женах», скорее всего, берет свое начало от этого примера из жизни мандеев. Мусульмане считали свою религию и своего Бога более сильными и поэтому разрешили иметь трех жен рядовому мусульманину. То, что у самих иудеев с этим вопросом никогда не было «заморочек» – «лишь бы чужого наследника не подкинула», – это исторический факт. Пример, – святой Давид, который отхватил красавицу Вирсавию у законного мужа Урии, а его самого послал в бой на заведомую смерть. Но и у ромеев в этом вопросе все было очень «толерантно». А в Древнем Китае – и подавно, причем, публичные дома всех сортов появились там в самые ранние времена. «Сексуальный разгул» притих только после того, когда европейцы наградили Китай своими венерическими заболеваниями, которых в Китае до этого не было.

У восточного падишаха вообще целый гарем имелся! А тут – одна единственная! Да поневоле заплачешь от обиды... Таким образом, мы объяснили читателю, что это жесткое требование Иисуса не могло, и не может быть отражено в *Евангелиях* «открытым текстом». Ведь оно даже сегодня отвергается, на практике, подавляющим большинством человечества.

Продолжим рассмотрение евангельского текста, имеющего прямое отношение к мужу и жене. Мы уже коснулись вопроса развода в главе 19 *Евангелия от Матфея*, а теперь обратимся к *Нагорной проповеди*. Здесь тоже есть интересное

для нас место. Сначала мы процитируем сам текст, но при этом в некоторых местах приведем в скобках соответствующее греческое слово. Зачем мы это делаем, читатель скоро увидит. Дело в том, что по непонятной для нас причине эти важные и *намеренно акцентированные* в греческом тексте грамматические тонкости почему-то вообще не принимаются во внимание богословами в их комментариях и объяснениях. Для уточнения смысла перевод в некоторых местах даем своими словами (Мф. 5:31-37):

Сказано также, что если кто отпустит/разведется с женою своею, пусть даст ей разводную. Я же говорю вам: всякий [муж], отпускающий жену свою, кроме [неисполнения своего] слова (*λογος*) блудного (*порнея* – «блуд») подает ей повод прелюбодействовать (*мойхеуо*); и кто женится на разведенной, прелюбодействует.

Опять (*палин*) слышали вы, что сказано для древних: не преступайте клятвы, но отдавайте Господу (а не невесте, – *Г.Б.*) клятвы свои.

А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно Престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя. Ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни единого волоса сделать белым или черным. Но да будет слово (*хо логос*; см. слово *логос* без артикля выше, – *Г.Б.*) ваше: да, да; нет, нет, а что сверх этого, то от лукавого.

Здесь Иисус тоже акцентирует свое особое «я», хотя смысл был бы понятен и без этого местоимения. Весь приведенный выше отрывок посвящен одной и той же теме: поведению мужчины по отношению к женщине, в том числе своей невесте. Во-первых, слово *палин* – «опять» – в греческом языке используется для того, чтобы связать между собой в единое целое два соседних отрывка, рассматривающих одну и ту же тему. Оно ставится в том случае, если речь идет не о новой теме разговора, а в продолжение уже высказанного. Далее, в начале этого высказывания Иисус использует слово *логос* без артикля, а в самом конце – то же самое слово, но уже с артиклем – *хо логос*. А это, по законам греческой грамматики, свидетельствует о том, что речь в конце отрывка идет о том же самом «слове», что и в начале.

Попробуем коротко это объяснить. Иисус говорит о том, что тот, кто разводится, нарушает свое слово любви и верности, которое всякий жених дает своей невесте. Далее, ссылаясь на еврейское Писание, он заявляет, что оно требует от мужа, чтобы тот не клялся в своей верности невесте, а давал обещание своему Господу (например, «я никогда ее не покину, потому что ее дал мне Ты»). И уже от себя, зная, что все подобные обещания не стоят и «ломаного гроша», он требует: не клянись вовсе никому, потому что ты не в состоянии выполнить свое обещание, и обрекаешь себя на то, чтобы стать клятвопреступником. Поэтому твои слова – это

«да, да» или «нет, нет», и не больше того. То есть на слова невесты: «Ты меня любишь?», – «Да». «А ты меня не бросишь?», – «Нет».

Иисус трезво отдает себе отчет в том, что подавляющее большинство мужчин его требование не выполняют, но просят человека хотя бы не болтать своим языком, «как помело». При этом следует иметь в виду, что в известной фразе: «Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда» (Мф. 12:36), он использует уже другое греческое слово – *рэма* (в переводе тоже означает «слово») вместо слова *логос*, то есть это его высказывание не имеет никакого отношения к рассматриваемому нами отрывку. *Рэма* – это больше об отношениях человека с «иным миром», а *логос* – с миром «земным».

Перейдем к рассмотрению очередного высказывания Иисуса о правильном отношении мужа к жене. Оно интересно тем, что известные слова Христа о том, что он «пришел принести меч» наконец-то будут поняты правильно. А то, ведь, наиболее ретивые его последователи уже давно обзавелись этим «мечем» и размахивают им направо и налево, ссылаясь на авторитет этих самых слов.

Не думайте, что [Я] пришел принести мир на землю, не мир пришел [Я] принести, но меч. Ибо [Я] пришел разделить (*дихадзо* – «делить на два», «ссорить») человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги че-

ловеку домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, недостоин Меня (Мф. 10:34-37).

Приведем в дополнение к этому параллельные строки из *Евангелия от Луки*:

Думаете ли вы, что [Я] пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение: Ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться: трое против двух и двое против трех; отец будет против сына, и сын против отца; мать против дочери, и дочь против матери; свекровь против невестки своей, и невестка против свекрови своей (Лк. 12:51-53).

К этому совсем не лишним будет добавить слова Иисуса из *Евангелия от Фомы*:

Иисус сказал: Может быть, люди думают, что я пришел бросить мир (*эйрене*) в мир (*космос*), и они не знают, что я пришел бросить на землю разделения: огонь, меч, войну. Ибо пятеро будут в доме: трое будут против двоих и двое против троих. Отец против сына и сын против отца; и они будут стоять как единственные (*монахос*, правильнее по смыслу «единые», – Г.Б.) (*Фома* 17/16, перевод М.К.Трофимовой).

К *Евангелию от Фомы* мы обратимся позже, а сейчас посмотрим, что означают эти слова Христа. Но ведь тут и думать особенно нечего, все предельно ясно. Но для того, чтобы читатель все правильно понял, постараемся придать его мыслям нужное направление. Все евангельские речи Христа, за исключением непосредственного разговора с женщиной, обращены исключительно к мужчине. И слово «человек» в его речах – это только мужчина, но не женщина. Возможно, по той причине, что греческое *χο ανθρωπος* – это существительное мужского рода.

Помните его слова? – «Из-за этого оставит *человек* отца и мать и будет приклеен (именно так, а не «приклеится» сам, что противоречит грамматике греческого языка. Кем же он «будет приклеен»? – Богом *Элохимом*, – Г.Б.) к женщине своей и будут двое в плоть одну. Так что уже не есть двое, но плоть одна. Итак, что Бог вместе *запряг*, человек пусть не разделяет (букв. «не ставит отдельно») (Мф. 19:5,6). Здесь «человек» – это мужчина, *χο ανθρωπος*. И пусть читатель припомнит себе то «иго/ярмо», которое Иисус предлагает этому человеку «взять на себя». В приведенном отрывке из *Матфея* мы видим то же самое греческое слово – «запряг». И слова «будет приклеен» вовсе не означают, что этот человек теперь станет ходить по улицам города со своей женой слипшись воедино, как «сиамские близнецы», а то, что будут *склеены воедино* их духовные тела *ка*.

Иисус – это первый проповедник земли, который поднял

статус женщины на ту высоту, которая никогда прежде не была ей предложена, а значит, достижима. Именно по этой причине его сопровождали многие женщины, а какая-то часть из них принадлежала к его любимым ученикам. Это отношение и конкретные примеры по-прежнему можно увидеть в *Евангелиях от Фомы и Филиппа*, но искать их в канонических *Евангелиях* было бы бессмысленно, потому что официальная Церковь с самого своего рождения выбрала приоритетом жизнь монаха, а следовательно, все «смущающие» места были из *Евангелий* удалены. В том, что *Евангелия* и послания Павла были отредактированы Церковью, документально свидетельствует дело Маркиона в Риме. Следует также иметь в виду, что *Евангелия* писали мужчины, а в то время статус женщины в обществе был незавидным.

В патриархальном иудейском обществе в семье существовала жесткая иерархия. Отец мужа – главный, ему беспрекословно подчиняется сын. Мать – всегда вместе с отцом, и никогда ему не противоречит. Невестка сына – «никто и звать ее никак». Она подчиняется не только отцу сына, но и свекрови, и своей матери. То есть молодые полностью лишены всяких прав в этой патриархальной семье и не могут иметь своей собственной воли. Ведь сын, как правило, зависел от отца и в материальном отношении.

И как, при таких условиях, «слепить» в единого человека мужа и жену? И ведь такое «слепление» должно происходить и налаживаться именно в начальный период жизни молодых,

когда все ярко и впервые. И кто из нас не знаком с такими случаями, даже сегодня, когда свекровь откровенно разрушает молодую семью, если ей не понравилась невестка и если все они живут в одном доме? А что делать в этом случае сыну? Он, как мячик или теннисный шарик, прыгает от одной любимой женщины к другой, стараясь их примирить. Но часто бывает так, что женщина-мать оказывается слепой, и всеми силами старается оставить сына «при себе», чтобы он слушался именно ее, а свои дела и просьбы жены исполнял в последнюю очередь. И отец сына, если он не мудр, чаще всего встает на сторону матери.

А невестка, молодая женщина, – ей тоже хочется быть хозяйкой в своей семье, и она по-своему права, но еще, как правило, наивна и неопытна. И это – довольно обычная картина, поэтому молодым необходимо *делать все для того, чтобы жить отдельно от родителей*. Очень редко бывает так, чтобы мать, уже взрослая женщина, проявляла бы мудрость и сглаживала невестины «выкрутасы», стараясь уступить и все вопросы решить миром и любовью. Ей следует урезонить свою ревность и отдать своего любимого сына его молодой жене. И понять, что сейчас – именно жена, а не она для него «свет в окошке». В Советском Союзе была хорошая поучительная песенка на эту тему, с правильным поведением матери:

Помнишь, мама моя, как девчонку чужую

Я привел к тебе в дочки, тебя не спросив,
Строго глянула ты на жену молодую,
И заплакала вдруг, нас поздравить забыв...

Сегодня таких песен уже нет. Вот об этом и говорит Иисус: двое – это молодые, а трое, которые против них, – это мать и отец сына и мать невестки. Разве не были они самыми близкими и родными людьми для молодых до образования новой семьи? Разве не обливается кровью сердце сына, когда он видит свирепую или потайную подлую вражду между двумя любимыми существами? Иисус именно ему говорит: возьми меч и разруби свою прежнюю связь с родителями, если они сеют вражду между тобой и твоей женой. У тебя единственный выбор, если ты хочешь жить в соответствии с повелениями Бога (*Элохима*, а не *Яхве*, заметь, читатель!), – остаться со своей женой и именно ее поддерживать. Объясняя ей отдельно, в чем она не права, если это действительно так.

А далее следует очень знаковое продолжение: *«Кто любит отца или мать более, нежели Меня...»*. Перечисляются все наиболее близкие и любимые для человека люди. Но при этом среди них всех нет еще одного любимого человека – нет *жены*. Почему? Неужели упустил из виду? Какая глупость! Из этого высказывания однозначно следует, что молодому мужу *можно любить жену больше Иисуса Христа* и при этом остаться «достойным Его».

Почему так? Иисус обращает речь к молодой аудитории. Он прекрасно знает, по собственному опыту, *что такое* молодая жена для мужа. Ведь фактически, это не просто любовь, – это та самая *агана*, которую человек испытывает к Богу. На этом семейном опыте муж учится той же самой *агане*, которую он, уже повзрослев, будет испытывать к своему живому наставнику – к Богу Иисусу Христу. Иисус прекрасно знает, что все уладится и встанет на свои места, ко всеобщему благу. Всему свое время.

Перейдем к другому отрывку. Это уже совершенно откровенное высказывание Христа, непристойное в монашеском обществе. И именно по этой причине оно уже давно толкуется неправильно, по принципу: вижу белое, но это черное.

От дней же Иоанна Крестителя Царство Небесное силою берется и употребляющие усилие восхищают его (Мф. 11:12).

Это синодальный перевод, и как здесь все возвышенно и прекрасно! Ведь читая такой текст, можно подумать, что именно монах, а не мирянин, берет это Царство «силой». Хотя, конечно, нам не совсем понятно, что это за «сила» такая, которую мы должны употребить по отношению к Царству. Как нам ее в себе определить, чтобы не ошибиться в выборе этой силы? Обычно так говорят, когда эта сила направлена по отношению к чему-то внешнему, а не внутрь себя само-

го. Так кого же, по указанию Иисуса, нам надо бороться этой силой?

Древние люди были прямее нас, сегодняшних. Мы об этом уже вели речь. И если Иисус говорит, например, про «задний проход», то и называет это впрямую «задним проходом»: «Всё, входящее в рот, в чрево вмещается и в задний проход (*афедрон*) выбрасывается» (Мф. 15:17). Греческое *афедрон* по словарю И.Х.Дворецкого (Т.1, с. 272) – это *anus*. А уже в словаре латинском можно увидеть перевод этого слова: «заднепроходное отверстие». И чего стесняться и зашифровывать подобные слова через врачебную лексику? Неужели это «отверстие» не присуще всем нам без исключения? Одно слово – христианство!

Причем, следует помножить все это на то, что у мандеев – а Иисус назарей – не было этой европейской жеманности относительно всех «тайных мест» нашего тела. Ведь это именно европейское христианство поотбивало половые члены у античных мраморных статуй или лепило на гениталии греческих обнаженных скульптур «фиговые листочки». «Лицемеры» – сказал бы сегодня Иисус, если бы увидел порнографические выступления сексуально обнаженных теток, бодро марширующих в своих трусах на европейских сценах. «Голые» античные статуи и наша цветная европейская сексуализация – это картины разных эпох понимания эротики. И ведь и там, и тут – одно и то же обнаженное человеческое тело.

Правильный перевод вышеприведенных слов Иисуса будет такой:

От дней же Иоанна Крестителя Царство Небесное насилуется (*биадзо*) и насильники (*биастай*) овладевают им.

Греческий глагол *биадзо* является прямым аналогом нашего русского слова «насиловать». В греческом словаре специально указано, что слово *биадзо* – «насиловать», «овладеть силой» – имеет также значение непосредственного действия по отношению к женщине. И что из этого следует? Да, Иисус, конечно, не глупее нас, и это его «не совсем правильное» (по мнению богословов) выражение можно обратить и к общим усилиям человека, предпринимаемым с целью достижения Царства. Но разве мудрый Иисус, если бы он действительно прославлял монашество, не мог подобрать для этого случая слово поскромнее? Ведь греческий язык так богат в части лексикона! Наверное, не мог. Потому что без *этого*, как и при наличии *прелюбодеяния*, Царства Небесного не достигнешь. И по этой причине он гонит от молодых их отца и мать: ему надо слить воедино *нишимту* мужа и *руху* жены. Вы обратили внимание, как сказано у *Фомы*: «они будут стоять, как *единые*».

Очередное высказывание Иисуса:

Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет;

и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит (Мф. 12:25).

Здесь речь все о том же Царстве Небесном, которое достигается соединением мужа и жены – «мужского» и «женского». Но если «царство разделится само в себе», – если муж и жена разойдутся или будут жить вместе по необходимости, но как чужие друг другу люди, это Царство Небесное «не устоит».

Еще одно похожее высказывание, но уже из *Евангелия от Фомы* (логий 76 (72), перевод М.К.Трофимовой):

[Некий человек сказал] ему: Скажи моим братьям, чтобы они разделили принадлежащее моему отцу со мной. Он сказал ему: О, человек, кто сделал меня тем, кто делит? Он повернулся к своим ученикам, сказал им: Да не стану я тем, кто делит!

И здесь Иисус тоже говорит о том, что принадлежащее Отцу-*Элохиму*, который от начала (*an'архэс*) создал «мужское» и «женское» в едином Адаме, – он «делит» надвое – на «мужчину» и «женщину», как это сделал Бог *Яхве*, – не будет. То есть и здесь речь о муже и жене.

Приведем последнее высказывание Иисуса из *Евангелия от Матфея*, в котором встречается слово «жена»:

И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли («поля», — Г.Б.), ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную (Мф. 19:29).

Непонятно... Только что, в этой же главе, он убеждал, что «от начала» (*an'архэс*) Бог сотворил единое «мужское» и «женское». А теперь предлагает человеку самостоятельно «разделить» это единство, «оставив» жену? Он же самый много раз убеждал своих слушателей «не прелюбодействовать», а теперь вместо той жены, от которой муж уйдет «ради Него», предлагает ему «получить во сто крат», то есть, сто проституток? Удивительно, как всей этой очевидной нелепости не увидели те церковные деятели, которые в соответствии с новыми, монашескими установками, правили евангельский текст.

В мире уже столетие и больше существует европейское Библейское сообщество ученых, которые тщательно рассматривают и систематизируют все имеющиеся древние рукописи Нового Завета и найденные отрывки, и пытаются искусственно реконструировать первоначальный текст Нового заветного канона. В результате их работы издается так называемый научный текст *Nestle-Aland*, который является общепризнанным во всем мире. Наша же Церковь ориентируется на ту средневековую версию Нового Завета, которая досталась ей от Византийской монашеской Церкви. В научно вы-

веренном тексте слово «жена» уже давно исключено из этого евангельского места, а наша Церковь «жену» по-прежнему оставляет в своих тиражах.

Вот и решился этот вопрос о присутствии слова «жена» в процитированном нами отрывке.

Супружеские отношения в

Евангелии от Фомы

В 1946 году (удивительно, но это год моего рождения) на весь мир прогремело сообщение о том, что в египетских пещерах рядом с поселением Наг-Хаммади найдены сосуды с хранящимися в них древними свитками на коптском языке. Это была целая библиотека, которая и получила впоследствии название по своему местонахождению – Библиотека Наг-Хаммади. Среди этих весьма разношерстных текстов, многие из которых дошли в хорошей сохранности, но большинство из которых не представляет никакого интереса для здравого ума, находились две бесценные духовные жемчужины: *Евангелие от Фомы* и *Евангелие от Филиппа*.

И, тем не менее, научное сообщество все тексты этой библиотеки целиком сознательно «замесило в один замес», назвав все это «гностической библиотекой». То есть не возрадовались в общем ликовании, что вот, наконец, мир имеет текст того древнейшего *Евангелия*, которое стояло у истоков *Евангелий* канонических. Нет, бросили на землю, как окурочек, и старательно затерли подошвой, чтобы скрыть свое преступление.

То же самое произошло с опубликованными в начале прошлого века мандейскими текстами. Сенсация! Обнаружены новые древние тексты, в которых фигурирует имя «Хри-

стос»!.. Тишина... Главная книга мандеев *Гинза Рба* («Великое Сокровище») после первоначального перевода на немецкий язык, выполненного сотрудником леди Дровер, только недавно впервые переведена на язык английский, а в христианской России даже не знают, что она когда-то существовала на земле.

И это – тот же самый «каток», но уже рукотворный. Что ж, похвально: берем пример у обожаемых нами «высших сил», причем, сами не сознаём того, что втоптываем в грязь кредо того человека, которого мы, европейцы, лицемерно превозносим: «Я есмь *Истина*» (Ин. 14:6).

Да ладно уж! У англичан в их «всемирном» языке даже этого слова никогда не существовало. И англоязычные вообще не знают, что такое *Истина*. В их голове такого понятия просто не существует. И как после этого им читать *Евангелия*? И что они могут вообще понять в этом «простеньком» тексте? О чем говорить? И с кем разговаривать? Это и есть весь без исключения европейский мир. И Россия, красавица, – ты тоже приемная доченька этого мира.

Евангелие от Фомы – это набор отдельных высказываний Иисуса, который в этом тексте ни разу не назван Христом, потому что назарей Иешуа в действительности никогда «Христом» не был. Любопытный человек должен благодарить Бога, что переводы с коптского на русский появились во время безбожного Советского Союза. В сегодняшнее время их бы вряд ли опубликовали: и по той причине, что

современные жители России больше не интересуются евангельской темой, но и Церковь такие дела не приветствует.

Евангелие от Филиппа имеет меньшую ценность для исследователя. Это уже более поздний текст, который представляет собой размышления первоначального христианина над теми истинами, которые получили распространение после появления канонических *Евангелий*, еще не правленных Церковью под монашество.

Мы не сделаем никаких сенсаций тем, что приведем выдержки из этих текстов. Однако читатель увидит, насколько точно они ложатся в канву всех наших прежних рассуждений. Начнем мы с *Евангелия от Фомы*. Фактически, у нас в России существует единственный общепризнанный перевод этого текста, выполненный М.К.Трофимовой, ныне покойной, которому мы и будем следовать. Объективно говоря, другого перевода и не требуется. Причем, в этом переводе, в силу простоты исходного коптского текста, мы вряд ли найдем какие-то сокровенные тайны, намеренно скрытые автором по причине расхождения с мнением официального богословия. Но при этом терминологию можно конкретизировать.

Добавим ко всему этому, что первоначально текст *Евангелия от Фомы* был составлен на греческом языке, свидетельством чему является не только сама лексика коптского текста, но и содержание так называемого *Оксиринхского папируса*, в котором содержатся отдельные высказывания из

этого *Евангелия*, но уже на исходном греческом языке. Обнаруженный в тайнике коптский текст *Фомы* не был разбит на отдельные высказывания (*логи*); впоследствии француз Ж.Доресс выделил в этом тексте 118 пунктов, которым и следовала М.К.Трофимова в своем переводе. Затем в европейском сообществе была введена новая разбивка текста уже на 114 пунктов, и именно она стала общепринятой на Западе. По нашему мнению первоначальный вариант разбивки более логичен, и, тем не менее, мы приводим в скобках номер высказывания, исходя из деления текста на 114 пунктов.

У нас нет намерения подробно рассматривать весь этот текст, – это отдельная большая книга, – но пусть поверит нам читатель, что, наверное, 40% всех высказываний этого *Евангелия* перешло в канонический текст в виде притч Христа, а часть из них – слово в слово. Более того, ничего «гностического», что противоречило бы истинной проповеди назаряея о Царстве Небесном, в этом *Евангелии* нет. Есть темные места, которые трудны для понимания только по той причине, что они связаны с духовным миром, от которого человечество, при активном содействии ранней официальной Церкви, давно уже бежит, «как черт от ладана».

Уже при зарождении официальной Церкви она испытывала суеверный страх перед теми *Элевсинскими мистериями*, которые в это время буквально главенствовали во всем средиземноморье, имея самый большой авторитет среди народов этого мира. А рядом, в Риме, процветала и набирала

силу полуперсидская религия *Митры Непобедимого Солнца* (вспомним при этом египетского Бога *Ра* или Бога *Атона* и еврейского *Адона*, – все они «Солнце»), в которой тоже были свои мистерии, и которая, как пишет Фаддей Францевич Зелинский, была серьезным «соперником христианства». Само слово «мистерия» ужасало первоначальную Церковь, которая видела в этом священнодействии язычников главную силу и реальную угрозу своему могуществу. И Церковь пошла по проверенному пути: если не можешь победить, адаптируй и приспособь под свои условия.

Фактически, Церковь во многом скопировала церковный обряд богослужения у мандеев и митраистов, превратив его в нечто среднее. И у мандеев, и у служителей *Митры* в их религиозных обрядах не было тех подлинных *мистерий*, которые существовали в Элевсине, или о которых говорит Иисус в *Евангелии*. Поэтому древнее слово «мистерия» превратилось в Церкви в обряд крещения или причастия, который доступен для всякого любопытного взгляда.

Храм *Телестерион*, который простоял в Элевсине 1200 лет (а возможно, и две тысячи, как пишут профессиональные исследователи), был разрушен в V в. н.э. «людьми в черном», – теми христианскими монахами, которые безжалостно отбивали «срамные места» (чисто христианское выражение) у прекрасных греческих статуй. Слава Богу, у изваяний Афродит и Венер отбивать было нечего, – такой уж создал Бог женщину, – а иначе мы сегодня не восхищались бы иде-

альными пропорциями прекрасного женского тела в музеях мира.

С тех пор женское и мужское было наглухо замуровано в серые одежды, и даже в начале XX века европейские женщины купались в море, облаченные в шорты-штаны по колено и во «взглядо-непроницаемую» кофту. «Фиговый листочек», прикрывающий мужской член, разросся в христианском лесу «стыда» до невероятных размеров. Монашество! Монашество! Для которого страх увидеть обнаженную женскую грудь.

В *Евангелии от Фомы* гораздо больше подлинно мистериального, чем в тексте канонических *Евангелий*. Но и здесь, как и у синоптиков, в одном из высказываний Иисуса открыто фигурирует греческое слово «мистерия». Скорее всего, это слово пришло в Грецию из Египта, а у иудеев, которые не понимали его истинного значения, так как в иудаизме *подлинных* мистерий никогда не существовало (как и в официальной христианской Церкви), это слово стало означать нечто вроде «тайны».

Мы начнем цитировать это *Евангелие* с самого конца, и читатель поймет, почему мы это делаем.

118 (114) Симон Петр сказал им: Пусть Мария уйдет от нас, ибо женщины недостойны жизни. Иисус сказал: Смотрите, я направлю ее, дабы сделать ее мужчиной, чтобы она тоже стала духом живым, подобным вам, мужчинам. Ибо

всякая женщина, которая станет мужчиной, войдет в Царствие небесное.

Иисус, понимая духовную незрелость своих апостолов, упрощает вопрос, делая главный акцент на том, что женщина тоже войдет в Царство Небесное, как и мужчина. Но вспомним текст *чжсана* 10 из *Дао Дэ цзина*: «Небо открывается и закрывается, можешь ли быть, как самка». Иисус предлагает женщине стать мужчиной, а китайский текст наоборот: мужчине предлагает стать женщиной. И в одном, и в другом случае – это допустимое упрощение, так как оба текста слишком короткие, чтобы развернуть полный ответ. На самом деле речь идет о мужской *нишиимте* и женской *рухе*, которые, соединяясь вместе, лишаются своих муже-женских признаков. Иисус говорит о том, что он «направит» Марию к мужу, то есть объяснит ей, в чем смысл жизни любой женщины на земле. Но не растолковывает все это «простаку» Петру. Все равно ничего не поймет.

Этот разговор Иисуса с апостолами происходит, судя по всему, ближе к концу проповеди, то есть уже после того, как Иисус окончательно осознал, что его ученики «бестолковы» (*асюнетой* – «непонятливый», «неразумный», «глупый»; Мф. 15:16). Слов Иисуса о том, что муж и жена будут «в плоть едину» Петр так и не понял по своей рыбацкой простоте. И как можно показать таким людям, что женщина – тоже человек, и что она тоже имеет возможность войти в

Царство Небесное, как и Петр? Вот так, по-простому, чтобы даже ум не надо было напрягать над решением этой задачки.

При этом следует отметить, что Иисус, судя по этим коптским *Евангелиям*, больше благоволил женскому полу, чем своим нерадивым ученикам. В *Евангелии от Филиппа* даже сказано, что Иисус любил Марию и целовал ее: «*Господь любил Марию более всех учеников, и он часто лобызал ее уста*» (Филипп 55 (59), перевод М.К.Трофимовой). А апостолы его к ней ревновали и говорили: «*Почему ты любишь ее более всех нас?*». У кого-то из читателей может возникнуть вопрос: как же он мог ее целовать, если у него в прошлом была жена? Но и Серафим Саровский тоже целовал проходящих к нему монахинь, хоть и был девственником, в отличие от назаря Иешуа. И в христианских *агапах* тоже все целовались со всеми. Но разве мы не целуем своих родителей или детей? Поцелуй поцелую рознь. И если у Иисуса к этому времени давно умерла жена, то он мог целовать Марию, как любимую женщину. В этом нет ничего предосудительного для нормального мужчины. Целовал так же, как, например, поэт Эдгар По целовал свою Вирджинию. Мы уже привыкли видеть в сегодняшних сериалах только «поцелуи взасос» у «любящей» пары (какая же эта пара, к хренам, любящая? – Они или бессовестные лицедеи, или им бы до постели поскорей добраться!), и думаем, что других, естественных человеческих поцелуев уже не существует.

И нам не следует страшиться того, что для мужчины, на-

пример, эти якобы «незаконные» поцелуи – *внутренне* это вовсе не то же самое, когда мы, например, прикладываем к документу печать своего юридического общества. Единственно чего нам следует опасаться, – чтобы такие поцелуи не стали прелюдией к сексуальным побуждениям. А любой сердечный поцелуй – это дарение своего духовного «я» другому человеку, передача ему *своей* жизненной энергии. Это бескорыстный подарок. И мы, мужчины, можем любить всех женщин земли, любить их по нашей природе.

Вообще тема *энергетической сущности* человеческого естества – это отдельная большая тема. Все мы, люди земли, – это ходячие «энергетические машины», и даже между незнакомыми прохожими на улице происходит постоянный взаимообмен этими энергиями. Но особенно это актуально для семейной пары. Интимные отношения – это «атомный взрыв» наших энергий и их мощная взаимная передача от мужа к жене и обратно. И именно это, в первую очередь, «склеивает» воедино духовные тела мужа и жены. По мере взросления семейной пары женщине, как *рухе*, все больше и больше требуется прямая энергетическая подпитка от мужа. *Любящего* и *любимого* мужа, добавлю. И если муж духовно незрелый человек, женщина добивается этого, например, посредством своей *истерики*. Добавлю, что она делает это на подсознательном уровне, не понимая глубинного характера скрытых процессов в своем организме. И не следует воспринимать это исключительно как болезнь нервов: муж

должен воспринимать это как продолжение процесса «слепления» для совместного достижения Царства. Но мало кто сегодня понимает все эти сложные в духовном отношении вопросы.

Продолжим наши исследования. Знающий *Евангелие* читатель, осведомлен о том, что только о Петре сказано, что его теща лежала в горячке (Мф. 8:14; Мк. 1:30), и Иисус ее исцелил. То есть Петр женат. Но почему-то мы не видим его жену среди учеников или спутников Христа. И в этом тоже «заслуга» Петра: это косвенно свидетельствует о той роли, которую он отводит женщине. И в этом он похож на Конфуция (но у Конфуция не было рядом Иисуса). Отсюда его слова: «Женщины недостойны жизни».

И, тем не менее, вот что говорит Иисус именно ему, женатому человеку:

Я (*это*) говорю тебе: ты Петр, и на этой скале (*петра* – «камень», «скала») построю собрание (*эклесиа* – «народное собрание») Мое, и ворота Ада не осият его. Дам тебе ключи Царства Небес, и что *свяжешь* на земле, будет *связано* на небесах, и что *развяжешь* на земле, будет *развязано* на небесах (Мф. 16:18,19).

Не будем говорить о том, как понимают эти слова богословы, рисующие апостола Петра, стоящим в рубище у дверей в Рай со связкой амбарных ключей на кушаке, а скажем, как их

понимает сам Иисус. Здесь следует осмыслить главные глаголы высказывания – «связывать», «развязывать». Мы уже рассматривали вопрос фарисеев к Христу: «Можно ли человеку разводиться с женой?». Слово «разводиться», которое мы видим в переводе, – это художественное толкование текста, а в греческом подлиннике – *απολυσαι*, от глагола *απολυω* – «отвязывать», «освободить». И в этих словах Христа, обращенных к Петру, тот же самый корень глагола *λυω* – «развязывать». Когда Иисус говорит «свяжешь» – это уже греческое *δεω* – «связывать», «привязывать». Но в греческом языке существует выражение, производное от этого глагола: *δεδεμαι γυναικι* – «соединиться с женой», «быть женатым».

А следовательно, Иисус говорит Петру следующее: «Именно ты – основа того фундамента, который я утверждаю на земле. Именно у тебя, имеющего жену, есть ключи от Царства Небесного. И если “свяжешь” себя с ней на земле, попадешь в Царство. А если “развяжешь” себя с ней на земле, – и в небе ничего не получишь». И ведь как точно сказано: если Петр с женой действительно унаследуют Царство Небесное, то уже ни в какой Ад возврат им невозможен (*«и врата Ада не осият...»*). Оба они – вне досягаемости «катка».

На эту тему существует четкое высказывание Иисуса из *Евангелия от Фомы*:

75 (71) ...Иисус сказал им: Я разрушу этот дом («разде-

ленный надвое», – Г.Б.), и нет никого, кто сможет построить его еще раз.

Если Петр не «свяжет на земле» то, что требует от него Иисус, в таком случае – даже после попадания Петра в Рай после завершения земной жизни – этот его «дом» будет «построен заново», и уже в который раз. Церковь не видит в канонических текстах такие высказывания Иисуса, которые свидетельствовали бы о реинкарнации (ранее индусов об этом же явлении говорили египтяне, а уже после них, – тот греческий Пифагор, который двенадцать лет обучался у египетских жрецов), а они в этих текстах существуют, причем, в открытом виде. Но вернемся к *Фоме*.

27 (22) ...Иисус сказал: Когда вы сделаете двоих одним... и когда вы сделаете мужчину и женщину одним (*ya yom*), чтобы мужчина не был мужчиной и женщина не была женщиной... тогда вы войдете в Царствие.

58 (53). Ученики его сказали ему: обрезание полезно или нет? Он сказал им: Если бы оно было полезно, их отец зачал бы их в их матери обрезанными. Но истинное *обрезание в духе* обнаружило полную пользу.

Иисус – это назарей, а мандеи категорические противники любого калечения человеческого тела. «Но пророк Моисей никогда не делал себе обрезание: также этого никогда

не делал пророк Иисус, т.к. Иисус был из нашей секты назареев, а они не допускают увечья» (THE MANDAEANS OF IRAQ AND IRAN by E.S.DROWER: OXFORD AT THE CLARENDON PRESS, 1937, p. 268, *перевод наш*) – это слова современного назарея из книги Е.С.Дровер «Мандеи Ирка и Ирана». Однако мы помним, что у евангелиста Луки уже появились строки о том, что «по прошествии восьми дней» младенца Иисуса обрезали (Лк. 2:21). И это тоже церковная доработка текста: этих слов не было в первоначальном варианте *Евангелия от Луки* у Маркиона, и их нет также у других синоптиков. И еще одно примечание: Иисус противопоставляет физическое обрезание иудеев духовному обрезанию *рухи*, результатом чего и является *Руха-д-Кудша* (Дух Святой).

65 (61) ...Саломея сказала: Я твоя ученица. Иисус сказал ей: Поэтому я говорю следующее: Когда он станет разрушенным, он наполнится светом, но когда это станет разделенным, он наполнится тьмой.

Смысловое содержание таково: когда забор/перегородка/различие между «мужским» и «женским» в семейной паре окажется разрушенным, их совместный Адам наполнится светом *Миров Света*, но когда «мужское» и «женское» станет разделенным, – он наполнится *Тьмой*.

79 (75) Иисус сказал: Многие стоят перед дверью, но един-

ственные (*монахос* – правильное, «единые») те, которые войдут в брачный чертог.

«Брачный чертог» – это уже не земное, а небесное единение «мужского» и «женского» в Адаме, сотворенном *Элохимом*.

91 (87) Иисус сказал: Несчастно тело (мужчины, – *Г.Б.*), которое зависит от тела (женщины, – *Г.Б.*), и несчастна душа (*нишимта* мужчины, – *Г.Б.*), которая зависит от их обоих.

97 (93) Не давайте того, что свято (брак, единение, – *Г.Б.*) собакам, чтобы они не бросили это в навоз...

Та книга, которую держит сейчас в руках читатель, эту заповедь Христа нарушает. И я делаю это осознанно, прекрасно понимая, какую реакцию она может вызвать у большинства читателей. Эта книга написана не для большинства. Она – для молодых.

110 (106) Иисус сказал: Когда вы сделаете двух одним, вы станете Сыном человека (Адамом по мандейской терминологии, – *Г.Б.*), и если вы скажете горе: Сдвинься, она переместится.

117 (113) Ученики его сказали ему: В какой день Царствие приходит? Иисус сказал: Оно не приходит, когда ожидают. Не скажут: Вот здесь! – или: Вот там! – Но Царствие Отца распространяется по земле и *люди не видят его*.

Это ответ Иисуса той Церкви, которая все еще ожидает Второго Пришествия. Но это также и ответ иудею Павлу, который *не увидел этого Царства*, несмотря на то, что оно было у него «перед глазами». Или, может быть, Церковь полагает, что Царствие Небесное – это Рай, а Второе Пришествие – совсем другое? Но в таком случае, для чего проповедовалось это Царство, о котором все евангельские речи Христа, если Второе Пришествие – это главное, и оно все равно состоится для всего человечества без исключения. Или он, придя на землю, всех тех, которые «достойны», тоже одарит этим «Царством» безо всяких *мистерий*? Ведь об этих *мистериях* он сам говорит, как о чем-то *самом важном*. И при этом оперирует выражением «Царство Небесное», а не известным ему словом «Рай». «Второе Пришествие» – это иудейский термин «опечаленного» апостола Павла, который, как и все иудеи, горевал о разрушении римлянами Иерусалима и Храма Бога *Яхве*, и который выдумал идею о повторном приходе посланника *Яхве* в мир евреев. Этой терминологии и этих обещаний в словах евангельского Христа нет.

Что-то в логике церковных богословов не сходится. Напомним еще раз, что греческое *парусиа* – это не «Пришествие», а «присутствие». То есть ни о каком своем «*Втором Пришествии*» не говорил даже тот Иисус Христос, который является «литературным героем» канонических *Евангелий*. Человек должен «ковать» это Царство сам, для себя самого и своей жены, пока он живет на земле, а не «делать добро»

или «сидеть на завалинке», ожидая чуда, когда он вдруг станет свидетелем этого Пришествия. «*Спасись сам и тысячи вокруг тебя спасутся*» – так говорит наш преподобный старец Серафим Саровский.

Позволим себе в конце нашего рассмотрения коптских текстов сделать некоторые выписки и из *Евангелия от Филиппа*.

6 (6) Когда мы были евреями, мы были сиротами, у нас была только мать (*руах – Дух женского рода, – Г.Б.*). Когда мы стали христианами, у нас появились Отец (*Элохим, – Г.Б.*) и мать («Дух Святой», – *Г.Б.*).

10 (9) Свет и тьма, жизнь и смерть, правое и левое (*логично добавить: добро и зло, – Г.Б.*) – братья друг другу. Их нельзя отделить друг от друга. Поэтому и хорошие – не хороши, и плохие – не плохи, и жизнь – не жизнь, и смерть – не смерть. Поэтому каждый будет разорван в своей основе от начала (от Адама в Раю человек «разорван» на мужчину и женщину, – *Г.Б.*). Но те, кто выше мира (мира Бога *Яхве, – Г.Б.*), – неразорванные, вечные (это те, кто следует проповеди Христа, и достигает состояния *Брахмана, – Г.Б.*).

17 (18) Некоторые говорили, что Мария зачала от Духа Святого. Они заблуждаются. Того, что они говорят, они не знают. Когда бывало, чтобы женщина зачала от женщины?..

71 (76) Когда Ева была в Адаме, не было смерти. После того, как она отделилась от него, появилась смерть. Если она

снова войдет в него и он ее примет (!, – Г.Б.), смерти больше не будет.

73 (79) Чертог брачный – не для животных и не для рабов и женщин оскверненных (имеющих нескольких «мужей», – Г.Б.). Но он для мужей свободных и дев.

78 (86) Если бы женщина не отделилась от мужчины, она бы не умерла вместе с мужчиной. Ее отделение было началом смерти. Поэтому пришел Христос, дабы снова исправить разделение, которое произошло в начале, объединить обоих...

79 (86) Итак, женщина соединяется со своим мужем в чертоге брачном (в «спальне новобрачных», – Г.Б.). Ибо те, кто соединился в чертоге брачном, более не будут разделены...

96 (102) Был Отец в Сыне и Сын в Отце. Таково есть Царствие Небесное.

Но ведь это и есть самое точное определение *мистерии* Царства Небесного!

Истина и правда, совесть

В современном бездуховном языке слова *истина* и *правда* – почти синонимы. Можно сказать, что использование слова *истина* сегодня свидетельствует о большей эмоциональности высказывания, а у части представителей того языка, в котором это слово присутствует, это слово может означать «окончательную правду», «правду возвышенно-поэтическую» и даже «правду Вселенскую». Образованные люди, – люди философского склада, которые знают языки, – делают различие между субъективным знанием и знанием объективным. В этом случае в их представлении субъективное знание отражается словом «правда», а объективное – «истина». Но в любом случае для подавляющей части простого народа, который далек от философских рассуждений, существует только слово «правда». Исчезновение духовного мира из жизни современного человека привело к такому положению вещей, что те народы, в языках которых этого слова нет (например, англоязычные или поляки), не замечают этой беды и относятся к отсутствию слова *истина* так же равнодушно, как и к постепенному угасанию слова *совесть* в своем лексиконе.

Нивелирование этих двух маркеров состояния духовного уровня человека – слов *истина* и *совесть* – активно происходит и в современной России. Но, например, в дореволюци-

онной России, в романах Достоевского слово *совесть* присутствует как само собой разумеющееся, и без знания этого явления, как «Отче наш», читающий будет воспринимать произведения Достоевского как занимательные детективы с любовными интригами. То же самое можно сказать и о великой русской поэзии. Например, поэт Серебряного века Иннокентий Анненский по праву назывался «поэтом совести». Вот заключительное четверостишие, взятое из его стихотворения «В дороге»:

Дед идет с сумой и бос,
Нищета заводит повесть:
О, мучительный вопрос!
Наша совесть... наша совесть...

Вопрос *совести* особо актуален в сегодняшней России. Или еще одно стихотворение, но уже Алексея Константиновича Толстого, которое датируется 1858 годом:

В *совести* искал я долго обвиненья,
Горестное *сердце* вопрошал довольно —
Чисты мои мысли, чисты побужденья,
А на свете жить мне тяжело и больно.

Читатель видит, что А.К.Толстой говорит действительно о *совести* и правильно понимает это слово, потому что вопрошает свое *сердце*. Вопрошает так, как будто спрашивает это у другого человека. И большинство читающих эти стихи, прекрасно понимало, о чем он говорит. Чтение подобных стихотворений и художественных произведений поне-

воле заставляло человека обращаться к взгляду внутрь себя – уже к своей собственной *совести*. И ведь ни Достоевский, ни Анненский вовсе не имели намерение кого-то назидать. Они писали о своем, о своей *совести*, которую ранило чье-то поведение или какая-то картина, увиденная ими на улице, или собственное тяжелое состояние. Здесь следует сказать, что настоящая русская поэзия – это обязательно что-то такое, что затрагивает вопросы *совести*. И то, что у сегодняшнего читателя пропал интерес к классической русской поэзии, это маркер исчезновения *совести* в нашем новом русском государстве. Маркер исчезновения *духовности*.

В романе «Евгений Онегин» главный герой, ловелас и праздный прожигатель жизни, отвечая Татьяне на ее чувство, назидательно заявляет:

Поверьте (*совесть в том порукой*),

Супружество нам будет мукой.

То есть он (а значит, и сам А.С.Пушкин) знает, что такое *совесть*. Онегин напрямую апеллирует к *совести*, как к высшему судье. И именно по этой причине он не пользуется предоставленной возможностью соблазнить доверчивую и «по уши» влюбленную в него «дикарку».

А вот, например, поэма Н.А.Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Семеро деревенских мужиков задались вопросом:

Кому жить любо-весело,

Вольготно на Руси?

И отправились бродить по городам и весям, задавая этот вопрос представителям разных сословий. Встретили на дороге тройку помещика и задали ему этот вопрос. И вот как он им начинает отвечать:

Я дал вам слово честное

Ответ держать по совести,

А не легко оно...

Следовательно, и этот помещик, и даже сами крестьяне имеют правильное представление о *совести*. И интересно было бы послать таких крестьян с их вопросом по сегодняшней Руси. Чтобы ответ тоже был «по совести».

Можно привести в этом ряду и раннее стихотворение М.Ю.Лермонтова («Первая любовь», 1830):

В ребячестве моем тоску любви знойной

Уж стал я понимать душою беспокойной;

На мягком ложе сна не раз во тьме ночной,

При свете трепетном лампы образной,

Воображением, предчувствием томимый,

Я предавал свой ум мечте непобедимой.

Я видел женский лик, он хладен был как лед,

И очи – этот взор в груди моей живет;

Как совесть душу он хранит от преступлений...

И последний пример – поэт К.К.Случевский. Это совершенно особый случай, если говорить о *совести*. Поэт, недооцененный у нас в России, – довольно яркая звезда на поэ-

тическом небосклоне страны. Но если Сергея Есенина или Николая Гумилева, например, предпочитала аудитория молодежная, то К.Случевский привлекал публику повзрослее.

Мужчину поэтического склада души всегда притягивает колдовство женского очарования. Без этого поэтов не бывает. И насколько тонко чувствует К.Случевский женскую природу! Нет такой наблюдательности даже у гениального А.Пушкина. Я не знаю другого русского поэта, который мог бы так незаметно, но безошибочно подмечать в женщине исконно присущее ей любовное чувство.

Но в то же самое время понятие «совесть» у этого поэта не имеет такой ясности и определенности, как, например, у того же А.К.Толстого. Алексей Константинович пишет о совести и знает, что такое совесть, а Константин Случевский – скорее всего, нет. И подтверждением этому является его жизненная линия.

В человеке одновременно существует два сильных природных магнита. Второй – это женщина. Если побеждает второй магнит, мужчина *никогда* не получит опыт «расширения сердца». В мужчине Случевском победил магнит устремления к женщине. У него на протяжении его жизни было, *по факту*, три полноценных «жены», причем, от второй, официальной, он имел пятерых детей. Прожил с этой женщиной двадцать лет. Потом, как говорится, «бес в ребро», – оставил и жену, и детей и ушел жить к третьей, с которой жил гражданским браком, родив от нее дочь. И кроме

этого, как вспоминает первая его взрослая дочь (от второй жены), у него было много «увлечений». Обычно эту неприглядную сторону интимной жизни К.Случевского биографы стараются обходить стороной, останавливаясь исключительно на этапах его поэтического творчества. Да и мы бы не стали копаться в его постельном белье, если бы отношение мужчины к женщине не имело *прямой* связи с духовным ростом человека.

По современным меркам К.Случевский представляет собой разновидность «добропорядочного прелюбодея», если выражаться евангельско-демократическим языком. Ни Пушкин, ни Есенин, ни Случевский опыта «расширения сердца» не имели и руководствовались в своем поведении тем понятием «совесть», которое было привито им воспитанием и обществом. При этом отношение мужчины к женскому полу – это один из тех базовых ориентиров, по которому можно судить о получении этим мужчиной опыта «расширения сердца».

К.Случевский прекрасно исследует сексуальную сторону женского характера, но не видит женскую душу в целом. И в этом он является противоположностью Ф.Тютчеву и А.К.Толстому, которые воспринимают женщину как единое целое, – как отдельную вселенную, в которой одновременно присутствует и любовь, и эрос, и женская душа, имеющая принципиальное отличие от мужской.

Вот пример понимания совести у К.Случевского («Из

дневника одностороннего человека»):

Ни одно лицо не скажет,
Что под ним таится;
Никогда простых и ясных
Слов не говорится;

*Ни одна на свете совесть
Не чиста от пятен,
Ни один на свете смертный
Чувством не опрятен!*

Правда есть в твоих лишь глазках
Женщина кудесник!..
Ей приемник мой поверит,
Верил мой предместник...

Конечно, в этом случае можно сослаться на то, что К.Случевскому всегда было присуще обостренное чувство иронии. Но это не имеет никакого отношения к его словам о совести. Что такое мандейская *нишиимта* («частица света») или *атман* Упанишад Индии? В человеке это проявляет себя как «голос совести». *Камертоном* совести ранних христиан являлось поведение и жизнь монахов. *Евангелия*, подтвержденные благообразной монашеской жизнью, давали европейскому человечеству ориентир (*направление*) совести. И простые христиане, и богословы не воспринимали это *направление* в качестве подтверждения личного знания совести, а понима-

ли это как отвлеченные христианские «моральные принципы». «Поступать не по совести» – это нарушать общепринятые моральные принципы.

«Нечистой совести», как это заявляет в своем стихотворении К.Случевский, не бывает по самой ее сути, – так же, как не бывает «испачканного золота». *Атман* нечистым не бывает, как не бывает нечистой «частица света» назареев. Выражение «нечистая совесть» могло появиться только потому, что понятие совесть было привито христианскому человечеству внешне, через воспитание, а не через получение конкретным человеком опыта «расширения сердца». По мере исчезновения в человечестве истинного, *сердечного* христианства естественным образом *облупилась* и его «внешняя покраска» – правильное понимание совести, знание которой уже некому было «подкрашивать», возобновлять в каждом новом поколении. Поэтому слово «совесть» в человечестве исчезает. В мире завершилась живая монашеская жизнь, с которой напрямую контактировали лучшие представители общества, – исчезло в таком новом обществе и представление о совести. Поэтому в сегодняшней «смене эпох» ведущая духовная роль в христианстве переходит к семейной паре.

Еще один пример из К.Случевского со словом «совесть», и тоже неправильный (из цикла «Лирические»):

О, Господи! В этот предутренный час
Ты в сердце горящем огни погаси,

Виновную совесть Ты Сам допроси,

Ты Сам оправдание ей усмотри...

К.Случевский не понимает даже такого простого положения вещей, что истинная *совесть*, осознаваемая человеком в своем сердце, всегда *выше* того Господа, к которому этот поэт с пафосом взывает, используя множество заглавных букв. Не бывает «виновной совести», – бывает виновный человек, поступающий *не по совести*. Совесть – это *вселенский эталон*, на который равняется духовно зрелый человек. Животное не знает понятия «совесть», и по этой причине его держат в узде. Даже в том случае, если такое животное внешне повторяет облик человека. «Человек» – это не то, что внешне, а то, что внутри. И разъяснение этим вопросам исчерпывающе дано в *Евангелии от Фомы*.

Как у музыканта существует *камертон*, по которому он настраивает звучание струн своей скрипки, так и у *человека* существует совесть, которая является камертоном его жизни. И если фальшивит скрипач, это вовсе не означает, что у него был «камертон с пятнами» или что в этом «виновен камертон». Следует констатировать очевидный факт, что в своих отношениях с женщинами К.Случевский этот «камертон» не слышал.

Даже после безбожной революции 1917 года страна не забыла это слово, и одним из главных лозунгов коммунистической партии был: «Партия – это ум, честь и *совесть* нашей эпохи». Почему революционная партия большевиков вдруг

вспомнила о совести в своем главном послыле народу? Ведь вовсе не по той причине, что эта совесть беспрестанно терзала грудь руководящего большевика. Конечно, нет. Они, эти новые начальники страны, держали «нос по ветру», и говорили о том, что было актуально в стране в то время. Ведь были и такие прекрасные люди, как, например, замечательный Павел Корчагин. Народ России в то время был *христианским*, хоть и непочтительно относился к «попам» православной Церкви.

Сначала у человека, который пробуждается от духовной спячки, начинает проясняться понимание того, что есть *истина*; но сразу следом за истиной рождается другое духовное знание – *совесть*. И уже как результат реакции внутри человека на эти свершившиеся явления – появляется понятие о *чести*. Сегодняшняя Россия не знает, что такое *истина*. В этой новой России уже нет ни *совести*, ни *чести*. Причем, я не имею в виду представителей простого народа, а так называемую «элику» России, которая выросла на беззастенчивом воровстве, приватизационных аукционах и бандитских разборках 90-х. Впервые за тысячелетнее существование *богоизбранной Руси* «перестройка» вытолкнула наверх российского общества самые *бессовестные* слои населения.

Подобное отношение верхов к повседневным вещам поневоле развращает уже и сам народ и предлагает ему следовать подобным установкам в своей хозяйственной, а затем и личной жизни. Печалиться особенно не о чем: мы «трясём-

ся» в одном *потребительском* вагоне со всем европейским человечеством, и всех нас ожидает одинаковая участь. И все мы уже давно стали «Константинами Случевскими» в своем совершенно безответственном отношении к супружеской жизни. На первое место в этом вопросе у всех нас выходит всеми уважаемый английский *sex*.

За прошедшие тридцать пять лет мы, русские, страшно изменились и стали совершенно другим народом, – народом без *стыда* и *совести*. Перестройка, с ее эгоистическими идеалами, с ее катастрофическим, молниеносным разделением всего населения страны – «вдруг!» – на нищих и сверхбогатых («из грязи – да в князи»), с ее пресмыкательством перед всем заграничным и тотальным обесцениванием роли настоящего мужика, как основы традиционной крепкой русской семьи, перепрограммировала умы всего нашего народа, – как мужчин, так и женщин. Женщины – когда-то serene «бухгалтерши» и заштатные «торговки» – поднялись на верхние «пьедесталы почета» в денежном выражении, а заводские мужчины-профессионалы пошли в охранники, таксисты и дворники. Превратились в бандитов или жалких пьянчужек, потому что третьего пути дано не было.

Выросло совершенно новое поколение, *другие* люди. Лакмусовой бумажкой состояния нравственности в современной России является отношение к старикам общества, к пенсионерам из простого народа. Второй маркер – это «новая» медицина, которая является беззащитным «ковшом экс-

каватора» для отбирания денег у обедневших слоев населения. И ведь никому из врачей не *стыдно*. И иногда задаешь себе вопрос: неужели это – тот же самый *русский* народ, который раньше именовал себя *народом-богоносцем*? Который когда-то знал, что такое *совесть*?.. Нет, «*это только тягостная мреть*». Нам всем это только снится...

В этой книге мы уделили ничтожно малое внимание религии зороастрийцев. Потому что не имели права увеличивать до недопустимых размеров объем книги. А жаль! Зороастрийцы – это южные соседи предков русских, те кочевые племена ариев-иранцев, с которыми славяне на протяжении длительного исторического времени очень тесно соприкасались.

Чем отличалась вера зороастрийцев от веры других народов? Мы уже говорили о том, что, например, копты раньше всех других и более искренне восприняли христианство только по той причине, что увидели в Христе «нового *Осириса*». И давайте выкинем из своей головы окаменевший в веках постулат Церкви о том, что вера египтян в *Осириса* – это «мерзкое язычество», «вера в идолов», «бесовство» и прочие трафареты религиозной пропаганды. *Осирис* для древних египтян был подлинным Христом новозаветного времени. И *истина* в данном случае – именно на стороне этих египтян, а не на стороне Церкви. Потому что «*всему свое время*».

С русскими произошло нечто подобное. Русский народ

воспринял пришедшее к нему христианство, как свое, родное, только потому, что все предыдущее время нес в своих сердцах «утопические» идеи о справедливости, совести, вере и боге, которые почерпнул в свое время у своих южных соседей. Ведь все эти слова и понятия – «бог», «вера», «добро», «зло», «справедливость», «совесть», «истина» – наши предки заимствовали или напрямую из языка зороастрийцев, или из общения с ними. Славянские топонимы главных южных рек – Дон, Днепр, Донец, Дунай – происходят от авестийского *дану*, «вода», «река». Замечательный переводчик *Гат* Заратуштры И.М.Стеблин-Каменский пишет следующее (Гаты Заратуштры/Перевод с авестийского, вступительные статьи, комментарии и примечания И.М.Стеблин-Каменского. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009, с 31):

Надо сказать, что переводить *Гаты* на русский язык, наверное, легче, чем на европейские. Авестийский с русским грамматически и синтаксически более сходен, чем с большинством западноевропейских (в которых утрачены грамматические категории падежей и родов, отсутствуют бессвязочные конструкции и т.д.).

Конечно, следует признать, что у скифских племен, «туров», восточных славян были свои противоречия, разногласия, войны и вражда с зороастрийцами. И, наверное, именно по этой причине авестийское слово *друг* (древнеперсидское *друага*, среднеперсидское *друдж*), которое означает «ложь»

и противопоставляется понятию *Истина* «в космологическом, социальном и личностном плане», в языке русском стало обозначать совершенно противоположное. Но не это было главным в отношениях двух соседних народов.

Русский человек воспринял христианство не так, как европейцы. В проповеди Христа славяне нашли близкие понятия давно знакомым им терминам «добро», «справедливость», «совесть». И только поэтому все население Древней Руси – а это были сельские жители – стало именовать себя *крестьянами*, правильнее, если произносить это слово как раньше, – *хрестьянами*, то есть тем словом, которое происходит от «христианин». И заметь, читатель, это не от евангельского слова *Христос*, а от слова *Хрестос*, то есть первоначального имени этого проповедника.

Кто такие были зороастрийцы и чем отличалась их вера в *Духа Добра* от всех прочих религий? Они, как и восточные славяне, жили на больших просторах земли, и перед ними не стояла вечная проблема европейцев или евреев: они не боролись за сохранение или отвоевание своего кусочка земли. Еврейская или европейская внутренняя психология в этом отношении принципиально отличается от психологии древних персов и восточных славян. В чем заключалась вечная историческая проблема еврейского народа? Патриарх евреев, Авраам, вышел со своей семьей и слугами из Ура халдейского, и с этого времени главный вопрос увеличивающегося еврейского населения состоял в том, где им жить. У них

не было своей исторической земли, и по этой причине евреям приходилось все время скитаться, останавливаясь сначала в чужеродном для них Египте, затем отвоёвывая для себя у других народов Палестину, и далее принудительно переселяться в Вавилон. И, наконец, после разгрома римлянами Иерусалима – бежать в Европу, в Испанию.

И бесспорно, все это не могло не наложить определенный отпечаток на менталитет народа, на его генетический код, – выработать такие особенности, которые отличают его от менталитета иного народа. Такого, который, сколько он себя помнит, живет на своей земле и которому в своей истории никогда не приходилось решать подобные вопросы. И именно отсюда – большая агрессия, большая жестокость по отношению к инородцам и большая замкнутость внутри своей диаспоры. Все это – подсознательное стремление к выживанию рода, а не какая-то «злая характеристика» этого народа. Но фактически, и все европейцы решали ту же самую задачу. Они, и евреи вместе с ними, исторически оказались в тех средиземноморских и близких к ним землях, климат которых был наиболее благоприятен для обитания человека. Отсюда – большая плотность населения и отсюда же – частые войны за лучший удел земли. Этот менталитет европейца открыто показал себя во время колонизации Америки. Ранее этот континент был заселен индейцами, но после колонизации – индейцев фактически истребили.

Древний русский народ никогда не оказывался в подоб-

ной патовой ситуации. Случались враждебные набеги кочевников или орды Батыя, – славяне уходили в леса, на север. И после того, как эти орды откатывались назад, славяне возвращались на свои исторические места. В ДНК восточных славян следов монголоидной расы нет. Но там, где появлялись европейцы, славяне просто исчезали, что произошло, например, со всеми Балтийскими славянами или пруссами, которых истребили германцы. У нас с европейцами – разный менталитет. И менталитет русского человека изначально родственен менталитету зороастрийцев. Генетический код русского человека вобрал в себя древние зороастрийские представления о совести и справедливости. И если этот код будет разрушен, – а именно это и происходит все последние десятилетия, – Россия с карты земли исчезнет и русские растворятся в среде тех оккупантов, которые поселятся на наших землях. Отмечу к слову, что Калининград и все окружающие земли родственных славянам пруссов исторически никогда не принадлежали немцам. Сюда с «огнем и мечем» пришли крестоносцы. Так что возвращение Восточной Пруссии славянам (включая поляков) после Второй мировой войны – это, если следовать исторической правде, *торжество справедливости*.

Ожидать от европейских народов чего-то иного – это не понимать исторические процессы и мерить европейца на свой лад. Мы должны отдавать себе отчет в том, что убаюкивающие лозунги о «справедливости», «всеобщем братстве»,

«милосердии» и т.д., которые «восторжествовали» в мире в последние десятилетия, нисколько не повлияли на генетический код того или иного народа, что прекрасно видно по сегодняшним конфликтам. Также можно вспомнить, например, 1812 год или совсем недавний 1941, когда Европа в своем порыве на Восток была едина.

Русскому патриоту не следует иметь претензии к англичанам или их младшим братьям, американцам, за то, что они такие «нехорошие», и сеют по всему миру смерть и страдания. Это – такой народ, и это – их «генетический код», который позволил им властвовать на земле в последние столетия. Но время их уходит, потому что «меняется климат» и английскому «льву» уже становится негде жить. Мы, русские, (и это в *нашей* природе) – добрые «медведи», которые питаются медом, ягодой и лесными корешками. Но не дай Бог, чтобы «лев» разбудил медведя в берлоге или как-то нечаянно этого медведя обидел: разорвет в клочья! И такое уже не раз происходило в истории. Но происходило это и будет повторяться только в том случае, если русские не изменят своему генетическому коду: будут как и раньше знать, что такое *совесть* и что такое *справедливость*.

Россия – это совершенно особая от Европы и Азии цивилизация. Цивилизация своя, не похожая на европейскую. Мы только внешне одеты в такие же пиджаки, как и европейцы. Наша цивилизация – «спрятана», и она скрыта от европейского глаза. Россия, если говорить образно, – это боль-

шой айсберг, и европеец видит только его надводную часть. Он думает, что эта глыба льда вся у него на виду. Но Россия – это, скорее, необъятная подводная часть такого айсберга, – где лед прозрачнее и чище. Вверху, на поверхности, – Достоевский и Толстой, которых европеец, скорее всего, даже не понимает так, как понимаем их мы, русские. Но в самой сокровенной сердцевине этого айсберга, в его нетленной чистоте – Серафим Саровский, духовное *сердце* русского народа. И эта *чистота русской души* не известна европейцу абсолютно. И сможет ли он когда-нибудь понять все эти слова? Город Китеж, ушедший под воду... Беломорье... И это тоже наш *генетический код*. Код России.

Из всех религий мира (включая даже гораздо более сложное и противоречивое в своей подлинной основе христианство) первоначальный зороастризм – это светлая, чистая, справедливая и «простая» религия человечества. Именно в этой религии впервые на Востоке возникло важнейшее для зороастрийца понятие «совесть». Это *даэна*. Уже в *Гатах* («Гимны») Заратуштры, составленных им собственноручно и ставших духовным центром Писания зороастрийцев (*Авеста*), речь идет о том, что в эпоху «разделения» Добра и Зла (ныне идет эпоха «смешения») на землю придет Спаситель (*Сайошьянт*) всех народов и установит мир и справедливость на земле. Произойдет Воскресение мертвых и Небесный Суд над всеми душами. Зороастризм появился раньше иудаизма. Идею о приходе Спасителя, о Всеобщем Воскре-

сении и Суде иудеи почерпнули у зороастрийцев.

Гениальный еврейский писатель Матфей в своем произведении под названием *Евангелие от Матфея* соединил в одно целое проповедь назарея Иешуа *хреста* о Царстве Небесном с преданием зороастрийцев о Спасителе мира, Всеобщем Воскресении мертвых и Небесном Суде. Противоречие заключается только в том, что достижение человеком *Царства Небесного* Иешуа никак не сочетается с идеей о Всеобщем Воскресении и Суде над всеми. «*Мистерия Царства Небесного*» – это от назарея, а Воскресение и Суд – от Заратуштры. Как судить тех умерших, кто в своей земной жизни уже достиг Царства Небесного? И кто будет судить такого человека, если Иесусо-Отец уже одарил его своей *Аганой* в этой мистерии? Этого противоречия Церковь не увидела, потому что среди ее богословов и иерархов не было таких, кто получил завершающие мистерии Христа.

Зороастрийскую идею о «воскрешении» («восстании») мертвых заимствовало в свое богословие христианство. В традиционном христианстве, как и в зороастризме, не существует тех подлинных *мистерий*, о которых говорит Иисус апостолам. По этой причине Царство Небесное было приравнено к раю: богословы всегда полагали, что Христос так называет свой особый рай, который отличается от рая язычников. А далее – полная калька воззрений зороастризма. Все умершие люди – а это души тех, кто пребывает в раю и в адских безднах, воскреснут во время Последнего Суда

(«Второе Пришествие») и обретут свои земные тела. У зороастрийцев основой земного тела является костный скелет, поэтому земная жизнь в буквальном переводе с авестийского означает «жизнь костная», то есть люди воскреснут на основе своих сохранившихся в земле костей. И после суда над душой и испытания тела «расплавленным железом» все праведные – те, которые пройдут эти испытания, – будут помещены в окончательный «бесконечный» рай, а все Зло будет уничтожено. Как уже понимает читатель, подобные зороастрийско-христианские верования не имеют ничего общего с проповедью реального проповедника Иешуа *креста*.

Слово *даэна*, как об этом писал индийский ученый Джал Дастур Керседжи Парви в 1929 году, означает «совесть» или, что является тем же самым, «личную религию». И это единственно правильное понимание зороастрийского слова *даэна*.

На этом мы завершим краткий экскурс в религию Заратуштры. Он был сделан с единственной целью: показать читателю, что Россия вовсе не является «родиной слонов», в которой берет начало знание человечеством понятия «совесть». Это знание перешло к нам «по наследству» от тех древних персов, которые уже давно поменяли свой генетический код и стали другим народом – мусульманами. А *Россия своего древнего генетического кода никогда не меняла*. У персов это слово могло появиться в их лексиконе только и исключительно по причине того, что в этом народе был хоро-

шо известен опыт «расширения сердца». Об этом же свидетельствует и вся нравственная терминология зороастризма.

К сожалению, от религии Зороастра осталось мало первоначальных текстов, а те, которые имеются, на 30% не понятны исследователям. А обо всем остальном – много споров и догадок. И еще одно предположение можно сделать в этой связи. Китайская династия Шан-Инь заимствовала опыт «просветления сердца» у своих западных соседей, – у зороастрийцев, впрочем, точно так же, как и владение колесницами. Китайскому менталитету подобные «внутренние изыскания» были чужды, что было исторически проиллюстрировано жизнью и проповедью знаменитого Конфуция.

Итак, вернемся к началу нашей статьи. Слово *истина* и слово *правда* пришли к нам, «европейцам», из времен античности. Поскольку нас интересует преимущественно евангельская проповедь Христа – ведь именно она наглядно показывает духовное становление человека, – мы будем вести разговор о том греческом языке, на котором эта проповедь состоялась.

По-гречески слово «правда» – это *дикайосюне*, а «истина» – *алет^hейя*. Начнем с «правды». Это – всецело земное слово. Оно ведет свое начало от слова *дикадзо* – «вершить суд», «судить», «выносить приговор». Однокоренное с ним слово *дикайос* – «чтущий законы», «честный», «справедливый», «истинный». Читатель обратил внимание, что в современном словаре здесь появился перевод в виде слова «ис-

тинный», которое, по мнению составителей словаря, является синонимом слова «правдивый». *Дикайо-прагео* – это «по-ступать справедливо», «быть честным». «Справедливость» – это понятие общественное, понятие социальное.

Слово *алет^hейя* присутствовало в греческом языке и до проповеди Иисуса. Его использовал, в том числе философ Платон, который писал о своих «идеях». Словарное значение этого слова по «Греческо-русскому словарю», составленному А.Д.Вейсманом (Издание пятое. С.-Петербург, 1899, с. 51, *репринт*), это «истина», «правда», «справедливость», «правдивость», «действительность». Естественно то, что в современных словарях – и это несмотря на то, что они издаются уже после эры Христа – в число значений этого слова всегда входит и слово «правда». То есть в современном понимании *алет^hейя* – это и «истина», и «правда» одновременно.

Этимология слова *алет^hейя* приведена в «Древнегреческо-русском учебном словаре» (русская версия А.К.Гаврилова), который является адаптацией немецкого словаря, составленного Томасом Майером и Германом Штайнталем (СПб., Издательство “Нотабене”, 1997, с. 65). Согласно этому словарю, слово *алет^hейя* – это одна из форм слова *лант^hано* – «быть скрытым», «оставаться незамеченным», «оставаться в тайне», *med.* «обходить молчанием». А уже отсюда, с учетом частицы *a-*, которая означает отрицание, по этому словарю, «хэ *алет^hейя* – [‘несокрытое (на суде)‘], правда, исти-

на». Читатель, наверное, уже догадался, что наша цель – показать, что слова «истина» и «правда» это не синонимы, а *принципиально* разные понятия.

Путаница между этими словами возникла в давние времена, то есть в тот исторический период, который ознаменовался закатом духовности Древнего Египта и продолжился вплоть до евангельской проповеди Христа. Именно в эти столетия в европейском мире было утрачено значение древнего слова «истина». Это очень наглядно отразилось в греческом переводе *псалма 82* из еврейского Писания. Мы упоминаем этот псалом только по той причине, что он стал одним из своеобразных критериев понимания этих слов в европейском человечестве. Вот интересующая нас строка в переводе с текста *Септуагинты*:

Истина (*алет^hейя*) возникает из земли,
И правда (*дикайосюне*) принимается с небес.

Или в церковнославянской версии:

*Истина от земли воссия,
И правда с Небес е прин и че.*

Читатель, наверное, обратил внимание на то, что церковнославянский перевод невольно стремится как-то облагородить евангельское слово «истина», снабдив его прекрасным глаголом *воссия*. Перевод еврейского текста на греческий язык создавали сами иудеи, следовательно, такое понима-

ние, что «истина» – это нечто земное, а «правда» – небесное, это их собственная трактовка изначального текста на библейском иврите. Попробуем разобраться в этом вопросе.

В этом нам поможет «Еврейско-русский и греческо-русский словарь-указатель на канонические книги Священного Писания» (с комментариями на основе словарей Джеймса Стронга; «Библия для всех», С-Пб., 2005). На месте слова «истина» в этом псалме стоит еврейское *эмет* (№571), а на месте слова «правда» – *цедек* (№6664). Приведем выборочные значения этих слов по словарю:

Эмет («истина» по псалму) – благодеяние, верно, верность, искренно, истинное, истина, правда, справедливость, чистосердечно;

Цедек («правда» по псалму) – верный, законный, правда, праведно, правосудие, справедливый, справедливо.

Еврейский переводчик совершенно справедливо поставил греческое слово «правда» во вторую часть приведенного текста: для иудея «правда» или «закон» исходят исключительно от их Бога, то есть, «с небес». Но в первой части этого предложения слово *алет^hейя* поставлено неверно по той причине, что иудаизму, по самой сути этой религии, значение этого слова было неизвестно. И если посмотреть на перечень значений слова *эмет*, то следовало бы остановиться на

слове «справедливость» или «благоденствие». И в таком случае данное место псалма читалось бы иначе:

Справедливость возникает из земли (*то есть от людей*),
И *закон* проникает с небес (*то есть от Бога*).

Конечно, сейчас мы рассуждаем с сегодняшней точки зрения, уже зная подлинное значение слова *истина*. К оправданию иудеев, переводивших свое Писание, можно сказать, что этот перевод был сделан до проповеди Христа (по крайней мере до того времени, когда появились *Евангелия*, разъясняющие значение этого слова). И при этом нам следует иметь в виду, что и у самих греков до появления Христа слово *алет^hейя* означало все приведенное выше из словаря А.Д.Вейсмана, кроме значения «истина». Того нового значения, которое слову *алет^hейя* дал Христос, – *истина* – греки до него не знали, потому что в их языке такого понятия не существовало. Без проповеди Христа этого нового значения у слова *алет^hейя* не появилось бы и у нас. Для чего ему потребовалось слово с таким значением, читатель увидит позже. Итак, «*Что есть Истина?*».

Все то, о чем мы только что сказали, следует рассматривать в качестве вступления к теме, а сейчас мы остановимся на истории слова «истина» в религиях человечества. Иначе нам будет трудно понять его значение в евангельской речи Христа.

Впервые это понятие возникло в Древнем Египте. Мы совершенно неправильно понимаем все то, что связано с этой цивилизацией. В нашем представлении это надменные фараоны, величественные пирамиды среди раскаленных песков, храмы из огромных каменных глыб, обожествленные диковинные животные, человекоподобные боги с головами животных или птиц, рабы в набедренных повязках и их нещадная эксплуатация. Такое понимание – это, скорее всего, ошибочный взгляд эпохи «развитого социализма», проистекающий из прежних представлений о «классовой борьбе».

Цивилизация Египта на всем протяжении своего существования развивалась преимущественно «вовнутрь» человека, поэтому в ней отсутствовали какие-либо выдающиеся технические достижения. В то время как современная цивилизация даже представления не имеет о том, что что-то может существовать «внутри». Европейская цивилизация на всем протяжении своего существования развивалась только «вовне», несмотря на наличие евангельского текста. И главными для нее и ее науки всегда были железо, пар, электричество, атом, смартфон, но не человеческая душа.

Что мы можем вообще сказать о Древнем Египте? Наша современная наука даже о пирамидах ничего не знает. Зондирует их каменные толщи и исследует роботами содержимое узких вентиляционных каналов в надежде найти сокровища. Для чего они были построены? С какой целью? Утверждение о том, что Великие пирамиды были предназначены

для вечного упокоения мумии фараона сегодня не находит подтверждения даже у самих египтологов. Так что же это такое? Древние обсерватории? Генераторы или концентраторы каких-то энергий? Инструмент для связи с какими-то параллельными мирами? Почему расположение Великих пирамид повторяет карту ночного неба? Чем определяется почти одинаковый угол наклона их граней (51° - 52°)? Почему они ориентированы строго по направлению частей света?

Как древние люди могли достигать такой точности построения этих огромных конструкций из миллионов блоков? Ведь современных ученых поражает даже та точность, с которой каждая из сторон основания пирамиды – и это при ее грандиозных размерах! – отличается от другой стороны на какие-то сантиметры. Как вырезали, – каким инструментом? – эти огромные многотонные блоки из известняка и даже прочного гранита, и как доставали их из каменоломни? Как поднимали, когда строили пирамиду? Ведь не было никаких гидравлических машин. Как обеспечивали удивительную плоскостность стороны, состоящей из тысячи отдельных блоков?

Все имеющиеся на этот счет объяснения – это не более чем попытка выдать желаемое за действительное. В 1977 году был проведен *научный* эксперимент, когда было решено построить копию Великих пирамид «по технологиям египтян» – пирамиду высотой всего в *10 метров* из блоков весом *не более одной тонны*. К великому огорчению органи-

заторов проекта, эта идея с треском провалилась. Даже такую пирамиду не смогли собрать с помощью простой физической силы человека. Потребовались современные гидравлические машины. Причем, организаторы этой идеи постарались скромно убрать эти машины за кадр съемки. Напомним читателю, что высота Великой пирамиды Хуфу (Хеопса) составляет *146 метров*. Сравним: 10 метров и 146. А вес отдельных гранитных блоков, которые египтяне использовали для постройки своих пирамид и храмов, *превышает 100 тонн*.

На все эти вопросы у ученых один и тот же ответ, и при этом очень убедительный: «Наша земля покоится на трех слонах». Любой исследователь, который хоть немного окунулся в эти проблемы, прекрасно понимает, что официальная версия не выдерживает никакой критики. Эта версия поддерживается исключительно коммерческими соображениями и гордым нежеланием современной науки признаться в том, что она бессильна объяснить технические загадки «допотопного» древнего мира, который, как нам представляется, не владел даже тайнами электричества.

Ведь и удивительное свойство самой пирамиды как простой геометрической фигуры, – то, что помещенный внутри нее предмет непонятным образом консервируется, – даже это знание пришло к современным ученым только после изучения египетских строений. Объяснить это явление они не в состоянии. А египтяне знали об этом тысячи лет назад,

хотя в их языке слово «пирамида» отсутствовало. Они именовали эти свои строения духовными терминами.

Построив такие грандиозные сооружения и проживая на берегу Нила в течение тысячелетий, египтяне оставили после себя окружающую природу в первозданном виде, ничего не умертвив с точки зрения экологии. А что у нас? За двести лет мы вырубали большинство лесов планеты и отравили ее реки и водоемы. И даже в океане плавают огромные острова мусора, по размерам сопоставимые с континентами. И после всего этого мы еще пытаемся что-то высокомерно заявлять относительно цивилизации Древнего Египта?

И более того, мы – сегодняшние духовные пигмеи – говорим что-то о возможности познания египетских категорий *ка*, *ба*, *маат*, *ах*, *хемсут* и других. Наша цивилизация слишком много о себе мнит, потрясая тем смартфоном, который восторженно держит в своих руках. И если мы даже в египетском «камне» ничего не сможем осмыслить, в таком случае что мы можем сказать о «душах» египтянина? О *наших* душах, потому что душа человека не изменилась. Только то, что «земля держится на трех слонах».

Время существования Древнего Египта – конечно, не на всем протяжении развития этой цивилизации – это, скорее всего, один из самых справедливых и радостных периодов существования человека на земле во все времена, включая христианство. Никогда духовный уровень народа в целом не поднимался так высоко, как в Древнем Египте. Никогда он не

был таким мирным. *Ав иб* или мистерия «расширения сердца» была главным фактором существования этого древнего народа. И в первую очередь это относилось к высшей знати и самому фараону. И уже сверху эта «идеология» распространялась на весь народ. Самый наглядный пример воздействия этого закона на внутренний мир человека (добавим сюда еще *мистерию живого Солнца*) – это жизнь фараона Эхнатона, которого современная наука причислила к эпилептикам и умственным дегенератам. Напомним, что Достоевский – тоже эпилептик.

Но при этом мы должны отдавать себе отчет в том, что половые отношения в этой стране (и это понятно, если говорить об этапе «расширения сердца») находились на чрезвычайно демократическом уровне (фараон Эхнатон – это редкое исключение). Полигамия, многократные разводы, которые были в порядке вещей, наложницы, почтительное отношение к институту проституции, – все это свидетельствует о том, что эта цивилизация еще в те далекие времена сумела подняться до нашего высокого демократического уровня.

Но и в этом случае мы ничего не смыслим в жизни египтян и полагаем, что «бедная египетская женщина» оставалась «рабыней» своего мужа. Отнюдь. Судя по всему, египетская женщина чувствовала себя гораздо увереннее, чем женщина европейская, даже сегодня. Вот что пишет по этому поводу Маргарет Мюррей в книге «Величие Древнего Египта» (М.: ЗАО Центрполиграф, 2009, с. 107-112):

Вся земельная собственность переходила по наследству по женской линии, от матери к дочери... Муж пользовался собственностью только при жизни жены, а после ее смерти в права собственности вступала дочь... В Древнем Египте не был сформулирован закон о браке. Возраст жены не имел значения – она могла быть как новорожденным младенцем, так и пожилой женщиной...

Короче говоря, царица была царицей по праву рождения, а царь (фараон) был царем по праву женитьбы на наследнице престола.

Скорее всего, женщины занимали высокое положение благодаря экономической независимости. Они свободно передвигались... В мирное время жена сопровождает мужа во всех поездках, связанных с проверкой имеющейся собственности, следит за работой мастеров, присутствует при регистрации скота, наблюдает за полевыми работами... В период правления XVIII династии считалось естественным, что мужчины и женщины вместе сидели за столом... Муж часто брал с собой на охоту жену и детей... Следует отметить, что в сценах, где присутствуют оба родителя, обычно изображена дочь, а не сын... Даже в поздние времена, когда на Египет стали оказывать влияние чужеземные идеи, мужчины не переставали восхищаться женщинами.

Египетские женщины были не только «владычицами дома», но при желании могли получить образование. Среди

женщин были жрицы, танцовщицы, плакальщицы, акушерки. Женщины могли получить профессию врача. (Первая в истории Египта женщина-врач по имени Песечет практиковала в Мемфисе в третьем тысячелетии до н.э., – *Примеч. переводчика.*)

И именно по этой причине – потому что собственность передавалась по женской линии – до заповеди «не прелюбодействуй» египтяне не только не доросли, но часто не могли ее осуществить исходя из экономических соображений. Но также по этой причине все фараоны женились на своих сестрах, подражая тем самым богу *Осирису*, у которого женой была сестра *Исида*. Понятий «дева» или «девичья честь» в Египте не существовало, как и в нашем современном обществе. К обнаженному телу египтяне относились не как к какому-то «особому случаю» – у них просто не было христианства, – а как к норме в повседневной жизни, учитывая их жаркий климат. Женщины ходили в тонких просвечивающих насквозь длинных платьях или распахнутых спереди «халатах», безо всякого «нижнего белья», которого в те времена просто не было. Они носили свободные одежды из тонкой льняной ткани, танцовщицы выступали топлес, люди работали на полях часто без одежды, а дети ходили голышом до самой школы, где они получали свою первую набедренную повязку. Но когда становилось прохладно, например, по вечерам, египтяне использовали одеяния из более плотной

ткани.

Про семейную жизнь египтян Адольф Эрман сообщает следующее («Жизнь в Древнем Египте»; М.: ЗАО Центрполиграф, 2008, с. 19, 23):

Как правило, одна женщина бывает законной женой и хозяйкой дома, но при этом мужчина может, если его состояние достаточно велико, держать при себе и других женщин, и как правило, считается, что рабыни (?), которые служат в доме, принадлежат своему господину... Рабыня (?) считала себя опозоренной, если не «находила милость» у своего господина...

Существовал такой обычай, как и в более поздние времена, брать жену на «год кормления» – испытательный срок длиной в год, по прошествии которого брак можно было расторгнуть, уплатив определенную сумму денег.

То есть во всех сексуальных вопросах женщина Египта была «на равных» с мужчиной и даже могла проявлять инициативу. И при этом, что вполне естественно для подобного положения вещей, в Египте существовала искренняя любовная лирика.

Но вернемся к «расширению сердца». Удивительно, но такое положение дел в высшем сословии государства, как в Египте, не являлось исключением. В Древнем Китае, в династиях *Шан* и Раннее *Чжоу*, культивировался тот же самый

опыт, который назывался иначе – «просветление сердца». Вся высшая прослойка общества была посвящена в тайну этого учения, и прекрасные учебные стихи-медитации той поры до настоящего времени сохранились в древней «Книге Песен» в неповрежденном виде. И результатом именно этого древнего духовного наследия являются более поздние представления китайцев о том, что страна – это единая семья во главе с «отцом»-императором. Не было бы этого опыта, – не существовало бы и такого представления, происходящего от «конфуцианства».

И в одном и другом случае этот духовный опыт культивировался не для того, чтобы человек «стал честным», а потому что такое состояние воспринималось этим человеком как состояние высшего *счастья*, которое было невозможно достичь в земной жизни никакими другими средствами (прекрасным здоровьем, богатством, путешествиями, наложницами, славой, властью, употреблением наркотических средств). И именно отсюда те моральные нормы Египта, которые не были достигнуты ни в одном другом государстве мира за все время существования человечества.

Для того чтобы понять духовный уровень развития египетского общества, достаточно продемонстрировать ту «структуру» человека, которая зафиксирована в религиозных текстах Древнего Египта. Это стандартный набор «душ» (условное название) человека. Мы приведем сокращенную цитату из книги Е.А.Уоллиса Баджа «Египетская

книга мертвых» (Издательство АЗБУКА, СПб.: 2011, с. 40-44):

Хат – физическое тело...

Ка – слово, которое переводится как «двойник»...

Ба или «душа сердца», некоторым образом связанная с *ка*...

Аб или «сердце», было тесно связано с душой... источник добра и зла...

Хаибит, или «тень», была тесно связана с *ба*...

Ку, или душа духа, часто упоминается, когда речь заходит о *ба*...

Сехем или сила... воплощение жизненной энергии... обитала в раю...

Рен или имя... считалось важной составляющей человека...

Саху или духовное тело, которое служило обиталищем души.

В разные периоды существования египетской цивилизации те или иные части этой структуры (были и другие) выходили на первый план и составляли так называемую триаду, но при этом «души» *ка* и *ба* всегда занимали ведущее место. Сегодняшние египтологи могут читать (произносить) вышеприведенные термины иначе. Мы прекрасно понимаем, что рассуждения специалистов того времени, когда Уоллис Бадж писал эту книгу, в чем-то устарели. В качестве подтверждения можно привести прекрасную работу А.О.Больш-

шакова «Человек и его двойник» или не менее замечательную книгу А.Л.Вассоевича «Духовный мир народов классического Востока», в которой эта классификация египетских «душ», а также научное понимание значений египетских слов «сердце» рассмотрены с современных позиций.

Мы вовсе не пытаемся идеализировать древнеегипетскую жизнь и не утверждаем, что все египтяне были правдивыми и честными. Но сам факт наличия многократно повторенных нравственных египетских текстов свидетельствует о том, что в обществе существовал определенный моральный идеал, о котором знал каждый египтянин и которому человек подсознательно стремился соответствовать. Читатель, наверное, обратил внимание на то, какое большое значение в египетской структуре человека придается *сердцу*. И это значение можно сопоставить с евангельскими словами Христа, в которых тоже очень часто фигурирует это слово. Мы привели египетский перечень «душ» без той расшифровки, в которой сделана попытка хоть как-то раскрыть суть этих составных частей человека. Единого научного толкования всех этих терминов не существует.

Египтологам, рассматривающим этот вопрос, приходится рассуждать о том, о чем современный мир не имеет никакого представления. Предполагать, что наличие всех этих «душ» в текстах Древнего Египта диктовалось какими-то политическими соображениями или желанием покрасоваться перед другими народами, что это «пустые фантазии» и так далее, –

подобные предположения возможны только в рамках менталитета нашего «демократического» общества. Египетская цивилизация развивалась в своем замкнутом пространстве, и египтяне долгое время не обращали никакого внимания на те народы, которые их окружали. Строго говоря, мы перед этими египтянами – «духовные обезьяны».

Пусть читатель почитает широко известное в научном мире «Поучение Птаххотепа», полный перевод которого опубликован в XIX томе древнеегипетских текстов М.В.Панова (Литературные и историко-биографические надписи классического периода. Новосибирск: М.В.Панов, 2023 (серия: Египетские тексты, Т. XIX)). О категориях *ка*, *ба*, *ах*, *маат* в этих наставлениях говорится, как о чем-то привычном и понятном для каждого египтянина. Как у Достоевского о *совести*. Они, эти категории, как правило, даются без перевода на европейский язык. Потому что для современного читателя они *абсолютно* невняты, как это видно из приведенной выше классификации. Кроме того у египтян в их языке существовало два разных «сердца» – *иб* и *хати* (напр., «смutilось мое сердце – *иб*, а мое сердце – *хати* – его не было в моем теле», с. 228, см. также с. 326). И какое из этих «сердец» за что отвечает в нашем внутреннем человеке, мы точно сказать не можем. Как не можем сказать, какое из них имеет отношение к *совести*, и как египтяне выражали это понятие в своем языке.

Именно у этой великой цивилизации многие народы ми-

ра почерпнули знаний больше, чем у какой-либо другой. Все они на нее равнялись. Это относится, в первую очередь, к древним грекам и римлянам, персам, всему средиземноморскому бассейну, и, конечно же, к тем евреям, которые как губка впитывали в себя многие привычки и знания тех великих народов, в среде которых им приходилось длительно пребывать. Обряд обрезания, кошерное мясо, когда у жертвенного животного предварительно спускается кровь, отношение к своему народу, как к избранному, главы о *Сотворении мира* в Книге *Бытие* и многое другое, вплоть до таких мелочей, как, например, хлеб, выпекаемый в виде плетеной халы или треугольных пирожков, которые сегодня считаются традиционной еврейской пищей.

Следует повторить, что и вид буквенной еврейской (феникийской) письменности, в которой фиксируются только согласные с наличием в этой письменности трех «матерей чтения», которые частично берут на себя роль гласных, тоже имеет истоком египетское иероглифическое письмо. Египтяне были духовно выше тех «народов моря», которые заменили красивые и сложные в написании египетские иероглифы – «письмена богов» – на свои абстрактные «закорючки», именуемые буквенным «алфавитом». Конечно, с технической точки зрения это был очевидный прогресс, но с духовной – падение с «небесной ладьи» Солнца. Иератическое и демотическое письмо египтян, которое появилось после письма иероглифического, – это тоже последовательные

этапы духовного падения египетской цивилизации.

Но и те мандеи, о которых мы уже много говорили, – именно они являются, в первую очередь, истинными духовными наследниками Египта. И не просто наследниками, а тем исключительным народом, который впитал духовное знание Египта и дал ему дальнейшее развитие. *Иешуа Христос* – это не «изобретатель» спасения, свалившийся на человечество «с Небес», а только «заключительный аккорд» всей той Вселенской Симфонии человечества, в основании которой пребывает величественный мир Египта.

Древние египтяне – это восточный народ, в отличие от греков и римлян. Они чувствовали и думали своим *сердцем*, а не умом. Тем сердцем, в котором пребывает *совесть*. Они думали «в груди», а не «в голове». И мандеи – это тоже восточные люди. Русский человек – это уникальный «кентавр» среди народов мира: своим *сердцем* – он человек восточный, а умом – западный. Мы можем думать своим сердцем. Поэтому мы в состоянии понять как Восток, так и Запад, которые являются антагонистами в духовном отношении, и которые никогда не поймут друг друга. «*О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут / Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень Суд*» (перевод Е.Г.Полонской), – так писал английский поэт Р.Киплинг о вечном противостоянии Запада и Востока.

Итак, *истина* в этом величественном Древнем Египте – это *маат*. Это слово одновременно означает и *истину* саму

по себе, как абстрактное понятие, и олицетворение этого понятия в виде богини *Маат*. Это – «богиня Истины», защитница миропорядка, покровительница правосудия, – не рукотворного человеческого, а того божественного, которое руководствуется высшими законами функционирования Вселенной и земным аналогом которых является «суд по *со-вестности*». Как пишет талантливый отечественный популяризатор египетской и зороастрийской религии Иван Рак, начиная с III династии Старого царства имя *Маат* входит в официальную титулатуру фараонов. А в греческом словаре И.Х.Дворецкого (Т 1, с. 77) среди значений слова *αληθεία* читаем: «5) “истина” (сапфировое украшение, которое как символ истинности их учения, носили верховные жрецы в Египте); Диодор Сицилийский, I в. до н.э. – I в. н.э.».

По убеждению египтян, суд над умершим человеком проходил в Зале Суда или Зале *Истины* (*маат*), главным судьей в котором был *Осирис*, и заключался он в том, что на «Весах Истины» взвешивалось «добро» и «зло», совершенные человеком во время его земной жизни. На одну чашу весов клалось человеческое сердце, а на вторую – «перо *Маат*». Они должны были быть строго уравновешены. Об этом *предстоящем* суде знал каждый житель Египта. Для того чтобы мы имели представление о нравственных нормах египтянина, приведем пространную выписку из той же «Книги Мертвых» (с. 358, 359). Эту книгу в виде свитка, часто в сокращенном виде, клали в саркофаг или гроб покойного для то-

го, чтобы он руководствовался этими записями в загробной жизни.

Мы должны отдавать себе отчет в том, что вера египтянина в загробную жизнь, которая базировалась на *знании* этого многими жрецами и другими людьми, исключала такое положение вещей, которое является естественным и повсеместным в нашей современной действительности: говорить и писать одно, а думать и делать совершенно другое. Они знали свои *ка* и *ба*, как мы знаем свою «печенку». Ведь далеко не каждый из нас может похвастаться тем, что видел свою печень. И тем не менее, мы не сомневаемся в том, что она у нас есть, а не просто «верим» в это.

Также и египтянин знал о своем *ка*. Пусть читатель почитает опыт нашего известнейшего египтолога Ю.Я.Перепелкина, описанный в книге А.Л.Вассоевича. Там он сообщает, как «впервые увидел» свое *ка*, а затем из него стало «выходить» его *ба*. И далее он сообщает о своем *ах* – «привидении». И уж Юрия Яковлевича никак нельзя подозревать в невменяемости. Как пишет А.Л.Вассоевич, Ю.Я.Перепелкин – это «человек редкого скептицизма». Выписки из этой замечательной книги мы приведем немного позднее.

Сегодняшний человек может отнести к этим словам с иронией и недоверием, но это только по той причине, что такой «неверующий Фома» окончательно превратился в *животное*, утратив в человеческой «структуре души» все духовное. Суд *Маат*, суд *Истины* – это то, что невозможно об-

мануть и от чего невозможно уклониться. Вот это стандартное «исповедание *Истины*» древнего египтянина:

Приветствую тебя, о Великий Бог (*Осирис*), о повелитель двойной *Маат*, я пришел к тебе, о мой Властелин, я вошел во владения твои... Воистину я пришел к тебе, и я принес тебе *маат*, и я уничтожил зло, угрожавшее тебе. Я не совершил дурных поступков по отношению к людям. Я не обижал членов семьи своей, и я не творил зла в месте правды и *истины*. Я не был знаком с никчемными и бесполезными людьми. Я не творил зла. Я не начинал каждый день с мысли о том, чтобы заставить своих работников трудиться сверх всякой меры. Я не превозносил имя свое, чтобы добиться поклонения и почестей. Я не обращался жестоко со своими слугами. В *сердце* и мыслях моих не было презренья к богу. Я не покушался на собственность обиженных и угнетенных. Я не совершал неугодного богам. Я не порочил слугу перед лицом его хозяина. Я никому не причинял боли. Я не отказывал в хлебе голодным. Никому не приходилось плакать из-за меня. Я не совершал убийства. Я никому не приказывал убивать ради меня. Я не причинял боли никому из людей. Я не крал подношения в храмах. Я не воровал хлеба, принесенные богам. Я не похищал хлеба, предназначенные для *ху*. Я не осквернял себя в священных местах бога моего города и не уменьшал возлияний в сосуде. Я никого не обманывал при разделе земли и не присваивал чужого. Я никогда не

вторгался на поля соседей. Я не обвешивал покупателей. Я не жульничал с язычком и гирями весов, чтобы обмануть их. Я не похищал молоко у детей. Я не угонял скот с пастбищ... Я чист. Я чист. Я чист.

Вы только подумайте, что писали эти древние египтяне, когда европейцев еще не существовало даже «на горизонте»? И где у самих европейцев подобие этим нормам, кроме во-все не европейской, а мандейской морали Иисуса? И разве кто-то из европейцев когда-то следовал или следует сегодня этим моральным заповедям Христа? Никто, только декларации. Интересно было бы узнать, кто из современных людей мог бы чистосердечно подписаться под этим «исповеданием *Истины*» древнего египтянина? Какой процент населения Земли? И какой процент россиян? Мы просто «бандиты с большой дороги» по сравнению с египтянами.

Европейцам не следовало бы уничижительно относиться к «языческому» Богу египтян – *Осирису*. Подобное отношение является естественным следствием тысячелетней гегемонии христианства. *Осирис* – это истинная духовная предтеча Христа. И только потому, что Христос воспринимался коптами как «новый *Осирис*», – такой же справедливый и точно также воскресший из мертвых, – первоначальное христианство пустило корни именно в Египте. Но и в духовном отношении копты опережали европейские народы.

У зороастрийцев, которые, наверное, что-то позаимство-

вали у египтян, понятие «истина» тоже имело очень большое значение, даже исходя только из самых базовых основ этой религии: борьба Добра со Злом с целью повсеместной победы Добра на всей земле. И по верованиям зороастрийцев после смерти человека его благие и злые мысли и дела тоже взвешиваются на весах, как и у египтян. «Истина» – это авестийское *Аша* или древнеперсидское *Арта*. Это «все-универсальный закон, регулирующий природные процессы, общественные отношения, мораль и этику в личностном и социальном плане» (Иван Рак). Фактически, это дальнейшее развитие аналогичного закона мироздания в виде *рта (rita)* *Ригведы* индоариев.

Мы можем обратиться к Древней Индии, но следует с сожалением констатировать, что подлинное значение слова «истина», которое берет свое начало в законе всемирного миропорядка *р(и)та*, угасло в связи с появлением на божественной сцене богов *Тримурти: Брахмы* (не путать с *Брахманом Упанишад*), *Вишну* и *Шивы*. Сегодня слово «истина» передается на санскрите двумя понятиями (Кочергина В.А. «Санскритско-русский словарь», М.: Академический проект: Альма Матер, 2005):

с. 135, *рита* – «истинный», «правильный», «почитаемый», «освященный», «правда», «истина», «порядок», «закон», «пожертвование»;

с. 680, *сатья* – «правильный», «истинный», «надежный», «верный», «правда», «истина», «действительность», «реальность», «клятва», «заклинание».

В *Упанишадах* слово *сатья* является характеристикой *Брахмана*. Это и есть подлинная *истина* индийской духовности, которая соответствует *алет^hеи* евангельского текста. Но уже в средневековых религиях (философиях) Индии, включая знаменитую *адвайта-веданту* Шанкары, слово «истина» не акцентируется. Ее там нет, потому что это уже *мир Хозяина*. И все сегодняшнее человечество – это тоже «мир Хозяина», и именно по этой причине в наш век исчезло слово «истина».

Но для того, чтобы окончательно разобраться с этим вопросом, нам необходимо обратиться к мандейскому слову *кушта* (не путать с похожим словом в выражении *Руха-д-Кудша*, «Духа Святая»). Это мандейское слово заимствовало многие свои значения от египетского *маат*. Кстати сказать, мандейское божество, носящее имя *Абатур*, – это

Существо, фигурирующее в мистериях... Andreas в след за Вильгельмом Брандтом, этимологизирует это имя от староперсидского имени со значением «снабженный весами» либо «обладатель весов» («Сокрытый Адам», с. 313).

То есть *Абатур* – это обладатель тех же самых «весов», на

которых в египетской «Книге Мертвых» взвешивалось сердце умершего. Мы и далее намерены цитировать тех знатоков своего дела, которые профессионально разбираются в этих вопросах. Итак, что такое мандейское *кушта*?

Kušta, персонификация правды, истины, искренности, обетов и клятв, а также ритуального рукопожатия, символизирующего честные намерения (там же, с. 313).

Мишунья Кушта – это идеальный мир; мир, удаленный от нашего мира. Это мир истинного бытия, сверхкосмический высший мир идей, в котором пребывает дубликат, двойник всего того, что существует в материальном мире. Это обиталище *Ануша* (*Аниш*) или *Ануш-Утра*, в которое он вернулся после своего телесного явления в Иерусалиме (там же, с. 278).

Для того чтобы понять, как мандейское *кушта* соотносится с евангельским словом *алетейя*, обратимся к исследованиям признанного знатока мандейского мира Р.Мацуха, работа которого «Истоки мандеев» приведена в уже цитируемой нами книге «Мандеи: История, литература, религия» (с. 58, 59, 61, цифровое деление в квадратных скобках наше):

Дело в том, что *Kušta* означает в целом то же, что и *алетейя* в *Евангелии от Иоанна*. Этот термин осел в мандейском и вследствие своего сложного содержания [только] в

крайних случаях может быть переведен однозначно, так что зачастую довольствовались его простым переписыванием, и только... Ведь уже в *Евангелии от Иоанна* это слово (Kušta) переводилось на греческий, хотя понятие, которое оно выражает, восходит вовсе не к грекам. Слово *алетейя* в *Евангелии от Иоанна* не просто [1] антипод ложного. Само понятие [2] связано с *харис* – «благодать» (ср. *Евангелие от Иоанна* 1. 14, 17); это [3] выражение убедительного свидетельства, которое доступно не всем, но лишь тем, кто имеет отношение к особой «истине» (5. 33; 18. 37); это [4] цель познания некоей определяющей данности (8.32, 40, 45, 46; 26. 7, 13); это [5] средство спасения (8.32) и [6] исцеления (17.19); это [7] противоположность дьявольской лжи (14.6). Короче, *алетейя* содержит в себе совокупность взаимосвязанных и близких высших понятий, которые, с одной стороны, являются достаточно определенными, а с другой – слишком сложными для того, чтобы запросто ответить на вопрос Понтия Пилата *ти эстин алетейя* – «Что есть истина?» (Ин. 14.6). Не задает ли себе точно такой же вопрос и наше европейское мышление при анализе столь многозначного понятия, как мандейское *кушта*?..

И хотя мандейское *кушта* выступает в поздней редакции, в куда более широком и многозначном смысле, чем с виду простенькое *алетейя* в *Евангелии от Иоанна*, ни в коем случае нельзя отрицать изначальной и весьма ощутимой связи между этими понятиями, которая четко проступает в вы-

шеупомянутой мандейской формуле приветствия, встречающейся также и в *Евангелии от Иоанна* (8. 32; «И познаете истину, и истина сделает вас свободными»)...

Иисус характеризуется, а точнее – его характеризуют, как «виноградную лозу», поскольку подобная характеристика высшей сути (существа, сущности) в то время уже была вполне обычным явлением для назарейской гностической системы. И раз уж Иисус назван здесь «истинной виноградной лозой», это значит только одно: все другие виноградные лозы, известные в те времена, объявляются ложными.

Пункты [2], [3], [4], [5] и [6] не имеют никакого отношения к значению слова *правда*. Это – непосредственные указатели на результат воздействия *мистерии*. То есть Иисус придает греческому слову *αληθεια* совершенно новое значение, соответствующее мандейскому слову *кушта*, но глубинные истоки понимания этого слова следует искать в египетском представлении о *маат*.

А теперь зададим читателю такой вопрос: что делать тому человеку, в языке которого отсутствует слово «истина», а есть только «правда»? Как он может понять все наши рассуждения об «истине», включая выписки из работы Р.Мацуха? Ведь эти слова имеют принципиальное гносеологическое различие: «правда», «справедливость» – это *из головы*; а «истина» и «совесть» – *из сердца*. Причем, *сердца* не теоретического, а самого что ни на есть практического. Тако-

го, которое, в идеале, образуется у человека после мистерии «расширения сердца». Мы уже говорили, что это фактически означает узнавание своего *атмана* («дыхание», «дух», «я», «самость»), если изъясняться категориями индийской духовности. А *атман*, как утверждает тот же текст *Упанишад*, – это «свет в сердце» (Упанишады, с.[122]):

«Когда солнце зашло, Яджнявалкья, зашла луна, погас огонь и замолкла речь, какой свет [имеет] человек?» – «Атман служит ему светом – при свете Атмана он сидит, ходит взад и вперед, совершает деяние, возвращается назад».

«Кто этот Атман?» – «*Пуруша*, состоящий из познания, находящийся среди чувств, **свет внутри сердца**».

А теперь – немного о слове *совесть*. Нет сомнения в том, что это слово просто обязано присутствовать в лексиконе Древнего Египта. В этом языке существует два разных слова «сердце» и несколько слов, означающих «сознание», «ум». Европейские ученые до настоящего времени не смогли выделить слово «совесть» в древнеегипетском языке, потому что для этого необходимо иметь развитый духовный мир у самого исследователя этой проблемы. В то далекое время остальное человечество такого слова не знало, потому что отставало от Египта в своем духовном развитии. Как отставало? Не имело опыта «расширения сердца». Умер Египет – умерло и это слово. Но его снова возродил *Иешуа Христос*, повторно

обогатив человечество знанием этого понятия. Хотя сделал он это совсем по-другому, чем с понятием «истина».

Возможно, кто-то из читателей уже успел обратить внимание на тот удивительный факт, что в канонических *Евангелиях* слово *совесть* не встречается вообще. Точнее, в *Евангелии от Иоанна* есть эпизод о «женщине, взятой в прелюбодеевании» (Ин. 8:9). Иисус сидел в Храме, и к нему привели эту женщину и сказали: «Нам, по закону Моисея, следует побить ее камнями, а ты что скажешь?». На это Иисус ответил: «Кто из вас без греха, первый брось на нее камень». И все, помолчав, стали уходить один за другим, «обличаемые *совестью*». Это эпизод вставной, поздний, первоначально его ни в одном из *Евангелий* не было (сначала он, как поздняя вставка, появился у *Луки*, а затем был перенесен в *Евангелие от Иоанна*). Более того, этот эпизод, в какой-то степени, несколько затушевывает подлинный евангельский ориентир в сторону идеала «*не прелюбы сотвори*». И, кроме того, по Закону следовало бы привести на «суд» и мужчину, и женщину одновременно, а не одну женщину. И уже обоих «побить камнями». Но дело даже не в этом.

Вся проповедь Иисуса о Царстве, его моральные заповеди, свидетельствуют о человеческой *совести*, даже не называя это слово. Иисус рассчитывал найти среди иудеев именно таких, у кого уже «расширилось сердце» (вспомним его беседу с Никодимом), и именно для таких была предназначена его «Благая весть». Он постоянно говорит о челове-

ском *сердце*. Слово *кардиа* встречается в его речах несчетное число раз. И когда евангелист или сам Иисус сетует на то, что *сердце* людей «огрубело» (Мф. 13:15), или что оно «окаменело» (Мк. 6:52; 8:17; Ин. 12:40), это означает только одно: «окаменелое» сердце не в состоянии «расшириться», потому что оно – *камень*, оно мертвое, а не *живое*. Известные «страшные» слова Христа: «*Пусть мертвые хоронят своих мертвецов*» (Мф. 8:22) – это про людей с «окаменелыми» сердцами. Если сердце человека не «расширилось», значит, такому проповедовать о Царстве Небесном – это как «горох об стену». Только «расширившееся сердце» может принять в себя Дух Святой.

И все-таки интересно посмотреть, как слово *совесть* передано в этом единственном, хотя и вставном, эпизоде. Это – греческое *сюнэйдесис*. Причем, в словарях указано, что значение «совесть» действительно только в случае текста Нового Завета. В этом значении оно часто встречается в апостольских Посланиях, где именно так и переводится. Но обычное, общеизвестное словарное значение слова *сюнэйдесис* – это «сознавание», «сознание», в том числе своей вины. Какого-то другого слова «совесть» в древнегреческом языке не существует, и никогда не существовало.

Получилось так, что понятие «истина» – новое значение слова *алет^hейя* – полностью отделилось от своего мирского собрата в виде «правды». А со словом «совесть» в греческом языке такого не произошло: это слово стало полным анало-

гом слова «сознание». И тот человек, который не научен тому, что такое *совесть*, читая тот или иной греческий текст, будет воспринимать это слово как *сознание*, *осознавание*. То есть как что-то такое, что не имеет никакого отношения к подлинному представлению о «совести». Ведь и «совесть», и «осознавание» – это, в конечном счете, действительно какое-то, пусть и принципиально разное, но все-таки полученное знание, как конечный результат воздействия этих понятий. Для того чтобы простой народ это слово знал и не путал с «сознанием», необходимо, чтобы оно принципиально отличалось по своему написанию. И именно это мы наблюдаем в языке русском.

Но в английском языке произошло что-то похожее на язык греческий. Фактически английский полностью скопировал «греческую неразбериху» и перенес ее на почву своего языка. Мы уже говорили, что слово «истина» в английском языке вообще отсутствует. А теперь посмотрим на слово «совесть».

Conscience (*коншиенс*) – это, по словарям, «совесть», но одновременно и «сознание», а *consciousness* (*коншиеснис*) – просто «сознание». То есть, оба слова очень похожи в написании и произношении, причем, в толковых английских словарях объяснение смысла слова «совесть» ведется через умственный процесс «осознания», – тот процесс, которого в случае воздействия «совести» нет вообще. *В совести нет ничего, исходящего из головы*. А следовательно, для англичанина и сло-

во «совесть» имеет какое-то запутанное понимание. И как после этого они могут читать нашего Достоевского? Только как детектив.

Для того чтобы не быть голословными, приведем отдельные значения английского слова «совесть» по «Большому англо-русскому словарю» И.Р.Гальперина (М.: Рус. яз., 1979, Т. 1, с. 297):

conscience 1. совесть; 2. сознание; *public conscience* общественное сознание; *conscience money* а) сумма подоходного налога; б) деньги, выплачиваемые для успокоения совести.

Скажите мне, как можно понять буквальное английское словосочетание «совестливые деньги»? Это же тот «горячий лед», который в этой меркантильной стране пытаются *втюрить* простолюдину-лопуху как взаправдашнюю вещь! Никакую *настоящую* совесть невозможно «успокоить деньгами». И если вести речь об истинном понимании слова «совесть», то подобные словарные «объяснения» этого слова выглядят, как сущий бред. Тот, кто знает, что такое *атман*, – знает и что такое «истина» и «совесть». Кто не знает своего *атмана*, – тот знает только «правду» и ту «справедливость», которые ему привило общество, в котором он родился.

В сегодняшней России «справедливостью» является обогащение любым путем, но так, чтобы избежать скамьи подсудимых. И поэтому русский язык скоро станет «английским»

в части отсутствия всех этих ненужных дореволюционных духовных «прибамбасов» в виде «истины» и «совести», которым в ближайшее время уготован «вечный покой». И нас, русских вместе с украинцами, через несколько десятков лет можно будет с полным правом назвать «вторыми англосаксами». Слово «совесть» из нашего лексикона почти полностью исчезло, зато его место заняло великолепное английское слово *sex*. И как точно угадала этот исторический процесс наша простенькая русская присказка: «У тебя что, на месте *совести* женилка выросла?». Да, видит Бог, выросла, и не малая! Только не для нужных спасительных целей.

Наличие в лексиконе того или иного языка слова «истина», которое по своему значению противопоставлено слову «правда», свидетельствует о духовном уровне этого народа. Все народы на земле разные, при этом каждый человек земли имеет все задатки для того, чтобы обрести знание *Брахмана*. Но исторические условия развития того или иного народа, время его появления на земле, внешние обстоятельства, войны и географические условия – все это делает народы в целом непохожими друг на друга. Поэтому и духовность у народов разная. А отсюда – различие в лексиконе.

Мы говорили о том, что греческую речь Христа невозможно адекватно передать на арамейском языке. И если следовать этой написанной главе, то ее базовые евангельские представления невозможно отобразить и в языке английском. Отсюда и менталитет у нас разный – у русских и у англоязыч-

ных. Если в нашем народе все еще сохраняется значение слов «совесть» и «девичья честь», то в английском – это «справедливость», «закон» и «правила», – такие величины, которые заданы в обществе земным умом, и которые можно изменить по своему усмотрению. Потому что английское «совесть» (а такое слово в английском языке как будто тоже присутствует) – это, фактически, даже только по своему написанию, то же самое, что и «сознание», то есть некие «вычисления», производимые холодным человеческим умом.

Немного отвлечемся от рассмотрения моральных категорий. В качестве небольшого дополнения к этой главе можно сказать еще об одном греческом слове, которое приобрело в проповеди Христа новое значение. Это известное уже нам слово мистерия (*μυστήριον*). Для того чтобы читатель смог понять историю возникновения этого слова, приведем цитату из книги французского египтолога Александра Морэ «Египетские мистерии» (М.: Культурный центр «Новый Акрополь», 2009, с. 5):

Кроме ежедневных обрядов почитания богов, представители жреческой элиты проводили в египетских храмах специальные церемонии. Эти церемонии устраивались в отдаленных помещениях храмового комплекса и были приурочены к определенным датам и иным часам, нежели ежедневная храмовая служба. Греки называли их мистериями, а в египетском языке они обозначались словом *zh(w)* (*ах*, мн.

ч. – Г.Б.), что приблизительно можно перевести как «вещи священные, великолепные, полезные». Совершавшиеся для бога или человека мистерии преображали последнего в божественное существо *ах*, то есть творили «божественные вещи» – *szħw*. Именно эти церемонии греки называли египетскими мистериями.

Что же представляли собой мистерии? Эти обряды сопровождалась особыми речениями и жестами, которые (вербально и мимически) передавали определенные идеи.

А вот как раскрывает идею египетского *ах* А.О.Большаков в книге «Человек и его двойник» (СПб.: Алетейя, 2001, с. 96, 97):

zh – одна из важнейших категорий, при помощи которой описывается посмертное существование. До недавнего времени *zh* оставалось загадкой...

Поскольку в *zh* превращаются после смерти, а **свет и зрение означают жизнь**, *zh* представляет собой обозначение мертвеца, характеризующее его как обладающего какой-то потусторонней жизнью. Сущность ее хорошо раскрывается известным по множеству настенных изображений ритуалом *szħ* – «превращение в *zh*».

Само греческое слово *мюстерион* является производным от египетского слова *mst*, которое означало шкуру живот-

ного (или место ее нахождения). В эту шкуру заворачивали «человека, символически приносившегося в жертву во время исполнения погребального обряда» (А.Морэ «Египетские мистерии», с. 31). Такой человек (манекен, мумия или живой человек) назывался *Тикену*, и эта «шкура» была одним из главных атрибутов *мистерии воскресения человека*. Корень *ts* означал «рождать» и этот обряд воспринимался египтянами как *новое рождение человека из материнской утробы*, – именно ее роль символически исполняла эта шкура. На древних египетских изображениях *Тикену* может быть накрытым этой шкурой или сидеть на ней.

Во время подготовки к мистериям, как в Египте, так и в греческом Элевсине, приносились в жертву животные. Человек должен был пройти через этап «ритуальной смерти», – вместо него умирало животное. На шкуре этого животного сидели греческие *мисты*, о чем пишет Карл Кареньи в известной книге «Элевсин» (Издательство “Рефл-бук”, М.: 2000, с. 61):

Участники готовились к мистериям в своих домах или же в том месте, где приносилось в жертву жертвенное животное, на шкуре которого они впоследствии сидели во время поста: в Афинах это, несомненно, происходило в Элевсинионе, городском Элевсинском храме.

Так они «домовничали», как тексты называют это обяза-

тельное действие. В гомеровском гимне «К Деметре», который описывает странствия богини в поисках дочери и учреждение ею элевсинских мистерий, в эпизоде, когда она приходит в дом царицы Метаниры, сказано, что предложенному ей креслу «Деметра предпочитает скамью, на которую служанка Ямба набрасывает овчину» (там же, с. 61). То есть и сама богиня, учредившая Элевсинские мистерии, тоже *сидит на шкуре*.

На древнегреческой урне с изображением Геракла, который готовится пройти обряд «очищения», он «сидит, закутавшись в большой кусок ткани, закрывающий его голову и лицо. Голова барана у его ног показывает, что под ним не только шкура льва» (там же, с. 78). Но и египетский *Тикену* может быть изображен завернутым в кусок материи.

Все эти факты свидетельствуют о том, что Элевсинские мистерии – это естественное продолжение египетских мистерий на греческой земле. И в этом нет ничего унижающего или недостойного греков: речь идет о тех действиях, которые призваны пробудить и развить духовный мир человека. Главным отличительным моментом египетского мифа об убитом *Осирисе* и мифа о *Персефоне*, похищенной *Аидом*, – всего того, что послужило основанием учреждения главных мистерий обеих цивилизаций, – является именно *скитание* богинь, *Исиды* и *Деметры*: *Исиды* – в поисках разрубленных и разбросанных частей тела супруга и брата, а *Деметры* – в поисках пропавшей дочери. В обоих случаях – это *страда-*

ющие женщины.

Исходя из вышесказанного, принципиальный смысл и содержание тех тайных действий, которые проводили египтяне, и которые они называли словом *ах*, в греческих мистериях должен был оставаться тем же самым, но уже с эллинской спецификой. В обоих случаях это воспринималось как духовное «возрождение» или «новое рождение» *миста* или мумии умершего человека. Не могло быть принципиально различным содержание этих таинств даже только по той причине, что и в египетских, и в элевсинских мистериях одновременно принимало участие несколько человек (в Элевсине – десятки и сотни *мистов*, если ориентироваться на размеры помещения в Храме мистерий).

Те евангельские мистерии, с которыми познакомился читатель в настоящей книге, являются результатом пробуждения особых духовных центров у *конкретного человека*. И по этой причине невозможно такое стечение обстоятельств, когда *одновременно* открывается один и тот же духовный уровень сразу у нескольких человек. То есть, если мистерии *Осириса* и Элевсина носили *групповой* характер и проводились специально уполномоченными для этого жрецами, обученными порядку их проведения, то те мистерии, которые ввел Иисус, – носят *индивидуальный* характер и не требуют участия в них жрецов. Иисус в своей проповеди использовал греческое слово *мистерсион*, но придал ему несколько иное содержание. И еще одно важное отличие. Если египетские

и элевсинские мистерии не исключали участия в них женщин, потому что это были мистерии уровня «расширения сердца», то высшие мистерии, учрежденные Христом, – мистерия *Царства Небесного* и мистерия «*ниргуна-Брахмана*», которую Иисус не называет, но которую раскрывает в своей проповеди, – дается только мужчине, главе семьи.

Загадка синоптического текста

О чем мы хотим сказать в этой главе? Мы хотим показать читателю следующее. Во-первых, те Элевсинские мистерии, которые были главным духовным двигателем всего средиземноморского бассейна, – это не «мистификация» и не выдумка хитроумных жрецов. Это – реальный духовный трамплин для человека того времени. Причем, трамплин, разработанный тщательно и искусно. Это была прекрасная школа, которая поднимала духовный уровень до «расширения (*просветления*) сердца» и помещала такую уже *сознательную* душу в сферу подчинения богам Ада, то есть, под иго Хозяина.

Бесспорно то, что для того давнего времени это был скачок внутреннего духа человека в сторону развития и, в том числе, в сторону гуманности. И именно *просветленный* элевсинский *эпопт* становился уже сознательным и убежденным сторонником «двух богинь» – Деметры и Персефоны (в духовной реальности это одно и то же женское существо, имеющее два разных лика). И именно такой посвященный считал, что благие места Ада – это высшая посмертная награда для любой развоплощённой души. Об этом свидетельствует даже великий Платон.

Тот *Иешуа*, который явился человечеству в евангельском тексте, вовсе не имел намерения «спасать» всех людей, «пострадав» за это своей крестной смертью. Как любой здра-

вый человек, он вовсе не собирался «умирать за всех», да и вообще умирать. Но именно во время его жизни – и это от него не зависело – случилось так, что «свершились сроки» по тем космическим законам, которые неведомы нам, людям. И «Высший мир» избрал именно *Иешуа* для того, чтобы донести до человечества новую духовную правду. У этого *Высшего мира* нет собственного «рта» и «языка», чтобы самому объяснить всем нам то, что от нас требуется. Он выбирает в качестве «рта» кого-то из нас. Выбран был Иисус. Человечеству, как разумному существу, предстояло подняться еще на одну ступеньку в своем духовном возрасте, – выше, чем простой этап «расширения сердца».

Эта духовная правда называется не Раем, а Царством Небесным – *басилейя тон уранон*. Такое название выбрал сам проповедник новой правды для того, чтобы ввести иудейскую верхушку в заблуждение, – чтобы все иудеи подумали, что он говорит о том же самом *малькут шамаим* (на иврите), которое знали все евреи, и которое означало Царство Израиля на всей земле (*букв.* в переводе то же самое «царство небес»). Иначе он бы не смог проповедовать в еврейской среде о том, что ему открылось как божественная истина. Нет сомнения в том, что сначала он пытался найти понимание в назарейской среде и убедить своих сородичей в истинности своего знания. Но его не поняли и изгнали те, кто исполнял религиозные обряды мандеев, – его изгнала религиозная верхушка мандейского народа. «*Не бывает пророк*

без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем» (Мф. 13:57).

Но для нас интересно то, что в тексте канонических *Евангелий* нашло отражение прямое противостояние Христа с Элевсинскими Богинями. Причем, не в скрытой форме, а совершенно обнаженно. Как? Читатель сейчас увидит. И нет сомнения в том, что все те, кто читал текст *Евангелия* сразу же после его написания, и художники, рисовавшие древние иллюстрации по евангельским мотивам, эту тему противостояния с Элевсином прекрасно видели. И, наверное, только потому, что этому противостоянию сопутствовали неведомые космические Силы или Законы, предводитель готов Аларих разрушил *Телестерион* и все элевсинские святыни. Греция, как нация, одарившая человечество высшими духовными достижениями, перестала существовать. Греки утратили сердце своей духовной цивилизации, и только по этой причине эта нация исчезла с лица земли.

Те греки, которые живут на этих землях в настоящее время, это не их потомки. Они не имеют ничего общего с античными греками, внешний облик которых сохранился благодаря многим древнегреческим скульптурам. Все нынешние жители этих земель – это поздние пришельцы с востока, которые заселили опустевшие земли эллинов. И язык этих новых греков, хотя и заимствованный, но тоже «новый»: не древнегреческий, а нечто упрощенное и далеко не такое красивое, как было прежде, особенно в части фонетики (так на-

зываемое «чтение по Рейхлину», а не «по Эразму»). Византия – это язык и чтение древнего евангельского текста уже «по-новому», по Рейхлину. И это несмотря на то, что само евангельское *койне* наглядно свидетельствует о том, что это полноправный древнегреческий текст.

Дополним к нашим отвлечениям от темы то обязательное, что необходимо знать, учитывая нынешний духовный уровень человека. Проповедь Иисуса у иудеев о Царстве Небесном не была каким-то «хитрым обманом». Ведь нельзя же считать обманом мое действие, если я, например, пообещаю дать ребенку конфету, а сам буду держать в кармане приготовленные для него три. Обман – это когда общаются приблизительно одинаковые по умственным способностям стороны, и когда одна из этих сторон преследует свои земные цели, стараясь извлечь из обмана выгоду.

Здесь же речь идет не об *уме* и не о выгоде, а о *духовных вещах*. И если человек, имеющий определенный духовный уровень, что-то *недоговаривает*, общаясь с теми, кто его прямые объяснения понять просто не в состоянии (да они и невыразимы на нашем человеческом языке), но при этом пытается донести свое знание притчами на пользу всем без исключения, это обманом назвать нельзя. В то время окружающие его иудеи понять его были не в состоянии в силу своего духовного возраста. Но у него была уверенность в том, что люди его когда-нибудь обязательно поймут. Скажу грубо и не толерантно: разве мы «обманываем» свою любимую

кошечку, когда не даем ей то, что она просит и что ей вредно, а отвлекаем ее внимание какими-то «прыгающими фантиками»? Здесь – как это ни выглядит обидно для кого-то из читателей, – очень похожая картина.

И нам следовало бы искренне посочувствовать Христу: он так и завершил свое земное поприще, не дождавшись того, чтобы увидеть понимание своей *истины* хотя бы у одного человека. К сожалению, евангелист *Иоанн*, который его проповедь реализовал в своей жизни, родился через сотню и более лет после смерти проповедника *Иешуа*. А других, кроме него, скорее всего не было.

Итак, вернемся к нашей теме. Как уже, наверное, догадался читатель, искать в сокрытой тайне Элевсинских мистерий что-то совершенно неведомое или невероятно чудесное – то, что до сей поры неизвестно всему миру, – было бы нелогично. Но и заявлять, что это были какие-то обычные для человека обряды или действия, тоже было бы неверно. Венгерский исследователь Карл Кареньи в своей известной книге «Элевсин: Архетипический образ матери и дочери» пишет следующее (Издательство «Рефл-бук», 2000, с. 40, 41):

Участие в [элевсинских] мистериях гарантировало жизнь без страха смерти, уверенность перед лицом смерти. Вот почему поэты смотрели на посвященных как на стоящих намного выше других смертных. Этот дар могли разделить все греки – фактически **все говорящие на греческом языке**

люди, – критерием служил язык.

Элевсинские мистерии обеспечивали такую уверенность на протяжении всего их существования, которое, по-видимому, длилось около двух тысячелетий.

Этой жизни «без страха смерти» сегодняшнее человечество лишилось. «Живем один раз» – вот подлинный девиз нынешней цивилизации. Следовательно, в то время это было нечто действительно «пробуждающее дух человека». Но единственно, что можно в этом случае предположить, это то, что участие в мистериях как-то *способствовало* получению опыта «расширения сердца». Ведь и в Древнем Китае для пробуждения «просветления сердца» тоже использовались специальные искусственные практики, и в том числе чтение духовных стихов, которые по своему значению приближались к молитвам. А разве наша христианская *Иисусова молитва* это не искусственная практика для пробуждения человеческого сердца? И разве она не про то же самое?

Несомненно, элевсинским жрецом-*иерофантом*, который непосредственно вел ритуал мистерий, был человек, у которого это «расширение» уже произошло. Нам известно, что сценарий мистерий состоял из трех последовательных частей: сначала, для «затравки», – некое драматическое действие; далее – «слова», то есть какие-то высказывания или краткие духовные формулы на греческом языке; и, наконец, самое главное – *эпоптея*, созерцание.

Само греческое слово *иерофант*, как пишет К.Кареньи (с. 108) «означает не того, кто “показывает святыни” – на греческом это было бы *иеродейктес* – а того, “кто заставляет их появиться”, *файней*». Запомним это хорошенько: распорядитель мистерий – главный руководитель в этих таинствах – *заставляет святыни появиться*.

Забегая немного вперед, сделаем такое предположение, относящееся к нашей теме. Канонический Иисус, «преобразившийся» перед тремя апостолами на горе *Фавор*, фактически исполнил роль такого «иерофанта»: он «заставил появиться» *Моисея* и *Илью*. И при этом он светился «*блистающим белым светом, как снег*» (Мк. 9:2). Здесь интересно совпадение, которое, как первоначально может показаться, не имеет никакого отношения к Элевсину: дело в том, что тема «света», появляющегося во время ночной кульминации Элевсинских мистерий, играла очень важную роль.

То тайное, что происходило в ночь мистерий в элевсинском Храме *Телестерион* (от *телео* – «посвящать»), называлось словом *эноптея*. По словарю это слово означает «созерцание», «воззрение», «высшую степень посвящения в элевсинских таинствах». Происходит оно от глагола *эноптеюо* – «смотреть на что и за чем», «взирать на что», «созерцать (в смысле мистическом)». И можно без какой-либо натяжки сказать, что во время преображения Христа его апостолы тоже «созерцали». То есть они испытали нечто подобное тому, что испытывали элевсинские *энопты*. И еще одно очевидное

сходство, причем, очень важное: апостолов было *несколько*, как и *мистов* Элевсина. При этом понятно, что видели они совершенно разное.

Можно с большой вероятностью предположить, что Иисус, возведя на гору трех своих лучших учеников, ставил перед собой ту же самую задачу, что и *иерофант* Элевсинских мистерий: инициировать у этих учеников состояние «расширения сердца». Без этого духовного опыта его ученики никогда бы не смогли стать «результативными» *апостолами* (букв. «посланные») – не смогли бы донести смысл его проповеди в разные уголки земли. Ему нужны были последователи, которые могли понять хотя бы то, что он проповедует какое-то *новое* знание. *Духовное* знание, потому что тот, кто получил опыт «расширения сердца», уже знаком с Духом. *Старое* духовное знание – это Деметра и Персефона (или *Яхве* Бога евреев). И именно эта пара *слитно-нераздельных* богинь представляет собой «греческую маску» *Рухи*, которая, в свою очередь, является главным «исполнительным» или действующим лицом иудейского бога *Адона*: обе эти женщины – это его *шакти*. Или, если мыслить по-гречески, – *шакти* бога *Гадеса*, владыки Аида. Для информации скажем, что этимология греческого слова *Гадес* (Аид) – это «не вижу». Потому что *нет Света*.

И вот здесь нам следует более внимательно разобраться с тем особым «светом», который фигурирует в целом ряде древних религиозных текстов, и в том числе в эпизоде пре-

ображения Христа.

Одно из самых ранних упоминаний о том, что какой-то человек, который остался в памяти народа благодаря своим выдающимся заслугам, почему-то излучал необычный свет, сохранилось в древних текстах Китая. Это – вождь племени *Чжоу* и одновременно выдающийся полководец Вэнь-ван. Выступая с «пламенной речью» перед воинами, которым предстояло вступить в бой с войском противника – племенем *Инь*, – он излучал неземной свет, который видели собравшиеся для битвы воины разных племен.

Очередной пример – это текст иудейского Писания (*Исх. 34*):

34:29. Когда сходил Моисей с горы Синая, и две скрижали откровения были в руке у Моисея при сошествии его с горы, то Моисей не знал, что лице его стало сиять лучами...

34:30. ...и вот, лице его сияет, и боялись подойти к нему.

34:33. И когда Моисей перестал разговаривать с ними, то положил на лице свое покрывало (чтобы иудеи не устрашились сияния его лица, – *Г.Б.*).

34:35. И видели сыны Израилевы, что сияет лице Моисево, и опять налагал покрывало на лице свое, доколе не входил говорить с Ним.

Древние тексты свидетельствуют о том, что сиять мог не только земной человек, но и бог (богиня). Пример подобного

сияния показал Кришна, когда явил свой божественный образ воину *Арджуна* (Бхагавадгита. Пер. с санскрита, исслед. и примеч. В.С.Семенцова. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999, с. 62):

Сонмом дивных уборов сверкал Он,
ароматами благоухал Он;
беспредельный Господь всюдуликий,
бог богов, чудеса все вмещал Он.

Если тысячи солнц свет ужасный
в небесах запылает разом —
это будет всего лишь подобье
светозарного лика махатмы.

О Кришне мы много рассуждать не будем, тем более, что о *вишварупе* сказано в книге об Эдгаре По. А вот стихи о сиянии богини Деметры из гомеровского гимна *К Деметре* мы процитируем, тем более, что эта богиня является чуть ли не главным персонажем наших исследований. Она просияла после того, как открыла царевне *Метанире* свое истинное лицо (перевод В.В.Вересаева).

«Чтимая всеми Деметра пред вами. Бессмертным и смерт-
ным

Я величайшую радость несу и всегдашнюю помощь.

Пусть же великий воздвигнут мне храм и жертвенник в храме

Целым народом под городом здесь, под высокой стеною,
Чтобы стоял на холме, выдающемся над Каллихором.
Таинства ж в нем я сама учрежу, чтобы впредь, по обряду
Чин совершая священный, на милость вы дух мой склоняли».

Так сказала богиня и рост свой и вид изменила,
Сбросила старость и вся красотой обвеялась вечной.
Запах чудесный вокруг разлился от одежд благовонных,
Ярким сиянием кожа бессмертная вдруг засветилась,
И по плечам золотые рассыпались волосы. Словно
Светом от молнии прочно устроенный дом осветился.

Пусть читатель обратит внимание на тот факт, что «запах чудесный» упоминается не только в этом гимне, но и при преображении Кришны, и в том сюжете с Серафимом Саровским, который мы намерены читателю процитировать далее. Также совсем нелишним будет вспомнить еще раз евангельские строки преображения Христа.

Мф. 17:2. И преобразился перед ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белым, как свет.

Мк. 9:2. ...и преобразился перед ними: одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле

белильщик не может выбелить.

Современный читатель склонен считать все подобные тексты чем-то наподобие благочестивого вымысла древних и, в душе своей, нисколько не верит в реальность прочитанного. И понятно, почему это происходит: читатель не только никогда не видел ничего подобного своими глазами, но и не слышал о том, что это видел кто-то из разумных представителей нашего человеческого рода. И можно ли верить всем тем «басням», которые сочинял некогда древний народ, – народ очень «темный» и далекий от знания реальной жизни, которая нас окружает? Все это воспринимается современным человеком, как *миф*. Попытаемся убедить его в обратном.

Для начала приведем выписку из книги В.И.Ильина «Преподобный Серафим Саровский» (Международный Центр Рерихов. Фирма БИСАН-ОАЗИС, МАСТЕР-БАНК. М.:1996, с. 112 и далее выборочно):

Мотовилов пишет:

– Это было в четверг. День был пасмурный. Снегу было на четверть на земле, а сверху порошила довольно густая, снежная крупа, когда батюшка отец Серафим начал беседу со мной на ближней пожнинке своей, возле той же его ближней пустыньки, против речки Саровки, у горы, подходящей близко к берегам ее.

Поместил он меня на пне только что срубленного им де-

рева, а сам стал против меня на корточках.

– Господь открыл мне, – сказал великий старец, – что в ребячестве вашем вы усердно желали знать, в чем состоит цель жизни нашей, христианской, и у многих великих духовных особ вы о том неоднократно спрашивали... <...>

– Так-то, ваше Боголюбие! Так *в стяжании этого-то Духа Божияго и состоит истинная цель нашей жизни христианской, а молитва, бдение, пост, милостыня и другие ради Христа делаемые добродетели только средства к стяжанию Духа Божияго.*

– Как же стяжание? – спросил я батюшку Серафима: я что-то не понимаю... <...>

Я отвечал:

– Все-таки, я не понимаю, почему я могу быть твердо уверенным, что я в Духе Божиим. Как мне самому распознать Его истинное явление?

Батюшка Серафим отвечал:

– Я уже, ваше Боголюбие, сказал вам, что это очень просто, и подробно рассказал вам, как люди бывают в Духе Божиим и как должно разуместь Его явление в нас... Что же вам, батюшка, еще надобно?

– Надобно, – сказал я, – чтобы я понял это хорошенько!..

Тогда о.Серафим взял меня весьма крепко за плечи и сказал мне:

– Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божиим с тобою!.. что же ты не смотришь на меня?

Я отвечал:

– Я не могу, батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли!.. <...>

Я взглянул после этих слов на лицо его, и напал на меня еще больший благоговейный ужас. Представьте себе, в середине солнца, в самой блистательной яркости его полуденных лучей, лицо человека с вами разговаривающего. Вы видите движение уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуете, что кто-то вас руками держит за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только один свет ослепительный, простирающийся далеко, на несколько сажен кругом, и даряющий ярким блеском своим снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую сверху и меня и великого старца.

«Стяжание Духа» – это и есть невидимый, но абсолютно реальный процесс продвижения *Кундалини* вверх к *чакре сахрасрара* («тысячелестковая»). «Беседа преподобного Серафима с Николаем Александровичем Мотовиловым (1809—1879) о цели христианской жизни произошла в ноябре 1831 года в лесу, неподалеку от Саровской обители, и была записана Мотовиловым. Рукопись была обнаружена через 70 лет в бумагах жены Николая Александровича, Елены Ивановны Мотовиловой.» (Святой преподобный Серафим.

Саровский чудотворец. Москва, Издательство “P.S.”, Московская патриархия, 1990, с. 64).

И это – уже не мифы, а та реальность, о которой поведал нам почти наш современник. Причем, подозревать его в обмане, даже ради некоей благой цели, может только человек, очень далекий от всех этих вопросов и ничего не смыслящий в *настоящей* жизни. Какой-то «Шариков» из «Собачьего сердца» М.Булгакова. Дополним вышеприведенный отрывок словами Мотовилова, которые мы не стали приводить, чтобы не увеличивать и без того немалый объем процитированного текста: *«На земле нет ничего подобного этому благоуханию»*.

И в завершении всех этих примеров необычного света, излучаемого человеком или богом, хочу рассказать о случае, который произошел уже со мной лично. Возможно, после этого у читателя пропадут всякие сомнения.

Случилось это во время горбачевской перестройки, в нашем Калининграде. В то время мы с моим старшим братом Валерием, работали в конструкторской организации, которая располагалась в центре города. Во время обеденного перерыва мы обычно заходили в какой-нибудь книжный магазин. На этот раз случилось так, что зашли в один из лучших магазинов города, – тот, что находился на Ленинском проспекте, недалеко от Площади. Я задержался у полок в первом зале, а брат сразу пошел во второй, где продавалась техническая литература.

Вообще-то ничего нового и интересного это посещение не предвещало, но постояв у книжной полки с букинистической поэзией, я обратил внимание на небольшую книжку уменьшенного формата. Это были стихотворения А.К.Толстого, моего любимого поэта. Невзрачная книжечка с желтыми листами и с выкрашенной в красный цвет обложкой, на которой, почти во всю ее величину красовался рисунок такого же красного коня, стилизованного под сюжет из какой-то русской или восточной сказки: «Стихотворения. Орджоникидзе, “Ир”, 1978».

Открыл с самого конца книжку и увидел заключительное стихотворение. Это был небольшой отрывок из поэмы «Иоанн Дамаскин». И стал читать:

Благословляю вас, леса,
Долины, нивы, горы, воды!
Благословляю я свободу
И голубые небеса!
И посох мой благословляю,
И эту бедную суму,
И степь от края и до краю,
И солнца свет, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей, нищий, я иду,
И в поле каждую былинку,
И в небе каждую звезду!

О, если б мог всю жизнь смешать я,
Всю душу вместе с вами слить!
О, если б мог в свои объятья
Я вас, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить!

Удивительные строки! К сожалению, сегодняшнее поколение стихи не понимает и не любит. Для меня же, а я справедливо отношу себя к поколению предков, стихи всегда были важными, особенно в юности, и имели большое значение для правильного понимания жизни. То, с чем могут познакомиться настоящие стихи, тебе никто никогда не расскажет. Человек, любящий стихи, становится реальным обитателем сокровенного мира поэта. Он, помимо своей воли, вселяется в душу того человека, который эти стихи написал, и сам на время становится – своим внутренним миром, мыслями, чувствами – тем же Пушкиным, Тютчевым, Есениным или Гумилевым. Все они совершенно разные. И никакая женщина, например, не в силах сказать тебе о самой себе всего того, что скажет Цветаева или «гордячка» Ахматова. Все истинные поэты открывают читателю все это помимо своей воли. Стихи очень развивают внутренний мир читающего их человека, потому что *настоящие* стихи всегда «нараспашку» искренни. Через них ты узнаёшь *истинный* внутренний мир чужого тебе человека, поневоле сравнивая его с тем, чем являешься ты сам, зная себя «изнутри». И это подлинное на-

слаждение и «страдание» – читать нашу классическую русскую поэзию. Она каким-то чудным образом резонирует в твоей душе с чем-то глубоко спрятанным в тебе самом.

Я зачитался этим стихотворением Алексея Константиновича, и не хотел оставлять эту книжку сиротой на полке магазина. Хотя дома в своей библиотеке имел не одно хорошее издание этого поэта, и даже дореволюционное. «Я ее куплю» – решил я про себя и пошел в соседний зал, где была касса, и где оставался мой брат. Пройдя через арку, которая отделяла два помещения, я сразу же увидел моего брата среди всех находившихся там посетителей. Он стоял, повернувшись лицом к тому проему, из которого я выходил, – в какой-то застывшей нереальной позе. Его вид выражал недоумение, ступор и даже испуг. Он застыл, как истукан, ударенный молнией, удивленно глядя несколько робким взглядом в упор на меня. «Что с тобой? Тебе плохо?» – спросил я его. Он не отвечал. «Что случилось, скажи?»... После какой-то паузы он как-то хрипло, не своим голосом, отчужденно и отрывочно произнес: «Пойдем... Потом расскажу».

Я быстро заплатил за книгу и, пребывая в беспокойстве о его здоровье, пошел вместе с ним на выход. У него даже походка изменилась: он шел, как парализованный, неловко передвигая ногами и неотрывно глядя на меня. Когда мы вышли, и пересекли Ленинский проспект – прямо по трамвайным рельсам, не глядя надвигающийся транспорт, – он немного пришел в себя и с какой-то растерянностью, с рас-

становкой произнес, продолжая смотреть на меня все так же удивленно: «Ты... светился».

«Как? Что ты говоришь?» Для меня самого его слова показались какой-то невероятной болтовней, чем-то нереальным или даже пахнущим «больничным листом». Я не понимал, в чем дело. Потом, уже через какое-то время, он мне рассказал все, как было.

После нашего прихода в магазин он так же, как и я, просматривал какую-то книгу, но вдруг, совершенно неожиданно для себя, обратил внимание на то, что из соседнего помещения стал все заметнее, сильнее и ярче распространяться какой-то странный свет, – свет, для которого стена между помещениями не была помехой. Свет необычный, неземной, какой-то белесоватый, голубоватый или сероватый. Свет, можно сказать, даже «божественный»; чем-то привлекательный, и как бы подчиняющий себе все пространство вокруг. Брат что-то говорил мне и про «благоухание». Для меня в то время это был абсурд. Первое его чувство – удивление, восторг и страх: откуда это, и что это такое?

Свет видел только он один: никто из остальных посетителей на этот свет не реагировал. Потом он вдруг с испугом осознал, что этот чудный свет усиливается и движется в сторону того помещения, где находится он сам. И когда этот свет просиял в арке, брат вдруг понял, что его источником являюсь я! И именно в этот неожиданный момент я его застал. Для брата это было невероятно, невысказанно, невозмож-

но! Я, его брат, – и этот неземной *свет*.

Свечение пропало только после того, как мы вышли из магазина: во время пересечения нами Ленинского проспекта. Исчезал этот свет не сразу, а постепенно. Так он мне сказал. Впоследствии он даже как-то уклонялся подробно говорить об этом эпизоде.

Конечно, после такого необыкновенного события даже я сам немного «приосанился», но главное то, что брат стал относиться ко мне совсем по-другому. И все свои оставшиеся годы он об этом *свете* помнил. Именно мой брат стал единственным духовно близким и понимающим меня человеком. Он всегда был очень умным, имел прекрасную память, не в пример мне или окружающим его людям, ценил себя, знал себе цену. Знал наизусть «Демона», раньше прочитал и законспектировал «Капитал», изучал немецкий язык, много путешествовал по стране. Поэтому был, скорее, атеистом. Тоже, как и я, очень любил поэзию и был, опять-таки не в пример мне, прекрасным знатоком классической музыки и живописи. После этого события его отношение к атеизму, да и лично ко мне, изменилось. Он всегда простил меня дать ему почитать все мои записи, и много раз говорил: «Тебя не поймут, для этого надо быть совсем другим человеком».

Я сам в это время уже пришел к христианству, поэтому недолго «баловался» этим открытием брата. Тем более что до этого увлекался Индией, Махатмами и Блаватской и прекрасно знал, что у каждого человека есть своя *аура*. Вот эту

мою *ауру*, как я тогда понимал, и увидел мой брат. Так что ничего сверхъестественного не произошло, – с кем не бывает.

Для чего я привел читателю этот пример? Ну, уж совсем не для того, чтобы похвалиться в свои уже почти 77 лет. Первый вывод, который можно сделать, обдумав этот материал, это то, что и сегодня человек, получивший опыт «расширения сердца», может светиться видимым для окружающих образом. А значит, все те «свечения», о которых читатель узнал в этой книге, – это не «мифы» и не выдумка. Я это свое свечение не видел, и, наверное, это – духовный закон. А то, что его не видели остальные посетители книжного магазина, – это отсутствие у них развитого внутреннего духовного мира. У древних этот мир существовал, а сегодняшняя цивилизация такой способности – видеть этот *свет* – лишилась. Люди приблизились к животному состоянию.

Но главный вывод из этого события – вывод, который можно приложить к нашему рассмотрению Элевсинских мистерий, будет следующий: этот *свет*, в противоположность свету обычному, *не имеет преград в виде стен здания или любых строений*. И если человек или бог стал светиться, то этим светом *заполыхает* все здание, внутри которого он пребывает.

А теперь повторно обратимся к Элевсинским мистериям и поговорим о том чудесном «свете», который является отличительным брендом этих таинств. Читатель уже знает, что

все то, что происходило в *Телестерионе* в ночь мистерий, остается для человечества тайной. Однако не являлось тайной то, что в самый разгар *эпиптеи* жители Элевсина, и даже все те, кто мог видеть это здание издалека, наблюдали огромный «столб пламени», который вырывался из здания Храма над его крышей, а кто-то добавляет, что «из трубы валил дым». В книге «Элевсин: Архетипический образ матери и дочери» Карл Кареньи пишет следующее, ссылаясь на жизнеописание Фемистокла, написанное Плутархом (с. 35):

В тот момент, когда были услышаны крики из Элевсина, **воссиял великий свет: свет из храма**, единственная особенность мистерий, которая не сохранялась в тайне и упоминается почти во всех описаниях. Непосвященные могли быть исключены из процессии, но **свет, исходящий из святилища**, не мог оставаться тайной. **Если этот таинственный обряд, охватывавший и затрагивающий весь мир, не мог быть исполнен людьми, тогда его должны были проводить боги.**

Тот первоначальный Храм для Деметры, который она потребовала построить, если следовать тексту *Гимна*, имел небольшие размеры, – его площадь была около 30 метров квадратных. Это выяснилось после проведения археологических раскопок святилища. Этот древний храм назывался *Анакторон* («дворец», «храм»), и после постройки его ни-

когда не переносили в другое место, не достраивали и не изменяли. Почти сразу же вокруг него возвели здание для тех *мистов*, которые принимали участие в мистериях. И вот это охватывающее *Анакторон* здание уже неоднократно перестраивали, изменяя его площадь в большую сторону, так как участников становилось все больше. Вот что пишет Дитер Лауэнштайн в книге «Элевсинские мистерии» (Пер. с нем. Н.Федоровой. – М.: Энигма, 1996, с. 40):

Около 440 года до Р.Х. Перикл... выстроил огромный Телестерион, где Анакторон занял срединное положение... Такой вид постройки святилища сохраняли вплоть до их окончательного разрушения в 396 году от Р.Х...

Внутренность Анакторона ни разу не подвергалась изменениям. От начала и до конца там располагался очень низкий круглый жертвенник из кирпича, точь-в-точь такой же, как домашний очаг микенской знати II тысячелетия до Р.Х. На протяжении эпох на этом алтаре во время Третьей оргии (*эпиптеи*, – Г.Б.) горел огонь, в котором мальчик-прислужник курил ладаном...

А открытый для всех костер на площадке для танцев (снаружи Храма, – Г.Б.) был предвестником сокровенного огня в Анактороне.

То есть жертвенник в *Анактороне* был совсем небольшим. И уже у другого известного исследователя Элевсин-

ских мистерий, у венгра Карла Кареньи, читаем следующее (с. 109):

Со временем Телестерион приобрел вид большого здания (приблизительно 54x54 метра, – Г.Б.)... Во время Перикла крыша покоилась на опорах, а позднее поддерживалась сорока двумя колоннами, разделявшими всю внутреннюю часть на равные секторы. Это был лес колонн без какого-либо свободного участка посередине.

А про таинственное пламя он же пишет следующее (с. 111):

Многие авторы рассказывают об этом пламени. Вытяжное отверстие в крыше Телестериона служило для отвода пламени и дыма. От христианского ученого, известного нам по имени Ипполит, мы узнаем, что иерофант руководил ночной церемонией «под большим огнем». Его трон стоял довольно близко к взрывающему пламени и был защищен своей собственной крышей (но как эта крыша могла защитить человека от взрывающего рядом пламени? – Г.Б.). «Открывая великие и сокровенные таинства, – пишет Ипполит, – он громким голосом провозглашал: “Владычица родила священного мальчика, *Бримо* родила *Бримона*! То есть, Могушественная – Могушественного”.

О значении слова *Бримо* («страшная», эпитет богини подземного царства) мы поговорим позднее, потому что это тоже имеет прямое отношение к евангельскому тексту, а сейчас продолжим о *свете*. Любые здравые логические рассуждения приводят нас к единственному разумному заключению: при таком плане помещений *Телестериона* и *Анакторона* не может идти речь ни о каком обычном огне в виде «большого пламени». В *Анактороне* – это маленький домашний очаг-жертвенник, на котором курился ладан и который не был в состоянии вместить этот огонь. И как в этом маленьком храме – а именно это утверждают древние тексты – мог появиться огонь, который был виден издалека? И более того, этот ранний храм тоже должен был иметь собственную крышу. Если рассуждать об остальном помещении, которое было разделено рядами многих колонн, среди которых плотно друг к другу стояли посвящаемые в мистерии, – а это здание тоже имело крышу, – то и здесь большому огню негде было разместиться.

Если бы это действительно был настоящий «большой огонь», весь храм давно бы сгорел, а все *мисты* задохнулись от угарного газа. И что это за *эпоптея* такая, с почти пионерскими песнями у кострища: «Взвейтесь кострами синие ночи...»? Обычному огню, и тем более *с дымом*, здесь не место! И это должно быть понятно любому здравому человеку, даже далекому от духовных вещей. Но дело в том, что «огонь» (а правильнее, «большой *свет*») действительно был,

и в этом могли поклясться очевидцы. Но другого объяснения, кроме обычного огня, у духовно неразвитого человека быть не может.

Итак, мы выяснили, что в день мистерий в *Телестерионе* кто-то точно так же, как и Деметра в *Гимне*, светился неземным светом, – тем светом, который проникает сквозь стены, и который хорошо виден издалека. Это свет Вэнь-вана, Моисея, Деметры, Кришны, Христа, Серафима Саровского, – свет человека, получившего опыт «расширения сердца». Но кто же, в таком случае, там светился? Предположить то, что это был сам иерофант, невозможно по той причине, что духовный «ранг» тех богинь, которые учредили эти мистерии, был несравненно выше. Иерофант своим собственным светом мог только «подхватывать» более интенсивный свет, исходящий от «богоявления», проявившего себя в этот миг в *Телестерионе*.

Обратимся еще раз к тексту Карла Кареньи (с. 113).

с. 113. В Элевсине к Коре взывал, вероятно, иерофант. Он бил в *echeion*, инструмент с громогласным звучанием (большой медный гонг, – Г.Б.). Начинаясь *эпонтая*; взору являлись сокровенные вещи. **Явление богини** описывает фрагмент папируса. Если неразборчивый текст Сопатра восстановлен верно, то **над землей поднималась фигура...**

с. 116. ...мраморный вотивный рельеф пятого века до н.э., найденный при раскопках Телестериона. Он был по-

священ Деметре Эвкратом. Надпись гласит: «Деметре – Эвкрат». Над надписью представлена часть лица: нос и два глаза. Выше, отделенная от фрагмента лица карнизом, расположена голова богини, окруженная красными лучами. Эти **лучи подразумевают свет, в сиянии которого появилась богиня** (фотография этого *воотивного рельефа* помещена на обложке моей книги об Эдгаре По, – Г.Б.). Называть Персефону по имени в ее качестве явившейся взору мистериальной богини, *arrhetos koura* («неизреченная Кора», – Г.Б.), ни в коем случае не разрешалось. Когда посвященный смотрел на эту голову, она, вероятно, напоминала ему о богоявлении Персефоны, даже несмотря на то, что надпись под ней выражает благодарность Деметре. Эти свидетельства косвенно подтверждают то, что великое видение Элевсина представляло открытым, телесным глазам: **между светом мистерий и светом солнца не делалось никакого различия.**

с. 268. (Вальтер Ф.Отто «Смысл элевсинских мистерий», *Приложение* к книге Карла Кареньи). Вызывая Кору, иерофант ударял в так называемый *эхейон*, своего рода бронзовый гонг. Контекст не оставляет сомнений в том, что речь идет о разверзнувшихся вратах царства мертвых, ибо тут же говорится, что аналогичным образом в гонг ударяли когда умирали спартанские цари.

В этой же книге Кареньи заявляет, что «к Персефоне относились как к богини огня» (с. 119). И здесь же он говорит

очень важные вещи (с. 159):

Среди всех прямых или косвенных, подлинных или ложных свидетельств нет даже намека на то, что кто-то в кульминационный момент мистерий играл роль Персефоны в Телестерионе. Посещение Телестериона отличалось от посещения театра... Более того, у нас нет никаких указаний на то, что во время *эпиптеи* посвященным демонстрировалась маска.

И если Моисея и Илию одновременно увидели три апостола, то почему в Элевсине Кору не могли видеть одновременно десятки *мистов*? Читатель уже ознакомился в этой книге со многими вещами, которые не входят в разум обычного здорового человека. Мы совершенно не знаем *тот* мир и если что-то и представляем себе о нем, то в категориях нашего земного знания. Скорее всего, это не так, и каждый человек после своей смерти встречается с такими вещами, к которым он не бывает готов и которые не ожидает.

Поэтому мы и наблюдаем ту картину, которую описал Р.Моуди в книге «Жизнь после смерти». Причем, это вовсе не призывы верующего человека, а книга, написанная наблюдающим практикующим врачом. Один его пациент периодически приходил в сознание, возвращаясь из состояния клинической смерти. Эту запись жутко читать любому здоровому человеку. Открывающиеся глаза этого пациента были наполнены неземным ужасом. Он умолял кого-то, чтобы ему

дали возможность хоть немного пожить, и что-то изменить в своей жизни. Это была отчаянная, сверхчеловеческая умоляющая просьба. После очередной потери сознания он умер.

Какой-то читатель может подумать: «Ничего, потерпим пять минут нашу собственную агонию». Увы, не «пять», а вечность. Потому что время *там* течет иначе. Его *там* вообще нет. А значит, «терпеть» придется тысячелетия.

Как мы уже упоминали, само греческое слово *Аид* буквально означает «не вижу». *Зрение*, способность видеть – это важнейшая категория всех древнейших представлений о смерти. Египетские *мистерии*, касающиеся «воскресения» (или *возрождения*) мумии – это в первую очередь о том, чтобы «открыть *ему* глаза», – чтобы покойник снова стал *видеть*.

Я прекрасно понимаю, что все это будет звучать для современного человека, как какая-то больная фантазия, но не только наши рассуждения, но и все тексты доказывают то, что посвящаемым в *Телестерионе* являлась сама богиня Персефона. Точно так же, как при преображении Христа апостолам явились некогда жившие на земле Моисей и Илия. Они явились в образе «душ *ка*». Но и Персефона тоже – когда-то очень давно на Балканах, еще до появления там эллинов, – была жившей на земле девушкой, которая пострадала. И Моисея, и Илию, и Персефону после их смерти помнило и чтило множество людей. А если помнило, – значит, они были *живы* в образе *ка*.

Сегодня уже нет тех греков и ромеев, которые чтили *двух богинь*, – следовательно, и «духовные воплощения» этих богинь тоже исчезли. Точно так же, как исчезли *ка* египетских богов Осириса и Исида. Но в то время, когда существовали Элевсинские мистерии, эти богини были *живы*. Это вовсе не означает, что исчезла та *Руха*, греческим лицом которой являлись эти женщины. *Руха* – неистребима, исчезло ее Элевсинское лицо.

Чтобы завершить тему свечения человека попробуем сформулировать наше собственное видение этого предмета, используя при этом терминологию Древнего Египта. Очень похоже на то (пусть читатель расценит это как нашу фантазию или предположение), что человеческое существо представляет собой нечто наподобие русской «матрешки». Снаружи – физическое тело, в нем – астральное тело *ка*; в нем – духовное *ба*; в *ба* – световое тело *ах*. Когда человек светится, – это свет его «внутреннего» *ах*.

Моисей, Илия – это жившие некогда на земле люди. Они умерли, сбросили свое физическое тело и стали жить в сфере *ка*. Из своего *ка* какая-то «сердцевина» человеческого «я» опять возвращается в новое физическое тело, если во время своей прошлой жизни этот человек не вышел окончательно из земного мира Добра и Зла, – не получил «мистерию *Брахмана*». Те, которые ее получили (это уже «оно», если мыслить земными категориями), – через какие-то этапы своей «потусторонней» жизни переходят существовать в мир (сфе-

ру) *ба*, но имеют в своем духовном теле «матрицу *ах*», световое тело. Они после завершения цикла жизни в сфере *ба* снова возвращаются в свое уже «новое» *ба*, если в их духовном теле не происходит метаморфоза, поднимающая их до состояния *ах*. Тогда они в состоянии *ба* не возвращаются, а имеют базой своего развития «световое тело». Что-то похожее на это.

Богини древних греков – это жившие некогда на земле люди. Они остались пребывать в теле *ка*, сбросив свое физическое тело. Грекам они являлись точно так же, как Моисей и Илия явились апостолам во время преображения Христа. Они являлись грекам *реально*, точно так же, как *реально* светились и излучали свет. Жизнь их *ка* поддерживали мысли устремленных к ним *эпиптов*, прошедших через Элевсинские мистерии.

Для того чтобы конкретизировать и приблизить к жизни наше представление об *ах*, приведем цитату из книги А.Л.Вассоевича «Духовный мир народов классического Востока» (Издательство «Алетейя», СП-б.: 1998, сс. 179, 180, 181). Андрей Леонидович опубликовал воспоминания о своем разговоре с Юрием Яковлевичем Перепелкиным, нашим известнейшим египтологом, книги которого о Древнем Египте имеют общемировое значение. Строки удивительные. И опять наш читатель может в это не поверить. Но оба участника разговора – это умнейшие здравые ученые мужи.

Ю.Я.Перепелкин обращал мое внимание на то, что этимология египетского **ах** связана с глаголом «светиться». **Ах** (или на более поздний лад **их**) виделся «*в виде светового столба, поднимающегося из земли*». В ходе этих объяснений (11.08.1978 г.) Юрий Яковлевич описал мне и свое личное впечатление, связанное с видением **аха** или **иха**. «*При этом, – говорил он, – я даже проводил эксперименты. Если то, что я вижу, находится во мне и я отвернусь, то я буду продолжать его видеть. А если же нет, то я перестану видеть. И я поворачивал голову и переставал видеть.*

– Юрий Яковлевич, а кого вы видели?

– *Это был мой собственный ах.*»

По мнению Ю.Я.Перепелкина, **ах** – некая сущность, в виде которой появляется человек. В своих дополнительных разъяснениях от 18. 08.1978 г. Ю.Я.Перепелкин упомянул, что **ах** поднимается «*в виде светящегося столба, где конечности еле очерчены, который потом светлеет, светлеет и наконец совсем исчезает*». <...>

Повествуя о временах староегипетской древности, когда в пирамидных надписях «*нашла выражение мечта царей о посмертном плавании с Солнцем*», Ю.Я.Перепелкин писал: «*Говорили, правда, что на небо отходит “привидение” (то есть ах, – Г.Б.), а труп на землю, но каждый раз оживать и вести с помощью своих душ таинственную жизнь должен был сам покойник, т.е. труп*».

Здесь же, в этой книге, А.Л.Вассоевич приводит воспоминания и о том, как Ю.Я.Перепелкин видел свое *ка* и как следом за этим из него, Ю.Я.Перепелкина, «*со страшной силой стало выходить*» его *ба* (или **ко** и **баи**, по терминологии Ю.Я.Перепелкина, основанной на коптском прочтении этих терминов). И пусть читатель припомнит себе, в каком образе в тексте Сопатра представлялось явление богини Персефоны: «Над землей поднималась фигура».

У современного человека, который своим духовным миром приблизился к состоянию животного (ведь все эти «матрешки» надо как-то, пусть и подсознательно, тренировать, то есть «оживлять»), происходит постепенное отмирание внутренних духовных тел, начиная от самых отдаленных или нежных. Поэтому ближнее к нам *ка* никогда не отомрет при нашей жизни. А отмирание «светового тела» можно фиксировать таким фактом, что, например, если рассматривать наш случай, один человек в книжном магазине увидел свечение, а все остальные – нет. Их «световое тело» умерло или просто не развилось. А все те евреи, которые смотрели на Моисея, сходящего с горы со скрижалями завета, – это свечение видели. Как видели его и воины племени Чжоу, которых собрал Вэнь-ван на войну с иньцами. Но это видели и ученики Христа на горе Фавор.

Кто-то скажет, что в наше время такого уже не существует. А помещик Мотовилов в Саровском лесу? А мой старший

брат, который на моих глазах пережил в своей жизни подлинную евангельскую *метанойю* – «переход ума из одного состояния в другое»? Ранее он был умнейшим эгоистом, а после этого изменился разительно, фактически став другим человеком. И должен сказать, что очень помогло ему в этот труднейший период «возрождения тела *ах*» участие в жизни и таинствах православной церкви и личное обращение к Пресвятой Богородице. Мой брат никогда не был женат и умер девственником.

Здесь необходимо обязательно пояснить читателю, что греческое слово *метанойя* ошибочно переводится на русский язык как «раскаяние». «Раскаяться» в греческом языке – это *метамеломай*, и в речи Иисуса мы видим оба этих слова: *метаноэо* (от него *метанойя*) и *метамеломай*. И оба они ошибочно переводятся одним и тем же глаголом «раскаяться». В русском переводе Иуда, предавший Христа, «раскаялся» (Мф. 27:3). Но следует иметь в виду, что это его состояние охарактеризовано словом *метамеломай* (действительно «раскаиваться», «сожалеть о содеянном»), но не *метаноэо* – «измениться умом» (букв. «[переход] из одного состояния ума в другое»).

Когда Иисус призывает людей: «Покайтесь (*метаноэо*), ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 4:17), он вовсе не имеет в виду обычное человеческое «раскаяние» от чего-то несправедно содеянного. Иуда действительно «раскаялся», но при этом не только не достиг Царства Небесного, но

даже не получил мистерию «раскрывшегося Неба». Вот это Иисусово *метаноэо* в обязательном порядке должно предшествовать «расширению сердца» (вспомним особенности того юноши, который имеет перспективы получить мистерию). *Метаноэо* – это об *уме*, а «расширение» и *агапа* – уже о *сердце*. И именно по этой причине *Иисусова молитва* монахов может быть результативной только в том случае, если человеку удастся «опустить *ум* в *сердце*».

Обращаясь к «световому телу», следует добавить, что оно в «зачаточном» состоянии существует у каждого человека и никогда не «умирает» окончательно. Даже убийца может его «возродить». Но именно те, у кого оно погасло, обречены жить в подземельях Ада «без *Света*».

Читатель уже видит, что мы периодически возвращаемся к евангельскому тексту и показываем читателю, что сам читатель всегда понимал этот текст неправильно, – в тех местах, которые при чтении на русском языке казались ему совершенно понятными и даже «простенькими». Сейчас речь пойдет еще об одном таком «простеньком» месте, которое при более серьезном его рассмотрении, непосредственно связано с языческими мистериями Египта и Греции. Это «место» повторяется в евангельском тексте только два раза: один раз у *Матфея* и еще один – у *Иоанна*.

Для начала процитируем эти отрывки в синодальном переводе. И при этом добавим, что никакой перевод на любой другой язык мира ничем не отличается от нашего синодаль-

ного и не раскрывает тайну этих слов Христа. И вот ведь как получается: для того, чтобы понять это место правильно, нам необходимо давать читателю совершенно новую для него информацию: то знание языческого мира, без которого никакое объяснение не будет выглядеть убедительным.

Мф. 9:27-30. Когда Иисус шел оттуда, за Ним следовали двое слепых и кричали: помилуй нас, Иисус, сын Давидов!

Когда же Он пришел в дом, слепые приступили к Нему. И говорит им Иисус: Веруете ли, что Я могу это сделать? Они говорят Ему: ей, Господи!

Тогда Он коснулся глаз их и сказал: по вере вашей да будет вам.

И открылись глаза их. И Иисус **строго сказал** им: смотрите, чтобы никто не узнал.

У *Иоанна* речь в интересующем нас месте идет об эпизоде воскресения Лазаря.

Ин. 11:33. Иисус, когда увидел ее (Марию) плачущую и пришедших с нею иудеев плачущих, Сам **воскорбел** духом и возмутился,

И сказал: где вы положили его?

Ин. 11:38. Иисус же, опять **скорбя** внутренне, приходит ко гробу.

Ин. 11:44. И вышел умерший, *обвитый по рукам и ногам*

погребальными пеленами, и лицо его было обвязано платком.

Дело в том, что если мы обратимся к греческому тексту, то с удивлением обнаружим следующее: слова синодального перевода, которые у нас выделены жирным шрифтом, а именно, «строго сказал», «воскорбел» и «скорбя» – это один и тот же греческий глагол. Как так получается? Неужели Иисус после того, как исцелил слепцов, что для них самих – неизреченная радость, вдруг «воскорбел»? О чем скорбеть, если они стали зрячими? Или наоборот: Когда он увидел Марию плачущей, он ей что-то «строго сказал»? Ведь греческое слово во всех этих случаях – одно и то же.

Если мы обратимся к греческому тексту, то «строго сказал» – это *энебримэте*; в свою очередь «воскорбел духом» – «энебримэсато духом»; «скорбя внутренне» – «эмбримомэнос в себе». Все эти слова являются различными формами одного и того же глагола *эмбримаомай* – «храпеть», «фыркать», «рычать», «реветь». То есть с нормальной человеческой речью это слово никогда связано не было. Читатель, наверное, уже догадался, что первые приведенные значения имеют непосредственное отношение к звукам, издаваемым обеспокоенной лошадью. И если уж выбирать из этих словарных значений что-то для человека, то следовало бы перевести «прорычал»: «прорычал духом» и т.д. Но такой «правильный» перевод никто понять был не в состоянии. Он и

необъясним для обычного читателя.

В греческом словаре мы можем увидеть однокоренные с ним слова: *бримомай* – «быть в страшном гневе», «сердиться» или другое слово, *Бримо* – «Страшная (эпитет богини подземного царства)». И все эти слова имеют прямое отношение к Деметре (а с нею и к Коре). Здесь же приведен пример использования этих слов: *энембримэсато хэ Бримо* – «захрапела/прорычала Бримо (Деметра)».

И это – задача со многими неизвестными для того человека, который незнаком с древнегреческой мифологией. Если же человек этот материал знает, в таком случае для него все становится понятным. Но все дело в том, что «мифов» Древней Греции не знали уже те христиане, которые переписывали евангельский текст при копировании пришедших в негодность экземпляров. И встретив в тексте такое «неподходящее» слово, они не понимали, как к этому отнестись. Заменить его на общепринятое они не могли: для них самих этот текст был действительно свят. И более того, читая текст, они отдавали себе отчет в том, что многие притчи Христа они не понимают, и их не в состоянии объяснить никто из знатоков евангельского текста. Поэтому в случае самовольной замены, они боялись утратить ту возможно важную информацию, которую сами не в состоянии оценить правильно.

Для информации скажем читателю, что даже сегодня западные богословы, – которые (возможно, из-за собственного атеизма) значительно более искренни в оценке евангельско-

го текста, чем богословы православные, – открыто признают, что многие притчи были и остаются непонятными для всего христианского мира. И интересно получается: как можно что-то вообще говорить о евангельском тексте, если он до сих пор остается не понятым в своих главных, базовых смыслах. Например, что такое евангельская «заплата»? Что такое «мистерия»? Наконец, что такое «Царство Небесное», которое является стержнем всей проповеди Христа о спасении? Или кто такой «Отец»? И так далее.

То есть переписчики боялись повредить текст, особенно в тех местах, которые имеют прямое отношение к Христу. Но пытаясь как-то показать самого Христа в лучшем свете – «спасти» Его, потому что это не хорошо, если в тексте «рычит» только он один! – они это его «рычание» вложили также в уста других евангельских персонажей. По этой причине мы видим это слово еще один раз в *Евангелии от Марка* (самое «никчемное» из всего *Канона*, по мнению богословов, в чем они, безусловно, ошибаются). Это слово присутствует в эпизоде возлияния драгоценного *миро* на ноги Христа.

Мк. 14:5. Были же некоторые, негодующие к себе самим: На что трата эта миро сделалась?.. И роптали (*энебримото*) на нее.

Но в параллельных местах у других, более «заслуженных» евангелистов (Мф. 26:8, Лк. 7:39, Ин. 12:4), которые повест-

вуют о том же возлиянии *миро* и о недовольстве возлежащих рядом, этого «непонятного» слова нет.

Итак, обратимся к греческой мифологии, и вот что пишет по интересующему нас вопросу Карл Кареньи (с. 54, 55):

То, что произошло с Деметрой, мало отличается от случившегося с Персефоной.

Участь Деметры в варварской Аркадии была намного тяжелее, чем на Крите. Там со странствующей богиней случилось то же, что и с элевсинской Корой: ее изнасиловали. Ее преследователем и похитителем был бог, имя которого означало «муж Да» – Посейдон. Богиня превратилась в кобылу и спряталась в конюшне, после чего бог в образе жеребца зачинает не только мистическую дочь (Персефону, – Г.Б.), имя которой никому не разрешалось произносить, но и знаменитого мифического коня. В этой же истории меняется облик богини. Подвергшись насилию, она стала гневной, и кроме гневного лица обладает и зловещим именем – Эриния... В мистериях Элевсина более великой, несомненно, была дочь.

И уже отсюда происходит это ее лошадиное «фыркание», «храп». То есть сейчас нам уже понятно, что в этом евангельском месте Иисус открыто противостоит Деметре. Ощущение такое, что в этот момент она находится рядом, и *он ее видит*. Но в чем противостоит и как? Для того чтобы дать ответ на этот вопрос, обратимся к Древнему Египту. Чита-

тель уже знает, что мистерии Египта и мистерии Элевсина – это, в духовном плане, одно и то же. По представлениям египтян, о чем мы уже упоминали, *жизнь* и *способность видеть* – это синонимы. Мистерии Египта как раз в том и состояли, чтобы умершему человеку снова «вернуть зрение» – *дать возможность жить*.

И именно с этой целью ему в процессе особых ритуальных действий и с помощью специальных металлических «инструментов» – все это называлось «отверзанием очей» – возвращали способность видеть. То есть фактически эти языческие мистерии оживляли человека не для его привычной жизни на земле, а для благополучного пребывания в ином мире. Но и сам бог Осирис «воскрес» не для земной жизни, а для жизни в «Полях *Иару*», то есть в загробном мире. По этой причине древнеегипетское изображение Осириса – это вертикально стоящая и полностью запеленатая мумия. **Фактически – это то же самое изображение, что и древние рисунки вышедшего из гробницы Лазаря.** По представлениям египтян тот человек, который умер и труп которого не был проведен через все «мистерии», в благих «Полях Тростника» не окажется.

И что же такому «воскресению» египтян противопоставляет Иисус? Во-первых, пусть читатель обратит внимание на тот факт, что это «Деметрино» слово используется в евангельском тексте только в двух особых случаях: когда Иисус «открыл» зрение слепцам, и когда он воскресил умершего

человека. То есть в тех двух *базовых случаях*, которые являются сердцевинной *мистерией Ада*. Но при этом есть разница. Те два слепца, которых он исцелил, приобрели «настоящее» зрение: они стали видеть в «настоящей» земной жизни, – той, в которой привык жить человек, и которую он и считает жизнью. Потому что потусторонняя жизнь – это жизнь, даже по представлениям самих египтян и эллинов, все-таки ущербная по сравнению с земной. Хотя она несравненно лучше тех «потёмков без света», в которых оказываются все те, кто не прошел через эти – египетские ли, элевсинские ли – мистерии. И они, конечно, были правы, потому что речь идет о пребывании души человека в мирах Ада.

И второй случай – с Лазарем. Фактически, весь его внешний облик полностью копирует вид мумифицированного Осириса. Но при этом он из своей смерти («смердит уже» Ин. 11:39) возвращается в полнокровную жизнь на земле. Пелены сняты и он опять за столом (точнее, на греческом лежаке *триклинии*) вместе со всеми другими, обедающими рядом с Христом.

Это, конечно, образное сравнение. Подлинный же смысл заключается в том, что проповедь Христа о спасении *через* его Царство, а не через мистерии Элевсина или Осириса, предоставляет человеку возможность получить «настоящую» жизнь, а не жизнь в адских обителях «двух богинь». Иисус понимал, что он не может показать наглядно ту *новую жизнь*, которая уготована человеку, прошедшему через его

мистерии, поэтому он дает картину той привычной и знакомой человеку земной жизни, в которую возвращаются исцеленные им персонажи евангельского текста.

Кроме этих очевидных указаний на противопоставление мистерий Христа мистериям Элевсина и Египта в евангельском тексте присутствуют и ряд других сравнений с той духовной жизнью, которая существовала в средиземноморье до прихода Христа.

Читатель уже помнит: Деметра просияла, но и Иисус тоже просиял. Элевсин учредил мистерии, но и Иисус тоже, – но уже свои. Элевсинским *мистам* был явлен образ Персефоны, но и Иисус явил образы Моисея и Илии.

Главное в этих двух образах иудейских персонажей вовсе не их земное совершенство, к которому Иисус якобы призывает своих последователей, а две важные для него вещи. Первое, Моисей и Илия хорошо знакомы тем иудеям апостолам, перед которыми они были явлены. И второе, наверное, главное. Мистерии Элевина учреждены двумя богинями, то есть женщинами. До Христа весь мистериальный мир древних был подчинен *женскому началу*: мистерии носили женский характер, характер *Рухи* или Духа. С приходом Иисуса все эти мистерии были упразднены и заменены мистериями *Отца*, то есть они стали управляться началом мужским.

Далее. В гимне «К Деметре» сказано, что когда Плутон (Аид) похищал Персефону, которая в это время собирала вместе с подружками цветы в долине, земля перед ней «рас-

крылась» – *хайно* – «раскрываться», «разверзаться», «разевать (рот или пасть)». *Ханой хт^hон* – «Да разверзнется земля!». Но и над крестившемся Иисусом, пришедшим к Иоанну Крестителю, тоже «раскрылось», но уже Небо, а не подземные глубины Ада. И это – очередное противопоставление.

Далее, перед тем, как прийти в дом царя *Келея* и его жены *Ментаниры* Деметра села отдохнуть у «колодца скорби». Но и в *Евангелии от Иоанна* (Ин. 4:14) тоже присутствует «колодец Иаковлев», который, по сути, тоже показан в этом эпизоде, как «колодец скорби». Рядом с этим колодцем Иисус сел отдохнуть, когда апостолы ушли купить пищу. И это действительно «колодец скорби» для той женщины самарянки, которая пришла набрать воды, но увидев Иисуса, стала задавать ему вопросы. «Колодец скорби» по той причине, что она желала получить от Христа «воды, текущей в жизнь вечную», но не получила. Потому что была прелюбодейкой.

Еще один пример. Вальтер Ф.Отто в книге Карла Кареньи «Элевсин» пишет следующее (с. 253):

Гомеровский гимн Деметре – наш древнейший литературный документ, относящийся к Элевсинским мистериям – гласит, что они были учреждены самой богиней и что те, кто принимал в них участие, могли надеяться на наилучшую часть в загробном мире. **Гимн называет их «блаженными»; Пиндар тоже называет их «блаженными», а Со-**

фокл – «трижды блаженными». Эти упования на «блаженство» проходят через всю античность вплоть до ее трагического конца.

Но разве не вспоминаются читателю строки из знаменитой Нагорной проповеди Иисуса Христа: «Блаженны (*макариой*) нищие духом...» (Мф. 5). Эти слова Христа иначе называются «блаженствами». То есть Иисус и здесь упраздняет бывшие «блаженства» Ада и заменяет их новыми «блаженствами» – такими, которые старые «блаженства» отрицают (*напр.*, его требование быть «нищими духом»).

К этим пунктам можно добавить историю с Корой. Ее фактически «изнасиловали», и она родила от *Гадеса* мальчика *Бримона*: «*Бримо родила Бримона!*». Чаще всего об этом ребенке упоминается, как о *Дионисе*, боге вина и вакхических неистовств, который в детстве именовался еще одним элевсинским именем – *Иакх*, и именно это имя выкрикивали по дороге в Элевсин *мисты*. Но несмотря на рождение дитя, эта богиня все время, причем, принципиально и методично, продолжает носить имя *Кора*. Вот значения этого греческого слова по словарям:

А.Д.Вейсман: *Корэ* – «девица», «дева», «кукла», «зрачок»;

И.Х.Дворецкий: «девушка», «дева», «невеста», «молодая женщина», «дочь», «изваяние девушки», «зрачок»,

«глаз»;

«Гомеровский словарь» (В.Л.Краузе, 1880): «девушка», «дочь», «дщерь», «молодица».

То есть она родила, но при этом осталась *Корой* – «девицей», «девой», «девушкой». Не напоминает ли это читателю что-то похожее в евангельском сюжете?

Итак, мы установили некоторые очевидные факты. Согласимся, что это достаточно неожиданное для нас открытие. И теперь главный вопрос: как эти факты можно объяснить? Ведь мы неоднократно заявляли, что сами евангелисты-писатели (кроме *Иоанна*) – это люди, которые имели духовный уровень «расширения сердца», и не более того. Далее, мы выяснили, что Иисус – это, в действительности, назарей *Иешуа христос*, который реально жил на земле и проповедовал свое Царство у иудеев.

И любой исследователь задает себе вполне естественный и законный вопрос: кто все это «придумал»? Анализ текста показывает, что евангелисты совсем не понимали проповедь Христа, а были обычными «статистами». И невозможно такое в нашем человеческом мире, чтобы эти писатели (синоптики) – все разом! – так «притворялись»: с одной стороны, выставляли себя «непонятливыми», а под этой маркой плели сложнейшие сюжеты, связанные с противопоставлением проповеди Христа законам Элевсинских мистерий. Для этого необходимо четко понимать, что такое «Брахман», с од-

ной стороны, и быть посвященным в Элевсинские мистерии – с другой. Причем ясно, что иудеи хотя и знали греческий язык, но принимать участие в языческих мистериях не могли из-за своей веры.

Тот Христос, о котором повествуют эти тексты, без сомнения прошел через мистерии Элевсина. Своим преображением на горе Фавор он, *фактически, разгласил тайну эпонтеи*. А следовательно... А следовательно, остается единственный возможный вариант. Иисус *Христос* – это тот проповедник нашего земного мира, который *реально* столкнулся с пребыванием в этом мире хозяев Ада – Деметры и Персефоны. И восстал против них, создав «духовную плоть» учения о спасении более высокого уровня, – спасения, которое противопоставило подземному миру мир небесный. А следовательно, и Деметра, и Персефона, и Ад, и Рай, а также Его слова «Я в Отце и Отец во Мне» – это не «религиозные мифы» древних, а подлинная *реальность человеческого бытия того времени*. Такая реальность, о которой знало и которую принимало, как данность, жившее в то время все средиземноморское человечество, включая писателей евангельских текстов. И именно эта реальность невольно нашла отражение в «статистических» записях этих людей.

Мы, нынешние, стали совершенно другими, и не видим этого главного отличия самих себя от тех людей, которые писали и читали евангельский текст. Они видели окружающий мир объемным, а мы – плоским.

Это как в фантастическом рассказе «Страна слепых» Герберта Уэллса. В какой-то труднодоступной и забытой всем миром долине жили люди, которые очень давно лишились зрения из-за вредных испарений и рождались слепыми. К ним случайно попал человек из нашего мира, который попытался объяснить им их беду. Они его не стали слушать – просто не понимали. И их всеобщее решение – конечно же, на пользу самого этого пришельца – удалить ему глазные яблоки для того, чтобы он стал таким же «нормальным», как и все остальные. И все были убеждены в том, что правда – на их стороне. Точно так же, как некоторые психиатры, читающие настоящую книгу, искренне – профессионально – убеждены в сумасшествии автора. Но ведь и Шариков лучше всех других ловил кошек для изготовления «пролетарского мыла», и он был необходим государству. Ведь мы же не против гигиены нашего тела?

Думаю, было бы справедливым пригласить к ним (а заодно и к нам) какого-нибудь сохранившегося уже в другой неведомой «долине» древнеегипетского жреца с «инструментами», – для того, чтобы он провел им (а заодно и всем нам) древний ритуал «отверзания очей». Сегодня более всего требуется современному человечеству – это отверзание *духовного взгляда*.

О различии в путях спасения

Как древний мир смотрел на человека? И почему в этом мире, судя по нашему «демократическому» взгляду на вещи, отсутствовало равноправие между мужчиной и женщиной? Если мы повнимательнее присмотримся ко всем этим вещам, то обнаружим, что древний мир делал принципиальное *внутреннее* различие между мужчиной и женщиной. Внешние отличия по половым признакам – это мелочи по сравнению с тем, что фиксируют самые разные цивилизации Древнего мира.

Мы уже сказали о том, что исходя из представлений мандеев, «внутренний человек» у мужчины и женщины принципиально различен. «Он» – это *нишиимта*, а «она» – *руха*. И именно исходя из этой дихотомии, тайное учение мандеев – *назирута* объясняет возможность спасения человека, то есть его окончательного освобождения из земного мира. Образно говоря, *нишиимта* мужчины совершает «побег» из мира Хозяина Ада и Рая в миры *Света* на «крыльях *рухи*». И только по той причине, что *руха* является «своей» в этом земном мире – мире Ада и Рая, – *нишиимта*, объединенная с *рухой*, становится как бы «невидимой» для всех «стражей», стоящих на границе нашего «двойственного» мира. Это и есть те самые «заставы», о которых упоминает христианское богословие. Именно их беспрепятственно преодолевает сов-

местное «оно» мужа и жены, – тот Адам Шестоднева, который был создан *an'архэс*, и который уже не «женщина» и не «мужчина», а иного состояния в мире Хозяина существовать не может.

Обратим внимание читателя, что все великие религии, кроме иудаизма, говорят именно о спасении, освобождении, *мокише*, становлении *Брахманом*, *нирване* и так далее. То есть все они признают, что наш земной мир несовершенен, и что его необходимо преодолеть, предприняв для этого какие-то особые усилия.

Далее, возьмем в качестве очередного примера Древний Египет. Многие из читателей слышали, что у египтянина существует его духовное тело *ка* или «двойник». Но это не у человека, а у мужчины. А у женщины оно совершенно другое – это *хемсут*. И именно по этой причине у женщины-фараона *Хатшепсут*, которая правила в Египте около двадцати лет, возникли почти непреодолимые препятствия, когда она заняла египетский трон. На барельефах, посвященных этому фараону, она изображается в виде мужчины – с накладной бородой, мужским телом и в мужской короткой юбке. А повествование о ней часто ведется с использованием местоимений мужского рода – «он», а не «она». Фараон – это Бог на земле, а «она» тем Богом мужского рода, который поставлен править Египтом, а значит и всей вселенной, быть не может. Вот что сказано о *Хатшепсут* на прихрамовых стелах:

[Бог] Хнум, «создатель людей», получает от Амона указание сформировать младенца и ее *ка* – нечто вроде гения хранителя – на своем божественном гончарном круге. Обе маленькие фигурки несомненно мужские (Мертц Барбара. Древний Египет. Храмы, гробницы, иероглифы. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007, с. 179).

Великая древняя религия Египта, много узнавшая о внутренней структуре человеческой личности, ставила целью в качестве *спасения* после окончания земной жизни пребывание в Полях *Иару* («Полях тростника»). Это, фактически, «хороший Ад» или почти Рай в сегодняшнем христианском понимании, где одинаково пребывают как души (*ка*) мужчин, так и женщин (*хемсут*). То есть египетская религия еще не поднялась на ту духовную ступень, когда в спасении человека участвуют уже совместно *ка* и *хемсут*. Но само представление о космогонии (три этапа сотворения мира), правильное понимание принципиального различия внутренней структуры мужчины и женщины, а также знание мистерии «расширения сердца» – все это полностью подготовило египетскую религию к очередному духовному скачку, который, к сожалению, не состоялся.

Хотя очень возможно, что Египет передал свою «эстафетную палочку» духовного развития тому мандейскому племени, которое и совершило в свое время «исход из Египта», преодолев на своем пути разошедшиеся в стороны воды «мо-

ря *Суф*» («Моря Конца»). Не могли назареи не иметь великого предшественника в своем духовном развитии. Из ничего рождается только ничто. А другого кандидата на роль предшественника, кроме Египта, у мандеев не существует. И это подтверждается многими совпадениями в религиях обоих народов.

Возьмем Древнюю Индию и ее йогу. Вся йогическая техника основана на единственном постулате древних индусов: в основании позвоночника мужчины, в районе копчика, пребывает некая замечательная субстанция – древняя Сила (*шакти*), *Кундалини*, и она – «Женщина». Именно ее, «свернутую в кольца змею», поднимает йог вверх по позвоночному столбу, «пронзая» ею встречающиеся на пути *чакры* («вихри», «колеса»), – некие воображаемые энергетические сгустки или формирования. Цель йоги – освобождение (*мокша*). И достигается она несколько необычным способом.

В обычном состоянии человека *Кундалини*, или «самка змеи», спит, свернувшись кольцом. Если ее разбудить с помощью специальных йогических упражнений, в первую очередь дыхательных, она начинает подниматься вверх по *сущимне* (воображаемый йогом ток) «в стремлении увидеть змея» (Б.В.Мартынов; именно его работами мы пользуемся в попытке популярно объяснить основы йоги). «Самка змеи» – это «Высочайшая Владычица», «Великая Богиня» или, как ее чаще называют, – *Шакти* («сила») Бога *Шивы*. Вспомним Бога *Адона* и его «силу» – *Руху*-Дух из мандейских верова-

ний, и это – полная аналогия индийским представлениям о «мужском» и «женском». Поднимая эту *Шакти* вверх, йогин (в текстах *тантры*) тем самым обеспечивает единство, «а также союз и даже соитие Богини (*Шакти*) со своим Божественным супругом (*Шивой*)» (Б.В.Мартынов).

Во время таких занятий главные «препятствия йога – [это] одежды, ложе, женщины и богатство» («Шива самхита»; Б.В.Мартынов). Каждый йог соблюдает обет целомудрия (*брахмачарья*): «не имей дело с женщинами». То есть йога – это изначально исключительно мужское занятие, и тот факт, что европейские женщины стали увлекаться *хатха*-йогой, имеет такое же отношение к йоге подлинной, как утренняя гимнастика.

Йога утверждает, что в самой верхней *чакре* (*сахрасрара*) – «Великая Пустота», а это и есть тот «корень освобождения», в котором пребывает Высочайший *Шива*. «Он сущность и *Атман* всего сущего», и это – «место *Брахмана*». То есть йога фактически ставит знак равенства между *Шивой* (Хозяином) и *Брахманом Упанишад*. То есть делает то же самое, что и христианское богословие, которое считает *Элохима* и *Яхве* – единым Богом. Но где, в таком случае, место совершенно отдельному эпизоду восхождения человеческого духа – тому *сагуна-Брахману*, о котором сказано в *Упанишадах*? Ведь эту ступень духовного развития – *сагуна* – никак не перепрыгнешь. Причем, как сказано в *Упанишаде*, этот *сагуна*- должен все еще содержать в себе какие-то зем-

ные категории: «время», «подвижность», «воплощенность» и даже «смертность».

Природа человека создана таким образом, что в каждом мужчине от рождения присутствует что-то женское. Самое видимое проявление – это те соски на груди, которые набухают в период полового созревания мальчика. Но и в женском организме тоже наличествует «мужское», о чем известно каждому взрослому человеку. Но это только внешние телесные проявления этих противоположных признаков. А что происходит на уровне астрального или *тонкого тела (сукшма шарира)*? Науке это неизвестно, а йога утверждает, что в основании позвоночника каждого мужчины спит «женщина» – *Кундалини*.

Есть ли эта «сила» у женщин, это вопрос, и реальна ли *сахасрара* для женского организма, – это тоже большой вопрос. Тысячелетняя йога развивалась только на основе анализа мужского организма, а *тонким телом* женщины никто в Индии не интересовался. Но если бы заинтересовались, то бесспорно нашли бы там что-то «мужское». А иначе ни о каком «прилеплении» *мужского* к *женскому* в вечности разговора бы не было. И евангельская проповедь назаряя *Хреста* тоже бы не состоялась.

А теперь попытаемся просуммировать все вышесказанное и сделать логический вывод.

Древние египтяне утверждают, что «тонкое тело» у мужчины и женщины различно: у мужчины это *ка*, а у женщины

– *хемсут*.

Мандеи утверждают, что духовная структура мужчины это *нишиимта*, а женщины – *руха*.

Древние китайцы в своих духовных практиках «просветления сердца» женщину вообще не принимают во внимание. В *Лунь юе* Конфуция о его жене не сказано ни одного слова, а о женщине вообще – всего одно упоминание, и оно нелестное.

В Древней Индии проводится четкое различие между мужчиной и женщиной именно в духовном отношении. В *Брихадараньяка упанишаде* (1. 4) о первоначальном человеке сказано следующее: «В начале [всё] это было лишь *Атманом* в виде *пуруши*... Тот, кто одинок, не знает радости... Он стал таким, как женщина и мужчина, соединенные в объятиях. Он разделил сам себя на две части. Тогда произошли супруг и супруга» (перевод А.Я.Сыркина).

“*Пуруша*” – букв. «человек»; «единый всепроникающий жизненный принцип, который одушевляет людей и прочие живые существа, населяющие космос» (Индийская философия: энциклопедия; Ин-т философии РАН.– М.: Вост. Лит., 2009, с. 667, 668). Исходя из этой строгой дихотомии нашего человеческого мира, различные религии выработали свои особые способы *спасения* человека, и они следующие:

Мандейский способ. Над умершим мужчиной проводят богослужебный обряд, в котором священник имитирует *ни-*

шимту умершего и с помощью особых церемоний соединяет его душу с искусственно воссозданной в обряде женской *рухой*. И такая «объединенная» душа, по мнению мандеев, уже может подняться к *Мирам Света*.

Способ йоги. Мужчина, принявший обет безбрачия и уединившийся от мира, с помощью специальных длительных и сложных практик поднимает свою «женскую» *Кундалини* и соединяет ее с мужским началом – *Шивой*.

Опыт Упанишад. Семейный человек, не погруженный в мирскую суету, но размышляющий над смыслами бытия, неожиданно получает духовный опыт: сначала узнавания своего *атмана*, затем получает знание *акаши* и, наконец, – *сагуна-Брахмана* и *ниргуна-Брахмана*. При этом мистерия «раскрывшегося Неба» обязательно присутствовала в жизни составителей *Упанишад* – об этом свидетельствует правильное понимание *акаши*, – но она не зафиксирована в этих текстах понятным для рядового читателя языком, так как это, возможно, не считалось тем событием, которое имеет непосредственное отношение к *атману* или *Брахману*. При этом можно сделать предположение, что у создателей *Упанишад* был свой древний «прототип» Христа – их земной учитель, который ко времени создания этих текстов уже ушел из жизни. Его имя было *Вишну*. И только впоследствии, как это произошло и в христианстве, *Вишну* стал одним из богов *Тримурти*. К этому времени знание жизни реальных создателей *Упанишад* было окончательно утрачено, как и имя их

учителя.

Евангельский путь. Молодой человек берет в жены девушку, и, исполняя заповедь «не прелюбодействуй», живет с ней обычной супружеской жизнью, рожая детей и занимаясь хозяйством. В результате естественного соединения с женой и следуя заповедям Христа, он получает мистерии, включая *сагуна-* и *ниргуна-Брахмана*.

Любая религия, которая ведет речь о *спасении/освобождении*, верит в то, что существует некий Высший разумный мир, который заинтересован в таком *спасении* человека. Немного дополним этот постулат. Не обязательно, чтобы это был некий разумный «заинтересованный» мир. Скорее всего, это какой-то общемировой Закон или Принцип нашего человеческого бытия, обеспечивающий Высшему миру более благоприятные условия развития. Человек состоит из множества биологических клеток, и мы не задумываемся о том, чтобы каждая из этих клеток благополучно развивалась: об этом «задумываются» естественные процессы нашего организма, то есть его особые Законы развития. И как заявляют те же самые великие религии мира, все существующее бытие рождено или являет собой части Вселенского человека (в Индии – *Пуруши*). Возможно, и мы все – это тоже только «части» или «молекулы» какого-то более высокого уровня существования.

И если это действительно какой-то Высший Закон, уста-

новленный для нашего земного мира, – мы имеем в виду необходимость того, что религии называют словом «спасение», – в таком случае, какой из вышеперечисленных способов был бы наиболее логичен и естественен с точки зрения этого Высшего мира или Разума? И это не говоря уже о том, что путь йоги не гарантирует того *освобождения*, которое, если следовать *Упанишад*ам, обеспечивается только становлением *ниргуна-Брахманом*. Освобождение по йоге – это «высшее состояние, когда человек становится одним с почитаемым Богом» (Б.В.Мартынов). Но «почитать» *ниргуна-Брахмана* невозможно, причем, не только до того, как сам «стал *ниргуна-Брахманом*», – потому что в принципе неизвестно, что именно почитать, – но даже выйдя из этого состояния.

«Кто тебя ослепил?» – спрашивают Полифема циклопы в «Одиссее». «Никто» – отвечает он им. И если даже этого земного «Никто» невозможно найти, в таком случае что можно говорить о каком-то почитании «*не [то], не [то]*» *Упанишад*?

То есть, сомнений нет: для Высшего мира, если таковой вообще существует, естественен и логичен только путь евангельский. Здесь и *спасение*, и продолжение человеческого рода, то есть подготовка будущих «спасшихся» пар, и нормальный порядок протекания жизни на земле. Но главное то, что в этом *спасении* женщина участвует наравне с мужчиной, и она тоже *спасается*, как и он. Если же мы примем ме-

тод спасения йоги, в таком случае получается, что этот Все-вышний Разум или Закон напрасно создал женщину на земле. Мужчина спасается самостоятельно, без нее, а процесс размножения человеческого рода можно было бы упростить, исключив из него женщину. Такие примеры в природе существуют, и подобная задача не является неразрешимой для «эволюции». Но Высший Разум вряд ли не понимает всего того, что для нас самих ясно, как божий день.

И если вести речь о каком-то Высшем мире, то ему нужны от нас первые чистые и светлые чувства, то есть «первинны». Нужны чувства молодости, первой любви, искреннее юношеское или девическое горячее сердце, а не старческие угрызения совести и желание изменить ушедшую в прошлое жизнь на более правильную и справедливую.

Заключение

Потому что супружеская верность
для тебя важнее, чем все *Миры Света*

Диван Абатур

Я написал эту книгу совсем не для того, чтобы как-то опорочить Церковь Христа. Дай ей Бог здоровья и процветания долгие годы. Она жива и надеюсь, что будет жить вечно. И не нам, смертным, решать ее тысячелетнюю судьбу. Но история последних лет показывает, что она неотвратимо теряет свои позиции. А как иначе назвать безбожный период существования Советского Союза после Октябрьской революции? Фактически, русский народ эту Церковь сдал большевикам безо всякого сопротивления. И разве это похоже на поведение первых христиан во время гонений в Римской империи?

Прошла «перестройка», и Церковь вновь оказалась востребованной в новом государстве. На волне энтузиазма к Церкви потянулись широкие массы русского народа, – потянулись с верой и открытым сердцем, и это не насмешка. И Церковь опять как будто воспрянула. Но ее голос о *справедливости* и *совести* в государстве допещерного капитализма так и не был услышан ее прихожанами, – он так никогда и

не прозвучал во весь голос, – а народ видит только множачиися без числа храмы этой обновленной «капитализмом» Церкви. Сегодня волна «детского» всенародного доверия к Церкви уже в прошлом, и храмы будут неотвратимо пустеть. Точно так же, как это уже давно происходит в «капиталистической» Европе. Это не осуждение и не злобная критика. Это внутренняя обида и печаль души, что, вот, безвозвратно упущена, наверное, уже действительно последняя ниспосланная Богом возможность для руководства *совестью* русского народа с помощью *Истины* евангельского слова.

Прошел майдан в Украине. И в этом государстве уже дошло до того, что одна христианская конфессия, используя репрессивную власть государства, насильно выселяет из Киево-Печерской Лавры всех монахов другой родственной ей христианской конфессии. Римская Империя тоже использовала репрессивную власть государства против христиан, и именно тогда появилось христианское мученичество и исповедничество. Киево-Печерская Лавра – это скрепа и духовная мать всех православных христиан Руси. И ни один христианин – ни в Украине, ни в России – не «отдал свою жизнь», защищая эту «скрепу» до последней капли крови. *«Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить»* (Мф. 10:28) – эти слова Христа помнит каждый христианин, но когда сегодня доходит до дела... Об этом даже неприлично говорить в нашем мире. Для всех православных христиан *России и Белой Руси* это явление стало очередным эпизодом

буйства в *Малой Руси* Темных сил, – проходящим эпизодом, освящаемым тараторящими о событиях государственными СМИ. Как будто камушек канул в воду – разошлись круги и снова *тишина*. Если сердце не горит верой, это уже не вера.

Как уже увидел читатель, в самом начале зарождения христианской Церкви у нее был выбор: путь монашеский или путь супружеский, – путь той *Истины*, которую некогда проповедовал *Христос*. В раннюю пору уже существовали те *Евангелия*, которые наглядно разъясняли правильное понимание проповеди Христа о спасении. Церковь не могла этого не видеть. Но она выбрала для себя не путь *Истины*, а путь земного владычества. Монашество – это тот «боевой отряд», который помогал первоначальной Церкви решать ее земные задачи. Именно монахи сокрушали своей силой оплоты язычества, как в Элевсине, так и в египетской Александрии. «*Что посеешь, то и пожнешь*». Сегодня самих монахов выгоняют из их вековой обители. И это – «воинство Христова»? Не надо лгать хотя бы себе самим.

Все то, что я написал в этой книге, нисколько не противоречит тому традиционному христианству, которое существовало на земле 2000 лет. Но ведь и Элевсин тоже существовал 2000 лет. Я сам когда-то был искренним христианином и до сих пор ношу крестик, как *реальную* духовную драгоценность и защиту; и до сих пор вычитываю утром и вечером «Правило Серафима Саровского для мирян», которого чту своим благословенным Учителем. Но человек, если

его душа жива, растет внутренним духом. И главное здесь не догма той или иной религии, а именно этот правильный внутренний рост. Мое сердце раскрыла *Агни-Йога*, и я благодарен Елене Рерих до сих пор, ни в чем ее не осуждая и не превозносясь. Точно так же я почитал, и всегда буду почитать христианскую Церковь с ее монахами Серафимом Саровским, Симеоном Новым Богословом, Силуаном Афонским, Феофаном Затворником и другими великими старцами.

Но на земле таких больше нет, потому что сегодняшняя жизнь не предоставляет благоприятные условия для их рождения. Иссякла вера народа, а то, что осталось, – это теплящийся *огонек*, который по-настоящему и оберегать-то уже некому. Народу необходимы примеры святости, примеры отречения от благ ради веры в Христа, – а их уже нет, этих примеров, потому что нет той веры.

Церкви, которая существовала все эти тысячелетия, и благодаря которой человек стал сбрасывать с себя свою животную шерсть и волчьи зубы, удалось сделать очень много. *Животное* стало постепенно превращаться в *человека*. Но где сегодня этот «человек» во властных структурах России и среди ее самых богатых людей? Все обросли новой шерстью, и уже не прежней, плюгавенькой, а богатой, почти меринской.

Для любого духовного пути, и в том числе того, который предлагает назарей Иешуа *Христос*, христианская Церковь

– это благо. Ни один человек, вставший на духовный путь, не может миновать *Евангелия*. Но для семейной пары этот церковный путь всегда упирался и упирается в тупик. Это наглядно видно из истории существования женских монастырей. Все эти девушки и женщины лишили себя счастья материнства и жизни полноценной семьей ради призывов Церкви «веровать во Христа». Но разве к такой жизни призывает женщину подлинный Христос (*Хрестос*)? И вся их монастырская жизнь выливается в изготовление различной церковной утвари, в роспись одежд священников и копирование икон. Наверное, есть такие девы, у которых по их природе, нет иного пути, ну а как же все остальные? Те, которые по зову своего горячего девического сердца пошли «за Христом».

У мужчины и женщины есть изначально предначертанное будущее. И не человеку его определять, критиковать или переиначивать. Проповедь назарея Иешуа предназначена не для того, чтобы стать какой-то отдельной, своей религией с новой жреческой кастой. И можно спросить любого здравого человека земли: разве легок тот «крест», который возлагает *Хрестос* на плечи главы семьи и его супруги? И кто в состоянии исполнить его заповедь «не прелюбодействуй»? Ведь *муж* и *жена* – это совершенно разные земные существа, а от них требуется *слиться* в единое целое.

Скорее всего, это не новая религия, а какая-то *сияющая* в духовном мире корона, которой венчается удостоенная ею семейная пара, как в христианстве, так и в исламе. Ведь та-

кие пары невидимы для окружающих их людей. Разве они имеют какие-то свои отдельные обряды, которые оскорбляют или нарушают ту религию, в которой они оказались часто даже только по причине своего рождения? И пусть они верят в своего традиционного Иисуса Христа или того пророка Мухаммада и *Ису*, которые почитаемы в исламе, – их путь к совместному совершенству открыт: это путь к единению в Вечности. И показан он гениальным назареем *Иешуа Христом*, – пророком *Исой*, как совершенно справедливо именует его ислам.

В человечестве совсем исчезла *агана*, и уже почти нет настоящей любви друг к другу. Это произошло потому, что мы растеряли свою духовность, растратили ее на внешние цветные ленточки. И стали животными по своей внутренней сути. Сколько неприкрытой агрессии, раздражительности и оправдываемой государствами ненависти одного народа к другому. Глобализация только обострила все эти процессы. Мы идем ко всеобщей гибели, и нет в нашем человеческом мире такой силы, которая бы остановила этот разрушительный процесс.

В нас нет того *Света*, о котором животное знать не может. И как древний человек был в состоянии утихомирить агрессию дикого животного и приручить его к мирной жизни, так и современное состояние человечества может спасти только Высший разум. Мы на самоорганизацию не способны. Мы духовные покойники. И я верю в то, что Высший разум от-

кликнется. Что впереди – *Свет*.

Слеза дрожит в твоём ревнивом взоре
О, не грусти, ты всё мне дорога,
Но я любить могу лишь на просторе,
Мою любовь, широкую, как море,
Вместить не могут жизни берега.

.....

Но не грусти, земное минет горе,
Пожди ещё, неволя недолга —
В одну любовь мы все сольёмся вскоре,
В одну любовь, широкую, как море,
Что не вместят земные берега.

А.К.Толстой 1858